

ADMINISTRATĪVĀ UN KRIMINĀLĀ JUSTĪCIJA
Baltijas Starptautiskās akadēmijas un Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmijas
zinātniski teorētisks žurnāls

<p>2021 Nr. 1/2 (90/91)</p>	<p>Galvenais redaktors Dr.iur. Andrejs Vilks</p>
<p>Tiešsaistes ISSN 2592-8422 http://journals.rta.lv/index.php/ACJ</p>	<p>Redakcijas kolēģija Dr. habil. iur. Viktors Justickis (Lietuva) Dr. habil. iur. Osvalds Joksts (Latvija) Dr. iur. Jānis Baumanis (Latvija) Dr. iur. Larisa Beļajeva (Krievija) Dr. iur. Gediminas Buciuonas (Lietuva) Dr. iur. Ilona Bulgakova (Latvija) Dr. iur. Aivars Endziņš (Latvija) Dr. iur. Artūrs Gaveika (Latvija) Dr. iur. Sandra Kaija (Latvija) Dr. iur. Ivars Kronis (Latvija) Dr. iur. Jānis Načisčionis (Latvija) Jur. zin. kand. Vladimirs Rudņevs (Krievija) Ph. D. Cveta Markova (Bulgārija) Dr. iur. Ārija Meikališa (Latvija) Dr. iur. Mariana Petrova (Bulgārija) Dr. iur. Risto Pullats (Igaunija) Dr. iur. Vitolds Zahars (Latvija)</p>
<p>Baltijas Starptautiskās akadēmijas un Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmijas izdevums Reģ. apl. Nr. 000702194 Mūsu adrese: Lomonosova iela 4, Rīga, Latvija, LV-1019 e-pasts: justicija@bsa.edu.lv Tālr.: +371 67100242</p>	<p>Angļu valodas redaktore Mārīte Opincāne Tehniskā redaktore Gundega Bēriņa Korektore Vita Ansonē Vāka autore Anita Dimante</p>
<p>Visi raksti ir recenzēti atbilstoši Latvijas Zinātnes padomes prasībām. Recenzijas ir pieejamas žurnāla redakcijā.</p>	

Žurnāls indeksēts: *Index Copernicus, Crossref, OpenAir, Worldcat*

Latvijas Zinātnes padomes lēmums Nr. 1-2-1 Rīgā 2007. gada 23. janvārī.

Latvijas Zinātnes padome, pamatojoties uz Latvijas Republikas “Zinātniskās darbības likumu” (19.05.2005.) un “Latvijas Zinātnes padomes nolikumu” (LR MK Noteikumi Nr. 383, 09.05.2006.), nolemj iekļaut LZP Vispārārtzīto recenzējamo zinātnisko izdevumusarakstā žurnāla “Administratīvā un Kriminālā Justīcija” trīs sadaļas: krimināltiesības, policijas tiesības, kriminālistika un operatīvās darbības teorija.

Latvijas Zinātnes padomes priekšsēdētājs akadēmiķis J. Ekmanis
Autoru viedoklis var nesakrist ar redakcijas kolēģijas viedokli. Par faktu pareizību atbild rakstu autori.

SATURS

KRIMINĀLTIESĪBU APAKŠNOZARE

A. Kipāne Noziedzīga nodarījuma – vajāšana – sastāva raksturojums	5
S. Kaļiņina Kontroles speciālista loma un nozīme finanšu institūcijas darbībā pret noziedzīgi iegūtu naudas līdzekļu legalizāciju (atmazgāšanu) un terorisma finansēšanu	16
J. Girfanova Spīdzināšanas, cietsirdīgas vai pazemojošas apiešanās vai sodīšanas aizliegums slēgta tipa iestādēs	23
A. Else Kriminālatbildība par terorismu	30

ADMINISTRATĪVO TIESĪBU APAKŠNOZARE

I. Golta Karavīra gods	37
J. Zikina Administratīvā pārkāpuma sastāvs un kvalifikācijas problēmas	47
A. Bašlikovs Administratīvās nogādāšanas un aizturēšanas tiesiskā regulējuma problēmas	54

CIVILTIESĪBU APAKŠNOZARE

A. Rožkova, I. Andrejanova Civiltiesisko attiecību priekšmetu digitālā profila tiesiskais stāvoklis	60
---	----

TIESĪBU TEORIJAS, FILOZOFIJAS UN VĒSTURES APAKŠNOZARE

A. Baikovs Tiesības kā vērtība, vērtības tiesībās (otrā daļa)	69
---	----

JURIDISKĀS DOMAS ATTĪSTĪBA

Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmijas asociētā profesora Dr. iur. Artūra Gaveikas monogrāfija “Schengen Acquis (Schengen Law)”	80
--	----

CONTENTS

SUB-BRANCH OF CRIMINAL LAW

A. Kipane Characteristics of the Constituent Elements of a Criminal Offence – Persecution	5
S. Kalinina The Role and Importance of a Compliance Officer in the Activities of a Financial Institution in order to Prevent the Legalization (Laundering) of Criminally Acquired Funds and the Financing of Terrorism	16
E. Girfanova The Prohibition of Torture, Cruel or Degrading Treatment or Punishment in Closed Institutions	23
A. Else Criminal Responsibility for Terrorism	30

SUB-BRANCH OF ADMINISTRATIVE LAW

I. Golta Honour of the Soldier	37
E. Zikina The Composition of the Administrative Offence and the Problems of Its Qualifications	47
A. Bashlikovs Problems of Legal Regulation of Administrative Delivery and Detention	54

SUB-BRANCH OF CIVIL LAW

A. Rozhkova, I. Andreyanova Legal Status of the Digital Profile of the Subjects of Civil Legal Relations	60
--	----

SUB-BRANCH OF THEORY, PHILOSOPHY, AND HISTORY OF LAW

A. Baikovs Law as a Value, Values in Law (part two)	69
---	----

DEVELOPMENT OF LEGAL THOUGHT

The monography “Schengen Acquis (Schengen Law)” by Arturs Gaveika, PhD in Law, associate professor of Rezekne Academy of Technologies	80
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

ОТРАСЛЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА

А. Кипане	
Характеристика состава преступного деяния – преследование	5
С. Калинина	
Роль и значение комплаенс - специалиста в деятельности финансового учреждения в вопросах противодействия легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем, и финансирования терроризма	16
Е. Гирфанова	
Запрет пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов наказания в учреждениях закрытого типа	23
А. Элсе	
Уголовная ответственность за терроризм	30

ОТРАСЛЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

И. Голта	
Честь военнослужащего	37
Е. Зыкина	
Состав административного правонарушения и проблемы его квалификации	47
А. Башлыков	
Проблемы правового регулирования административного доставления и задержания	54

ОТРАСЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

А. Рожкова, И. Андреянова	
Правовое состояние цифрового профиля предметов гражданских правовых отношений	59

ОТРАСЛЬ ТЕОРИИ, ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

А. Байков	
Право как ценность, ценности в праве (часть вторая)	69

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Монография ассоц. профессора Резекненской Технологической академии, доктора права Артура Гавейки «Schengen Aquis (Шенгенское право)».....	80
---	----

KRIMINĀLTIESĪBU APAKŠNOZARE

NOZIEDZĪGA NODARĪJUMA – VAJĀŠANA – SASTĀVA RAKSTUROJUMS

Aldona Kipāne, Dr. iur.

Rīgas Stradiņa universitātes Juridiskā fakultāte, Latvija

E-pasts: aldonakipane@inbox.lv

Abstract

From January 1, 2018, amendments to the Criminal Law, which provide criminal liability for the persecution of a person, came into force in Latvia. The constituent elements of persecution are defined as a specific form of violence.

The aim of the paper is to describe the constituent elements of persecution based on the theory and practice of criminal law. During the study, the author provides a framework of the criminal law theory and outlines the elements of the persecution. The object of the study is the criminal relations, which arise from the persecution of another person. The subject of the study is the criminal legal framework to be followed for the determination of criminal liability.

The following legal interpretation methods and approaches have been used in the study: grammatical, systematic, teleological, and historical, as well as analytical method for analysing doctrine and practice of criminal law. Doctrines of criminal law, national legislation, and the sources of legal literature relevant to the aim of the paper have been in the study, too.

The analysis carried out leads to the conclusion that persecution covers a wide range of socio-psychological behaviour that manifests in the sacrifice's victimization and specific harm caused to him/her. Persecution is an active illegal, threatening activity in the form of repeated or lasting tracking, surveillance of another person, expressing threats or unsolicited communication with such a person, if victim have had reasonable grounds to fear for their safety or the safety of their relatives.

Keywords: *criminal liability, persecution, activity, criminal offence, constituent elements of a criminal offence.*

Ievads

Latvijā kriminālatbildība par personas vajāšanu paredzēta no 2018. gada 1. janvāra. Lai personu sauktu pie kriminālatbildības, jābūt stingram tiesiskam pamatam, proti, tikai likums var noteikt, kas ir noziedzīgs nodarījums, un paredzēt par to atbildību – nav noziedzīga nodarījuma bez likuma (*nullum crimen sine lege*), un sods draud tikai par likumā noteiktu noziedzīgu nodarījumu (*nullum crimen, nulla poena sine lege*). Savulaik Latvijas tiesību zinātnieks Pēteris Lejiņš norādījis, ka vispārzināmais romiešu tiesību princips “*nullum crimen sine lege*” nosaka, ka par noziedzīgu nodarījumu var runāt vienīgi tajos gadījumos, kad „aizrādījums formulēts no varas: 1) tādā veidā nedrīkst uzvesties; 2) kas tā uzvedīsies, saņems sodu¹”.

Krimināllikuma (turpmāk KL²) 1. pantā noteikts, ka pie kriminālatbildības saucama un sodāma tikai tāda persona, kura ir vainīga noziedzīga nodarījuma izdarīšanā, tas ir, kura ar nodomu (tīši) vai aiz neuzmanības izdarījusi KL paredzētu nodarījumu, kam ir visas noziedzīga nodarījuma sastāva pazīmes. KL sastāva jēdziens netiek definēts, taču no KL 1. panta izriet, ka noziedzīga nodarījuma sastāvs veido kriminālatbildības pamatu. Pirmās neatkarīgās Latvijas valsts izcilākais krimināltiesību zinātnieks Pauls Mincs rakstīja, ka kriminālatbildība pati par sevi nemaz nav iespējama, ja nav noziedzīga nodarījuma sastāva.

Raksta mērķis ir, pamatojoties uz krimināltiesību teoriju un praksi, analizēt noziedzīga nodarījuma – vajāšana – sastāva elementus. Noziedzīga nodarījuma sastāvs (latīņu val. *corpus delicti*) ir Rietumu jurisprudences termins, kas pamatojas uz principa, ka ir jāpierāda, ka ir noticis noziedzīgs nodarījums un persona ir sodāma par šo nodarījumu. Bleka juridiskajā vārdnīcā (*Black's Law Dictionary*) “*corpus delicti*” definēts kā faktiski izdarītā noziedzīgā nodarījuma fakts³. Tiesību

<https://doi.org/10.17770/acj.v1i89.4420>

This journal is distributed with an international license:
Creative Commons Attribution 4.0 International License

doktrīnā atzīts, ka noziedzīga nodarījuma sastāvs (*corpus delicti*) ir likumā paredzēto visu objektīvo un subjektīvo pazīmju kopums, kas ir nepieciešams un pietiekams, lai atzītu kaitīgu darbību vai bezdarbību par noteikta veida noziedzīgu nodarījumu⁴. Tādejādi pamatoti atzīt, ka personas izdarīts noziedzīgs nodarījums ir kriminālatbildības faktiskais (materiālais) pamats, savukārt kriminālatbildības juridiskais pamats ir noziedzīga nodarījuma sastāvs, kas jākonstatē personas nodarījumā. Oficiāli noziedzīga nodarījuma izdarīšanas fakta konstatēšana notiek kriminālprocesā. Tieši KL saturs nosaka kriminālprocesa uzsākšanas pieļaujamību⁵. Jānorāda, ka jēdziens “sastāvs” ir teorētisks, kas līdz šim kalpojis gan kā noziedzīga nodarījuma definīcijas sastāvdaļa, gan kā palīgs nošķirt noziedzīgu nodarījumu kā konkrētu dzīves atgadījumu no tā juridiskā novērtējuma, gan kā instruments noziedzīga nodarījuma elementu strukturizēšanai un analizēšanai krimināltiesību zinātnē un praksē⁶.

Pētījuma objekts ir krimināltiesiskās attiecības, kas rodas, personai izdarot citas personas vajāšanu, pētījuma priekšmets – krimināltiesiskais regulējums, kas jāievēro kriminālatbildības noteikšanai.

Temata aktualitāti nosaka specifiskās īpatnības, kas izpaužas termina “vajāšana” krimināltiesiskajā kontekstā. Personas vajāšanas aktualitāti valstī apstiprina kriminālās statistikas dati, kas parāda, ka jau 2018. gada pirmajos divos mēnešos par vajāšanu uzsākti pieci kriminālprocesi⁷, bet 2018. gada laikā valstī reģistrēti 47 vajāšanas gadījumi. Visvairāk vajāšanas gadījumu reģistrēti Rīgā – 28 jeb 59,5 %, pa vienam Daugavpilī un Liepājā, 17 gadījumi reģistrēti Latvijas novados – Talsu novadā – 9, Kuldīgas novadā – 2, pa vienam gadījumam – Cēsu, Dobeles, Dundagas, Gulbenes, Preiļu un Viļānu novadā⁸. Savukārt 2019. gadā reģistrēti 54 vajāšanas gadījumi (visvairāk reģistrēti Rīgā – 27 (50 %)); Jūrmalā 2 gadījumi, viens gadījums reģistrēts Liepājā, Rēzeknē un Ventspilī⁹.

Pētījumā izmantotas tiesību normu iztulkošanas metodes: gramatiskā, sistēmiskā, teleoloģiskā un vēsturiskā, kā arī analītiskā metode, analizējot krimināltiesību doktrīnu un praksi. Pētījumā izmantoti krimināltiesību doktrīnas, nacionālie tiesību akti un juridiskās literatūras avoti saskaņā ar darba mērķim. Atbilstoši ir citēt profesores Valentijas Liholajas norādīto: “Tikai konstatējot pilnīgu atbilstību starp nodarījuma faktiskajām pazīmēm un konkrēta noziedzīga nodarījuma sastāva pazīmēm un to sakritību, ir pamats atzīt, ka izdarīts noziedzīgs nodarījums un to pareizi kvalificēt saskaņā ar attiecīgo KL normu (pantu, panta daļu, punktu). Ja kaut vai pēc vienas pazīmes šādu sakritību nevar konstatēt, personas nodarījumā nav konkrēta noziedzīga nodarījuma sastāva un nav arī pamata tās saukšanai pie kriminālatbildības¹⁰.” Izmeklējot un iztiesājot kriminālprocesu, tiek veikta nodarījumu kvalifikācija, kad konkrētas situācijas pazīmes tiek salīdzinātas ar attiecīgu KL normu un tiek izdarīts secinājums par tiesību normas un faktisko apstākļu atbilstību un sakritību. Noziedzīga nodarījuma kvalifikācija ir pilnīgas atbilstības konstatēšana starp noziedzīga nodarījuma faktiskajām pazīmēm un KL normā (pantā, panta daļā, punktā) paredzētā konkrētā noziedzīgā nodarījuma sastāva pazīmēm¹¹. Personas rīcība var tikt sodīta tikai tad, ja attiecīgā rīcība atzīta par noziedzīgu ar spēkā esošu, pietiekami precīzu rakstītu krimināltiesību normu, kas paredz pietiekami precīzu sodu¹². Krimināltiesību teorijā atzīts, ka noziedzīga nodarījuma kvalifikācija ir dinamisks process, kas norisinās visās kriminālprocesa stadijās, un katrai no tām ir sava specifika.

Vēsturiski Latvijas krimināltiesību teorijā un praksē atzīst noziedzīga nodarījuma ārējās izpausmes (objekts un objektīvā puse) un iekšējās izpausmes (subjekts un subjektīvā puse) kopību. Noziedzīga nodarījuma sastāva teorētiskai analīzei krimināltiesībās tiek izdalīti četri noziedzīga nodarījuma sastāva elementi – noziedzīga nodarījuma objekts, objektīvā puse, subjekts un subjektīvā puse.

Vajāšanas sastāva juridiskā analīze

KL 132.¹ pantā (Vajāšana) noteikts, ka **par vairākkārtēju vai ilgstošu citas personas izsekošanu, novērošanu, draudu izteikšanu šai personai vai nevēlamu saziņu ar šo personu, ja tai ir bijis pamats baidīties par savu vai savu tuvinieku drošību,**– soda ar īslaicīgu brīvības atņemšanu vai ar piespiedu darbu, vai ar naudas sodu.

Atbilstoši personas vai sabiedrības interešu apdraudējuma raksturam un kaitīgumam noziedzīgi

nodarījumi iedalāmi kriminālpārkāpumos un noziegumos. Noziegumi iedalāmi šādi: mazāk smagi noziegumi, smagi noziegumi un sevišķi smagi noziegumi (KL 7. panta 1. daļa). Saskaņā ar minēto klasifikāciju **vajāšana ir kriminālpārkāpums.**

Vajāšanas sastāvs ir noteikts kā īpašs vardarbības veids. No valodniecības aspekta latviešu valodā *vajāt* nozīmē 1) sekot (kam), lai to notvertu; dzīties pakaļ; 2) uzmācīgi, neatlaidīgi vērsties (pie kāda), traucēt; pastāvīgi nodarbināt kāda prātu, domas¹³. Vajātāji nav homogēna personu grupa. Vajātājs var būt ģimenes loceklis, bijušais partneris, paziņa vai arī pilnīgi svešs cilvēks, kas uzskata, ka viņu ar upuri saista tuvas attiecības. Vārds *izsekot* nozīmē neatlaidīgi, sistemātiski novērot, sekojot (kādam) novērot, uzmanīt (to), izzināt, iegūt informāciju (par to), piemēram, viņa atrašanās vietu, darbības mērķus. Vārds *novērot* – ilgstoši vai atkārtoti vērot, lai ko secinātu; izsekot ar acīm, arī uzmanīt. Savukārt vārda *draudēt* skaidrojums ir biedēt (kādu), censties ietekmēt, solot nodarīt ko ļaunu, bet draudi ir iebiedēšana, solījums nodarīt ļaunu (kādam)¹⁴. Iesaistīšanās nevēlamā saskarsmē ir arī aktīva sazināšanās ar vardarbības upuri, izmantojot jebkādas pieejamos sakaru līdzekļus. Vajāšana var ietvert arī informācijas ievākšanu par personu, piemēram, komunicējot ar vajātajai personai tuvu cilvēku. Kibervajāšana tiek definēta kā izsekošana tiešsaistē. Tas nozīmē atkārtotu interneta vai citu elektronisko līdzekļu izmantošanu, lai uzmāktos, iebiedētu vai biedētu kādu personu vai grupu. Kibervajāšana veikšana var izpausties kā seksuāla uzmākšanās, nepiemēroti kontakti vai nevēlama uzmanība upura privātajai dzīvei un ģimenes aktivitātēm¹⁵.

Noziedzīgs nodarījums nav iedomājams bez objekta, pret kuru tas vērsts. Vēsturiski Latvijā kā noziedzīga nodarījuma objekts tiek atzīts apdraudētās intereses. Profesors Pauls Mincs norādījis “ar noteikta veida labumu saprot tiesību apsargātu labumu”¹⁶. Katrs noziedzīgs nodarījums ir vērsts pret kādu interesi, kurai nodara vai var nodarīt kaitējumu. Par šādu objektu var būt katrs tiesību apsargāts labums. Profesors Uldis Krastiņš norāda, ka interese ietver gan tiesisku labumu, mantiskas, nemantiskas vērtības, gan sabiedriskās attiecības. Tikai tad, ja šo interešu aizskārums ir krimināli prettiesisks, tad vainīgās personas krimināli sodāmas un apdraudētā interese kļūst par noziedzīga nodarījuma objektu¹⁷.

Mūsdienās juridiskajā literatūrā ir pārstāvētas četras noziedzīga nodarījuma objekta teorijas un par noziedzīga nodarījuma objektu tiek atzītas 1) sabiedriskās attiecības; 2) tiesiski aizsargāts labums; 3) apdraudētās intereses; 4) konkrēti cilvēki vai cilvēku grupas, kam nodarīts kaitējums. Latvijas krimināltiesību teorijā izdala trīs noziedzīga nodarījuma objektu pakāpes: 1) vispārējais – kopīgs visiem noziedzīgiem nodarījumiem, tas ir, visu interešu kopums, ko aizsargā KL; 2) grupas – ir tādas pašas vai viena veida un savstarpēji saistītas vairākas intereses, kuras apdraud vesela noziedzīgu nodarījumu grupa. Noziedzīga nodarījuma grupas objekts dod iespēju klasificēt krimināltiesiskās normas pēc apdraudēto interešu rakstura un savstarpējās saistības; 3) tiešais objekts ir tās intereses, ko apdraud konkrēta veida noziedzīgs nodarījums, jo tieši šo interešu aizsardzībai likumdevējs izdevis attiecīgo normu, kuru klasificējot, izšķir galveno tiešo objektu, papildu tiešo objektu, fakultatīvo objektu¹⁸.

Analizējamā krimināltiesību norma atrodama KL Sevišķās daļas XIII nodaļā “Noziedzīgi nodarījumi pret personas veselību”, līdz ar to grupas objekts ir cilvēka veselība, ar ko saprot organisma dabisko stāvokli, cilvēka ķermeņa orgānu un audu normālu funkcionēšanu. Taču ar cilvēka veselību saprot ne tikai tīri fizioloģisko organisma stāvokli, bet arī personas sociālo un sabiedrisko nozīmīgumu. Ārstniecības likuma¹⁹ 3. pantā definēts, ka veselība ir fiziska, garīga un sociāla labklājība, valsts un tautas pastāvēšanas un izdzīvošanas dabiskais pamats. Savukārt šī kriminālpārkāpuma tiešais objekts ir personas drošība, personas psiholoģiskā integritāte. Fiziskās un psiholoģiskās integritātes, kā arī brīvības intereses ir katra indivīda pamattiesības, kuras valstij ir pienākums aizsargāt. Eiropas Savienības Pamattiesību hartas 2. un 6. pantā reglamentētas ikviena tiesības uz dzīvību, brīvību un drošību. Arī Latvijas Republikas Satversmes 89. un 111. pantā noteikts, ka valsts atzīst un aizsargā cilvēka pamattiesības un veselību saskaņā ar Satversmi, likumiem un Latvijas Republikai saistošajiem starptautiskajiem līgumiem. Jāpiekrīt viedoklim, ka ievēribas cienīgs ir fakts, ka likumdevējs krimināltiesību praksē un līdz ar to doktrīnā ievieš pilnīgi jaunu dimensiju, proti, emocionālo vardarbību, kas līdz šim krimināltiesību aspektā tika vērtēta ļoti ierobežoti²⁰.

Autore piekrīt profesora Ulda Ķīņa secinājumam, ka Latvijas Republikas Satversmes 96. pants aizsargā gan personas psiholoģisko, gan fizisko integritāti. No tā izriet, ka personai ir tiesības uz drošību – “miera garantiju” dzīvot un netraucēti īstenot savas likumiskās intereses gan reālā vidē, gan kibertelpā²¹. Latvijas krimināltiesību sistēma nodarījumos, kas vērsti pret veselību, ir pilnībā atzinusi personas integritāti, tas ir, fizisko un garīgo veselību.

Vajāšanas jēdziena skaidrojums ietver nepieciešamību darbībām būt neatlaidīgām, traucējošām un ilgstošām, lai tās varētu definēt kā vajāšanu. Jāpastāv objektīviem apstākļiem, kas pamatoto drošības apdraudējumu. Tādējādi vēlams, lai apdraudētā persona fiksē sistemātiski izteiktos draudus, piemēram, saglabājot mobilajā telefonā īsziņas ar izteiktajiem draudiem vai jebkuru citu saraksti, kas liecinātu par to, ka persona tiek vajāta. Vajāšana var būt saistīta ar visa veida vardarbību – no draudiem līdz pat nonāvēšanai.

Latvijas krimināltiesību teorijā atzīts, ka noziedzīga nodarījuma objektīvā puse ir personas uzvedības ārējā izpausme, kas rada vai var radīt kaitīgas izmaiņas apkārtējā pasaulē²². Ārēji objektīvā puse var izpausties kā darbība un kā bezdarbība. Noziedzīga nodarījuma objektīvā puse ārēji visbiežāk izpaužas kā darbība.

No objektīvās puses vajāšanas sastāvu raksturo aktīvas darbības, kas var izpausties dažādās formās. Darbība kā cilvēka uzvedības ārēja izpausme ir viņa aktīva iejaukšanās apkārtējās pasaules notikumos, parādībās un norisē. Krimināltiesiskā nozīmē darbība ir cilvēka aktīva, kaitīga un prettiesiska uzvedība, kas pauž personas apzinātu gribu, un tā ir vērsta pret noziedzīgā nodarījuma objektu, nodarot vai radot draudus nodarīt kaitējumu ar KL aizsargātām interesēm²³. Ar darbību jāsaprot arī tie procesi, ko vada vai izmanto cilvēks²⁴. Likumprojekta “Grozījumi Krimināllikumā” anotācijā²⁵ skaidrots, ka vajāšanas panta mērķis ir atklāt tādas vardarbīgas rīcības modeļa kriminālo būtību, kuras atsevišķie elementi, ja tie tiek apskatīti atsevišķi, ne vienmēr ir nelikumīga darbība. Lielākā daļa valstu, kas atzīst vajāšanu par sodāmu noziedzīgu nodarījumu, normatīvajos aktos neiekļauj izsmēlošu darbību uzskaitījumu, vienlaikus saglabājot divus būtiskus elementus – atkārtota uzvedība un nodoms. Vajāšana no objektīvās puses izpaužas kā vairākkārtēja vai ilgstoša 1) citas personas izsekošana; 2) citas personas novēršana, 3) draudu izteikšana šai personai, 4) nevēlamā saziņa ar šo personu.

Kā piemēru var minēt tiesas prakses aprakstu: *2019. gada oktobrī Rīgas pilsētas Vidzemes priekšpilsētas tiesa personu B. atzina par vainīgu KL 132.¹ panta pirmajā daļā paredzētajā noziedzīga nodarījuma izdarīšanā un noteica sodu – 120 piespiedu darba stundas un EUR 1000 kompensācija katram cietušajam. Saskaņā ar apsūdzību laika posmā no 2018. gada janvāra līdz septembrim Trīsciema? apkaimē, Rīgā, persona B aiz naida un ar nodomu iedvest bailes saviem kaimiņiem no savas mājas demonstratīvi novēroja viņu īpašumu, uzņēma vairāk nekā 1000 fotogrāfiju ar zibspuldzi, kā arī spīdināja ar lāzera staru kaimiņu nepilngadīgos bērnus. Turklāt izvietoja videokameru un prožektorus uz kaimiņu pagalmu, kā arī informēja, ka redz īpašumā notiekošo, neskatoties uz to, ka uz logiem ir uzlīmētas spoguļplēves*²⁶.

Vajāšanu/kibervajāšanu var izdarīt vairākos veidos, tā aptver plašu sociālpsiholoģisku uzvedību spektru²⁷. Autore norāda, ka vajāšanas/kibervajāšanas saturā ietilpst virkne rīcību, aizskarot svešas vai pazīstamas personas:

- regulāra (vairākkārtīga) upura izsekošana ierastajās ikdienas gaitās (piemēram, ceļā no mājām uz darba vietu, mācību iestādi, veikalu un citām vietām, kuras upuris mēdz regulāri apmeklēt), atrodoties pie personas privātīpašuma vai iekļūstot tajā;
- uzmākšanās, nepiedienīgu piedāvājumu izteikšana, sūtīšana uz telefonu, e-pastu vai sociālo tīklu;
- upura biedēšana (šāda satura telefona zvani, sūtījumi uz e-pastu u. tml.);
- uzmācīga vai nevēlama kontaktēšanās vai paziņošana citai personai par to, ka tā tiek novērota;
- nevēlamu e-pastu un īsziņu sūtīšana,
- fiziska sekošana vardarbības upurim, ierodoties viņa darbavietā, sporta vai izglītības iestādē;
- sūtot, piegādājot, novietojot materiālu vai objektu vajātajai personai pieejamā vietā bez jebkāda iemesla;
- nevēlama un nepatīkama sazināšanās ar darba devēju, darba kolēģiem vai kaimiņiem;

- sekošana personai virtuālajā vidē (tērzētavās, sociālo tīklu mājaslapās u. tml.);
- regulāra, uzmācīga un biedējoša kontaktēšanās ar upuri – ar telefona, īsziņu, e-pasta starpniecību (biežāk tiek sūtītas īsziņas vai zvanīts vēlu vakarā un naktī);
- personas slepena fotografēšana, novērošana vai noklausīšanās (t. sk. attālināti piekļūstot cietušā datoram, slepeni izvietojot videokameras upura dzīvesvietā utt.);
- uzmācīga dažādu dāvanu pasniegšana upurim (piemēram, regulāra ziedu, mīlestības vēstuļu nosūtīšana, dāvanu atstāšana pie upura mājvietas durvīm);
- aizskaroši un nepatīkami komentāri, regulāra aizskarošu, biedējošu un divdomīgu komentāru izteikšana par upuri interneta vidē (piemēram, sociālajos portālos *draugiem.lv*, *facebook.com* u. c.);
- mērķtiecīga personas diskreditēšana virtuālajā vidē (viltus konta izveidošana, paziņojuma sūtīšana citiem upura vārdā u. tml.);
- neslavas celšana, publicējot un izplatot nomelnojošu, izdomātu informāciju par personu (sludinājumu izvietošana ar upura personas datiem par kāda pakalpojuma sniegšanu, piemēram, intīmpakalpojumu u. c.);
- nepatiesas ziņas ģimenes locekļiem un darba biedriem, draudi un šantažēšana;
- upura radnieku, draugu un darba kolēģu regulāra un sistemātiska ietekmēšana – stāsta par upuri nepatiesas un apmelojošas ziņas vai cenšas pārliecināt, cik vajātājam ir svarīgas attiecības ar upuri, cik ļoti viņš viņu mīl;
- var ietvert arī informācijas ievākšanu par personu, piemēram, komunicējot ar vajātājai personai tuvu cilvēku;
- draudi upurim, ka var ciest pats upuris, viņa bērni, tuvinieki un draugi;
- kopīgo bērnu iesaistīšana un uzpirkšana ar dāvanām un solījumiem, lai tie mēģinātu ietekmēt upura uzvedību, visbiežāk, lai upuris atjaunotu kopdzīvi ar varmāku;
- regulāra dažādu apmēru bojājumu nodarīšana upura īpašumam (piemēram, automašīnas bojāšana, dzīvokļa durvju bojāšana, stiklu izsišana, mājdzīvnieku kropļošana vai nogalināšana, dzīvesvietas izdemolēšana);
- citas personas aizskaršana jebkurā citā līdzīgā veidā bez likumīga iemesla.

Pilnīgi pamatoti vajāšanas lietas var atzīt par komplicētām un sarežģītām gan no noziedzīga nodarījuma atklāšanas un izmeklēšanas aspekta, gan arī no noziedzīgo darbību faktiskas pārtraukšanas viedokļa, jo vajātāji mēdz būt tik apmāti ar savu ideju, ka viņi nebaidās saņemt sodu un pēc tam tāpat turpināt savas noziedzīgās darbības²⁸.

KL Sevišķās daļas normās likumdevējs, konstruējot materiāla sastāva noziedzīgus nodarījumus, kā noziedzīga nodarījuma objektīvās puses pazīmi ietvēris ne vien darbību vai bezdarbību, bet arī kaitīgās sekas, kas iestājušās darbības vai bezdarbības rezultātā. Kaitīgu seku kā obligātas pazīmes ietveršana noziedzīga nodarījuma sastāva objektīvajā pusē liecina par darbības vai bezdarbības kaitīgumu²⁹. Materiālos noziedzīga nodarījuma sastāvos neatņemama objektīvās puses pazīme ir arī cēloņsakarība, kas krimināltiesībās tiek saprasta kā objektīvā saikne starp prettiesisko darbību vai bezdarbību un to radītajām kaitīgajām sekām.

Likumdevējs analizējamajā pantā ir norādījis, ka darbības ir sodāmas tikai tad, ja personai ir bijis pamats baidīties. Tādējādi pēc noziedzīga nodarījuma sastāva konstruktīvajām (uzbūves) īpatnībām **vajāšana ir veidots kā materiāls sastāvs**.

Var piekrist viedoklim, ka zināms subjektīvisma elements šajā situācijā pastāv, jo objektīvi izvērtēt, vai personai ir, vai nav pamats baidīties, diezin vai būtu pilnīgi iespējams. Tomēr nav šaubu, ka būt aizsargātai no nelikumīga citas personas radīta psiholoģiskās integritātes apdraudējuma ir personas tiesības, bet dzīvot, nebaidoties par to, – likumiskā interese³⁰. Draudi ir viens no psihiskās vardarbības veidiem, un to mērķis ir cietušā iebiedēšana. Tas, vai draudi ir bijuši reāli, katrā gadījumā izlemj tiesa, ņemot vērā gan faktiskos lietas apstākļus, gan arī cietušā psihisko attieksmi pret izteiktajiem draudiem³¹. Pamatoti norādīt, ka vajāšana padara personu par upuri, radot bailes, nedrošību, trauksmi, bezpalīdzības sajūtu, nenoteiktību, satraukumu, emocionālu diskomfortu, nemieru, stresu un pilnībā izjaucot ierasto ikdienas dzīvi³². Visbiežāk vajāšana sastopama vardarbīgās

partnerattiecībās starp laulātajiem vai neregistrētā kopdzīvē dzīvojošām personām, vai arī starp bijušajiem partneriem. Piemēram, *bijušais draugs F nevēlas labprātīgi pārtraukt attiecības. F nepārtraukti zvana pa telefonu gan dienā, gan naktī, raksta īsziņas, zvana pie durvīm, rītos stāv pie dzīvokļa durvīm, kā arī draud, ka aplies ar skābi, ja upuris neturpinās tikties ar viņu.* Var norādīt, ka kibervajāšana ir veids, ko varmākas izmanto, lai kontrolētu esošo vai bijušo dzīvesbiedri, izmantojot virkni tehnoloģiju, piemēram, uzstādot slēptās novērošanas kameras mājās, automašīnā vai citur, kur novērojamais mēdz uzturēties, kā arī pielieto noklausīšanās ierīces gan telpās, gan mobilajā tālrunī. Tāpat var tikt izmantotas navigācijas sistēmas upura izsekošanai³³.

Ieskatam var aplūkot vajāšanas upuru aptaujas datus: 22,6 % – izjuta bailes; 16,1 % – jutās terorizēti; 7,3 % – izjuta dusmas; 6,5 % – iebiedēti; 5,6 % – ieslodzīti, izjuta bezspēcību un pašnovērtējuma krišanos. Savukārt 31,4 % norādīja uz visu emociju spektru. Turklāt 90,3 % cietušo personu norādīja uz izturēšanās, uzvedības, paradumu, telefona numura vai dzīvesvietas maiņu, bet 40 % norādīja, ka mainījuši gan dzīvesvietu un telefona numuru, gan izturēšanos un paradumus³⁴. Saskaņā ar ES Pamattiesību aģentūras pētījuma “Vardarbība pret sievietēm. ES mēroga apsekojums” (publicēts 2014. gadā) no vajāšanas savas dzīves laikā Latvijā cieta 14 % sieviešu, 18 % ES sieviešu ir saskārušās ar vajāšanu, piemēram, saņēmušas aizvainojošus vai draudošus e-pastus, īsziņas vai zvanus, tikušas izsekotas. Turklāt 5 % – pēdējā gada laikā, kas nozīmē, ka 12 mēnešu laikā deviņi miljoni sieviešu piedzīvojušas vajāšanu. Latvijā ar to saskārušies 14 % sieviešu. Kibervajāšana, izmantojot e-pastu, īsziņas vai internetu, īpaši skar gados jaunas sievietes. Četri procenti no visām 18–29 gadus vecām sievietēm jeb 1,5 miljoni sieviešu 28 Eiropas Savienības valstīs ir saskārušās ar kibervajāšanu pēdējo 12 mēnešu laikā. Viena no piecām (21 %) sievietēm, kas cietusi no vajāšanas, to piedzīvojusi ilgāk nekā divus gadus. Vienai no piecām sievietēm (23 %), kuras cietušas no vajāšanas, pēc nopietnāka vajāšanas incidenta ir nācies mainīt tālruna numuru vai e-pasta adresi³⁵.

Krimināltiesību teorijas kontekstā noziedzīga nodarījuma subjekts ir noziedzīgu nodarījumu izdarījusi pieskaitāma fiziska persona, kura nodarījuma brīdī sasniegusi KL paredzēto vecumu (14 gadus), un līdz ar to viņu par izdarīto nodarījumu var saukt pie kriminālatbildības un sodīt³⁶. Vispārējā subjekta pazīmes ir: 1) fiziska persona; 2) pieskaitāma persona; 3) sasniegusi vecumu, no kura iestājas kriminālatbildība; 4) persona ir izdarījusi Krimināllikumā paredzētu noziedzīgu nodarījumu. Norādītās pazīmes vistiešākā veidā ir saistītas ar kriminālatbildības jēdzienu. Tiesību teorijā norādīts, ka ziņas, kas raksturo personību un kurām ir krimināltiesiska nozīme, skar četrus cilvēka dzīves un darbības aspektus: 1) fizisko stāvokli, 2) psihisko stāvokli, 3) sociālo statusu un 4) tiesisko statusu, un to izvērtēšana ļauj, no vienas puses, noskaidrot personas noziedzīgās uzvedības cēloņus, tās noziedzīgo tieksmju stabilitāti, bet, no otras puses, noteikt maksimāli lietderīgo soda veidu, lai sasniegtu tā mērķi³⁷.

Bez vispārējā subjekta krimināltiesību teorijā izdala noziedzīga nodarījuma speciālā (īpašā) subjekta jēdzienu. Tās ir personas, kuras var būt tikai par noteiktu noziedzīgu nodarījumu kategoriju vai noteikta veida noziedzīga nodarījuma subjektu. Profesors Uldis Krastiņš norādījis, ka noziedzīga nodarījuma speciālais subjekts ir fiziska persona, kurai piemīt ne vien nodarījuma subjekta pamatzīmes – pieskaitāmība un vecums, no kura iestājas kriminālatbildība, bet arī citas personai raksturīgas KL Sevišķās daļas panta dispozīcijā paredzētās īpašības, kas ir konkrētā noziedzīgā nodarījuma sastāva subjekta obligātās pazīmes³⁸. Tiek izdalītas šādas subjekta speciālās pazīmes, kas raksturo³⁹: 1) personas speciālo lomu, juridisko statusu; 2) personas demogrāfisko statusu vai fizioloģiju; 3) subjekta attiecības ar cietušo.

Vajāšanas subjekts var būt ikviena fiziska un pieskaitāma persona, kura sasniegusi četrpadsmit gadu vecumu, tātad vispārējs subjekts. Personai, kura veikusi vajāšanu (*ko mēdz saukt arī par stalkeru*), var būt dažādas personas un daudzveidīgas iezīmes. Pārsvarā vajātājs ir vīrietis, kurš vēlas attiecības ar sievieti, taču otra puse to nevēlas. Nereti starp vajātāju un upuri pagātnē pastāvējušas partnerattiecības⁴⁰. Tradicionāli vajātāju atkarībā no upura piesaistes iedala divās grupās:

- 1) persona, kura vajā nepazīstamas personas. Daži stalkeri traucē sabiedrībā pazīstamas personas, cerot tādā veidā iegūt objekta mīlestību. Dažkārt stalkleru piesaista kāda upura konkrēta izskata pazīme. Piemēram, Kanādā šāda tipa stalkeri ir apmēram aptuveni 12 %⁴¹;

2) persona, kura vajā pazīstamu personu. Lielāka daļa savus vēlas kontrolēt upurus neatkarīgi no tā, vai viņi ir bijušie partneri, laulātie, paziņas, kolēģi vai radnieki. Jāatzīst, ka esošo vai bijušo partnerattiecību ietvaros vajāšana ir īpaši bīstama, jo varmākas rīcībā ir plaša informācija par upuri, piemēram, zināmi viņa ieradumi, ikdienas gaitas, darba vieta un cita informācija. Piemēram, Kanādā 88 % cietušo ietilpst šajā kategorijā⁴². Daudzos gadījumos vajāšana ir vardarbības ģimenē elements kā vardarbīga kontrole. Tā ir tādu darbību kopums, kas ietver aizskaršanu, seksuālu piespiešanu, draudus, pazemošanu, iebiedēšanu vai citas vardarbīgas darbības, kuru mērķis ir kaitēt, sodīt vai iebiedēt aizskarto personu⁴³.

Dr. iur. Džena Andersone, veicot aptauju, konstatēja, ka no 165 aptaujātajiem respondentiem piecos gadījumos incidenti tika raksturoti kā vajāšana:

- visos gadījumos vajāšana sākusies internetā, kur sociālajos tīklos sūtīti uzmācīgi piedāvājumi, nepatīkama satura vēstules u. tml.;
- četros gadījumos vajātājs bijis vīriešu dzimuma persona, kuru cietusī puse vispār nepazīst. Tikai vienā gadījumā vajāšana veikta no pašreizējā partnera bijušās draudzenes puses, un uzmācīgā saziņa un telefona zvani turpinājušies aptuveni pusotru gadu;
- trijos gadījumos vajātāji bija iedomājušies, ka viņiem ir nopietnas attiecības ar savu upuri. Vienā gadījumā vajātājs draudējis ierasties mācību iestādē, kuru apmeklē cietusī persona, bet citā lietā – vajātājs esot ieradies pie sava upura un mēģinājis skaidrot attiecības un pierunāt viņu tuvībai;
- visos četros gadījumos vajāšana saistīta ar svešas personas uzmācīgu vēlmi īstenot seksuāla rakstura darbības ar cietušo, un visos aplūkotojamos vajāšanas incidentos personu dati, tajā skaitā fotogrāfijas, adreses, telefona numuri, tika iegūti sociālajos tīklos, personīgās mājas lapās internetā, bet gadījumā, kur vajātāja bija sieviete, dati tika slepeni iegūti no cietušās personas drauga telefona un datora, kas bija pieejams viņu kopīgajā darba vietā īslaicīgas prombūtnes laikā⁴⁴.

Turpretī atvaļinātais Ņujorkas pilsētas policijas pārvaldes leitnants komandieris Vernons Geberts (*Vernon J. Geberth*) vajātāju iedalījumu izveidoja, pamatojoties uz personas garīgo stāvokli: 1) psihopātiskas personas (*psychopathic personality stalkers*) un 2) psihotiskas personas (*psychotic personality stalkers*)⁴⁵.

Tradicionāli Latvijas krimināltiesībās noziedzīga nodarījuma **subjektīvās puses saturu atklāj personas psihiskā attieksme pret viņas izdarīto prettiesisko darbību**. Atbilstoši krimināltiesību teorijai noziedzīga nodarījuma subjektīvo pusi raksturo: vaina nodoma vai neuzmanības formā (pamatpazīme – ir obligāta visiem sastāviem); noziedzīga nodarījuma motīvs un mērķis jeb nolūks (papildpazīme – obligāta atsevišķiem sastāviem).

Noziedzīga nodarījuma subjektīvā puse atspoguļo saistību starp personas apziņu un gribu un viņas izdarīto nodarījumu. Tieši apziņa un griba kā personas psihiskās darbības vienots process saistībā ar viņas izdarīto noziedzīgo nodarījumu veido vainas saturu⁴⁶. Saskaņā ar KL 8. panta otrajā daļā norādīto, nosakot noziedzīgo nodarījumu izdarījušās personas vainas formu, jākonstatē šīs personas psihiskā attieksme pret noziedzīgā nodarījuma objektīvajām pazīmēm. Vaina raksturo personas psihisko attieksmi pret savu rīcību un tās sekām, kurām tā ir bijusi iemesls⁴⁷. Kā norāda zvērināts advokāts Dr. iur. Jānis Rozenbergs⁴⁸, pamats vainas pakāpju gradācijai lielākā mērā ir tieši vainas formas un veidi. Ar nodomu izdarīta noziedzīga nodarījuma gadījumā vainīgā persona, tīši un apzināti kaitējot sabiedrības interesēm, pavisam noteikti izrāda savu noraidošo attieksmi pret šīm interesēm.

Motīvs vai mērķis kā obligāta noziedzīga nodarījuma sastāva subjektīvās puses pazīme ir īpaši norādīti KL Sevišķās daļas vairāku pantu dispozīcijās vai nu kā pamatsastāva pazīme, vai kā nodarījuma kvalificējošā pazīme⁴⁹. Tātad motīvs un mērķis ir pierādāmi krimināllietā, ja tie saskaņā ar KL Sevišķās daļas normu ietverti noziedzīga nodarījuma sastāva pazīmju skaitā. Motīvs – iekšējais pamudinājums, kas virza personas gribu uz noziedzīga nodarījuma izdarīšanu, nolūks jeb mērķis – rezultāts, kuru persona vēlas sasniegt, izdarot noziedzīgu nodarījumu, un emocionālais stāvoklis⁵⁰. Motīvs un mērķis ietekmē nodoma rašanos, tā virzību un īstenošanu. Motīvs ir tas aktīvais spēks, kas darbību virza uz mērķi.

Analizējamais nodarījums ir tīšs, to raksturo tiešs nodoms un speciāls nolūks – iedvest bailes upurim. Saskaņā ar KL 9. panta 2. daļu noziedzīgs nodarījums atzīstams par izdarītu ar tiešu nodomu, ja persona apzinājusies savas darbības vai bezdarbības kaitīgumu un to apzināti veikusi vai pieļāvusi, vai arī apzinājusies savas darbības vai bezdarbības kaitīgumu, paredzējusi nodarījuma kaitīgās sekas un vēlējusies to iestāšanos. **Mērķis (nolūks) ir vajāšanas patstāvīgas noziedzīga nodarījuma subjektīvās puses pazīme, kas, tāpat kā vaina, pierādāms krimināllietā.**

Būtiski ir noteikt, ka personai ir bijis pamats baidīties par savu vai savu tuvinieku drošību. Baiļu līmeņi var būt dažādi (cik pamatotas un iedarbīgas tās ir): upuris baidās par savu drošību vai piedzīvo nopietnas emocionālas ciešanas; jūtas terorizēts, nobijies vai iebiedēts; apzinās, ka vainīgais plāno savainot viņu vai citu personu vai bojāt personas īpašumu; baidīties no nopietniem miesas bojājumiem vai pat nāves⁵¹. Faktiski daudzas atsevišķas darbības, kas veido vajāšanu, pašas par sevi var būt likumīgas un apkārtējiem likties nekaitīgas. Bieži vien vajātāji izmanto upura īpašās bailes vai fobijas un paziņo par draudiem veidā, kas ārējiem lietotājiem šķiet nekaitīgs. Piemēram⁵², vainīgās personas var nosūtīt upurim ziņas vai dāvanas, kas šķiet nekaitīgas vai pat romantiskas, piemēram, rožu pušķi, bet upurim atgādina vainīgā draudus (ka diena, kad tiks saņemtas rozes, būs upura nāves diena). Upura reakcija apkārtējiem var šķist neracionāla. Tādā veidā vainīgā persona var provocēt šo reakciju, lai diskreditētu upuri vai liktu apšaubīt upura garīgo veselību.

Vajāšanas upuru pieredze apliecina, ka daudzi minētās vardarbības veicēji vajā ne tikai savu faktisko upuri, bet bieži vien arī šī vardarbības upura tuvus radniekus un draugus. Bieži vien tas būtiski palielina baiļu sajūtu un liedz kontrolēt situāciju, tāpēc šis pants attiecas arī uz šādiem gadījumiem⁵³. Upuris vajātāja darbību uztver kā draudošu, bailes rosinošu, traucējošu un nevēlamu. Tas nozīmē, ka jāpastāv objektīviem apstākļiem, kas liecina par to, ka vajātājs varētu nodarīt kaitējumu vajātajam vai tā tuviniekiem, piemēram, ir ziņas par to, ka vajātājs agrāk ir varmācīgi izturējies pret vajāto, tā tuviniekiem vai citām personām. Vajātājs ir bijis agrāk sodīts par vardarbīgiem noziedzīgiem nodarījumiem. Piemēram, cits gadījums: *vīrietis, kurš cietumā pavadījis 25 gadus, pēc atbrīvošanas no ieslodzījuma vietas uzsācis emocionāli vajāt kaimiņos dzīvojošu ģimeni. Vīrieša rīcības dēļ māte ar meitu vērsās krīzes centrā, kur nodzīvoja 30 dienas. Vajātāja rīcību var motivēt arī atriebība, greizsirdība, mantkārība, skaudība, nepareizi izprastas draudzības jūtas, naidis (kā minētajā tiesas piemērā) u. c.*

Secinājumi

1. Vajāšanas sastāvs ir noteikts kā īpašs vardarbības veids. Vajāšana rada upurī bailes, rosina nenoteiktību un grauļ dzīves gaitu.
2. Vajāšana ir kriminālpārkāpums, kas apdraud personas drošību un psiholoģisko integritāti.
3. Vajāšanas gadījumā viktimizācijai tiek pakļauts viens un tas pats upuris, to veido vairāku dažādu pakāpju smaguma incidentu ķēde, kā rezultātā tiek nostabilizēta pastāvīga un ilgstoša noziedzīga nodarījuma izdarītāja ietekme uz cietušo personu.
4. Vajāšana ir aktīva, nelikumīga, draudīga darbība, kas izpaužas kā vairākkārtēja vai ilgstoša citas personas izsekošana, novērošana, draudu izteikšana vai nevēlama saziņa ar šo personu, ja upurim ir bijis pamats baidīties par savu vai savu tuvinieku drošību.
5. Objektīvā puse izpaužas kā vairākkārtēja vai ilgstoša:
  - citas personas izsekošana,
  - citas personas novērošana,
  - draudu izteikšana cietušajam,
  - nevēlama saziņa ar šo personu.
6. Vajāšanas subjekts ir ikviena fiziska, pieskaitāma persona, kura sasniegusi četrpadsmito dzīves gadu.
7. Nodarījums ir tīšs, to raksturo tiešs nodoms un speciāls nolūks, kura rezultāts ir iedvest bailes, un upurim ir bijis pamats baidīties par savu vai tuvinieku drošību.
8. Lai personu sauktu pie kriminālatbildības pēc KL 132.¹ panta, jāpastāv objektīviem apstākļiem, kas pamatotu personas drošības apdraudējumu:
  - 1) aizskarošām darbībām jābūt neatlaidīgām, traucējošām un ilgstošām, kas attiecīgajai personai

- iedveš bailes – uztraukties par drošību un nodara emocionālu kaitējumu;
- 2) darbībai ir jārada ietekme uz personas psihisko integritāti un rīcībai jāietver atkārtoti nozīmīgi notikumi. Darbībām jābūt veiktām tīši un ar nolūku iedvest bailes upurim;
  - 3) darbībai ir jābūt cēloniskā sakarā ar bailēm par savu vai tuvinieku drošību.
9. Apsūdzot personu KL 132.¹ pantā paredzētā kriminālpārkāpuma izdarīšanā, precīzi jānorāda, kādā veidā rīcība ir izpaudusies no objektīvās puses (kā tā tika izdarīta).

Atsauces

- ¹ Lejiņš, P. Krimināltiesības. Rīga: [b.i], 1940, 61 lpp.
- ² Krimināllikums: Latvijas Republikas likums. Latvijas Vēstnesis, Nr. 199/200 (1270/1261), 08.07.1998.
- ³ Black's Law Dictionary. 6th Edition. Springer, 1994, P. 102.
- ⁴ Krastiņš, U. Noziedzīga nodarījuma sastāvs un nodarījuma kvalifikācija. Teorētiskie aspekti. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 2014, 12.–13. lpp.
- ⁵ Baumanis, J. Kriminālprocesa uzsākšanas krimināltiesiskie aspekti. Ceļā uz kriminālprocesa mērķi jeb kriminoloģiskie gēni. Rīga: Latvijas Vēstnesis, 2018, 22. lpp.
- ⁶ Beļska, A. Noziedzīga nodarījuma izpratne Latvijas un Amerikas Savienot Valstu krimināltiesībās. Promocijas darbs. Rīga: Latvijas Universitāte, 2012, 83.–84. lpp.
- ⁷ Pirms vajā – padomā par sekām!
Pieejams: <http://www.vp.gov.lv/index.php?id=69&relid=16266&yrId=2018&print=0&fromid=0> (sk. 30.01.2020.).
- ⁸ Kriminālā statistika par 2018. gadu. Iekšlietu ministrijas Informācijas centrs. Pieejams: <https://www.ic.iem.gov.lv/node/109> (sk. 16.12.2019.).
- ⁹ Kriminālā statistika par 2019. gadu. Iekšlietu ministrijas Informācijas centrs. Pieejams: <https://www.ic.iem.gov.lv/node/109> (sk. 30.10.2020.).
- ¹⁰ Liholaja, V. Noziedzīgu nodarījumu kvalifikācija. Palīgīdzeklis krimināltiesību normu piemērotājiem. Rīga: Tiesu nama aģentūra, 2019, 7. lpp.
- ¹¹ Krastiņš, U. Noziedzīgs nodarījums. Rīga: Tiesu nama aģentūra, 2000, 46. lpp.
- ¹² Strada-Rozenberga, K. Tiesiskā drošība krimināltiesībās un kriminālprocesā. Vispārējie tiesību principi: tiesiskā drošība un pašārvība. Valsts pārvalde. Business. Jurisprudence. Rakstu krājums. Autoru kolektīvs R. Baloža vadībā. Rīga: Tiesu nama aģentūra, 2017, 79. lpp.
- ¹³ Latvian Oxford living Dictionaries. Pieejams: <https://lv.oxforddictionaries.com/skaidrojums/vajaj> (sk. 27.01.2020.).
- ¹⁴ Latviešu valodas vārdnīca / autoru kolektīvs. Rīga: Avots, 2005, 255. lpp.
- ¹⁵ Cyberstalking: Help protect yourself against cyberstalking. Pieejams: <https://us.norton.com/internetsecurity-how-to-how-to-protect-yourself-from-cyberstalkers.html> (sk. 29.01.2020.).
- ¹⁶ Mincs, P. Krimināltiesību kurss. Vispārējā daļa. Otrs pārstrādātais un papildinātais izdevums. Rīga: Autora izdevums, 1934, 75 lpp.
- ¹⁷ Krastiņš, U. Noziedzīgs nodarījums. Rīga: Tiesu nama aģentūra, 2000, 66. lpp.
- ¹⁸ Judins, A. Krimināltiesību terminu skaidrojošā vārdnīca. Rīga: RaKa, 1999, 117. lpp.
- ¹⁹ Ārstniecības likums: Latvijas Republikas likums. Latvijas Vēstnesis, Nr. 167/168, 01.07.1997.
- ²⁰ Ķinis, U. Kibervajāšanas krimināltiesiskie aspekti. Tēzes. RSU Zinātniskā Konference. Sociālās zinātnes. 2018. gada 22.–23. martā. Rīga: RSU, 2018.
- ²¹ Ķinis, U. Noziedzīga nodarījuma – kibervajāšana objekta un objektīvās puses raksturojums.// Administratīvā un Kriminālā Justīcija, Nr. 2/2018, 48.–52. lpp.
- ²² Krastiņš, U. Noziedzīgs nodarījums. Rīga: Tiesu nama aģentūra, 2000, 49. lpp.
- ²³ Krastiņš, U. Noziedzīga nodarījuma sastāvs un nodarījuma kvalifikācija. Teorētiskie aspekti. Rīga: Tiesu nama aģentūra, 2014, 74 lpp.
- ²⁴ Krastiņš, U. Mācība par nozieguma sastāvu. Rīga: Zvaigzne ABC, 1995, 39. lpp.
- ²⁵ Likumprojekta “Grozījumi Krimināllikumā” anotācija.
Pieejams: <http://titania.saeima.lv/LIVS12/saeimalivs12.nsf/0/1995DC23D08AA716C225808E002F9306?OpenDocument#a#b> (sk. 15.12.2019.).
- ²⁶ Par sistemātisku kaimiņu vajāšanu vīrietim piespriež piespiedu darbu. Pieejams: <http://www.prokuratūra.gov.lv/lv/jaunumi/2019/pazinojumi-presei/par-sistematisku-kaiminu-vajasanu-virietim-piespriez-piespiedu-darbu-2045> (sk. 12.12.2019.).
- ²⁷ Par vajāšanu ieviests kriminālatbildību. Pieejams: <https://lvportals.lv/skaidrojumi/288494-par-vajasanu-ieviesis-kriminalatbildibu-2017> (sk. 14.12.2019.).
- ²⁸ Andersone, Dž. Personas datu aizsardzības krimināltiesiskie aspekti: Promocijas darbs. Rīga: Latvijas Universitāte, 2018, 87. lpp.; Boon, J.C.W., Sheridan, L. Stalker typologies: A Law Enforcement Perspective // Journal of Threat Assessment, 2002, 1, pp. 75–97.
- ²⁹ Krastiņš, U., Liholaja, V., Niedre, A. Krimināltiesības. Vispārīgā daļa. Trešais papildinātais izdevums. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 2008, 113. lpp.

- ³⁰ Ķinis, U. Noziedzīga nodarījuma – kibervajāšana objekta un objektīvās puses raksturojums. Administratīvā un Kriminālā Justīcija, Nr. 2/2018.
- ³¹ Augstākās tiesas Senāta krimināllieta departamenta 2013. gada 20. jūnijā lēmums lietā SKK-288/2013, krimināllieta Nr.11092185908.
- ³² Andersone, Dž. Personas datu aizsardzības krimināltiesiskie aspekti. Promocijas darbs. Rīga: Latvijas Universitāte, 2018, 86 lpp.
- ³³ Vardarbība pret sievietēm — ES mēroga apsekojums. Pieejams: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra-2014-vaw-survey-factsheet_lv.pdf (sk. 10.12.2019.).
- ³⁴ Boon, J.C.W. and Sheridan, L. Stalker typologies: A Law Enforcement Perspective // Journal of Threat Assessment, 2002, 1, pp. 75–97.
- ³⁵ Vardarbība pret sievietēm – ES mēroga apsekojums. Pieejams: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra-2014-vaw-survey-factsheet_lv.pdf (sk. 15.12.2019.).
- ³⁶ Juridisko terminu vārdnīca / autoru kolektīvs. Rīga: Nordik, 1998, 247. lpp.
- ³⁷ Krastiņš, U., Liholaja, V. Krimināllikuma komentāri. Pirmā daļa (I-VIII² nodaļa). Otrais papildinātais izdevums. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 2018, 197. –198. lpp.; Stalking is a crime called criminal harassment. Canada: Department of Justice, 2003. Pieejams: https://www.justice.gc.ca/eng/rp-pr/cj-jp/fv-vf/stalk-harc/pdf/har_e-har_a.pdf (sk. 10.12.2019.); Krastiņš, U., Liholaja, V. Krimināllikuma komentāri. Otrā daļa. Rīga: Tiesu nama aģentūra, 2018, 486. lpp.; Andersone, Dž. Personas datu aizsardzības krimināltiesiskie aspekti. Promocijas darbs. Rīga: Latvijas Universitāte, 2018, 89. lpp.
- ³⁸ Krastiņš, U. Noziedzīga nodarījuma sastāvs un nodarījuma kvalifikācija. Teorētiskie aspekti. Rīga: Tiesu nama aģentūra, 2014, 74. lpp.
- ³⁹ Mežulis, D. Krimināltiesības shēmās. Vispārīgā daļa. Rīga: SIA “Biznesa augstskola Turība”, 2013, 52. lpp.
- ⁴⁰ Pirms vajā – padomā par sekām. Pieejams: <http://www.vp.gov.lv/index.php?id=69&releid=16266&yrId=2018&print=0&fromid=0> (sk. 10.12.2019.).
- ⁴¹ Stalking is a crime called criminal harassment. Canada: Department of Justice, 2003. Pieejams: https://www.justice.gc.ca/eng/rp-pr/cj-jp/fv-vf/stalk-harc/pdf/har_e-har_a.pdf (sk. 12.12.2019.).
- ⁴² Stalking is a crime called criminal harassment. Canada: Department of Justice, 2003. Pieejams: https://www.justice.gc.ca/eng/rp-pr/cj-jp/fv-vf/stalk-harc/pdf/har_e-har_a.pdf (sk. 12.12.2019.).
- ⁴³ Krastiņš, U., Liholaja, V. Krimināllikuma komentāri. Otrā daļa. Rīga: Tiesu nama aģentūra, 2018, 486 lpp.
- ⁴⁴ Andersone, Dž. Personas datu aizsardzības krimināltiesiskie aspekti. Promocijas darbs. Rīga: Latvijas Universitāte, 2018, 89. lpp.
- ⁴⁵ Geberth, V. J. Stalkers // Law and Order, 1992, 40 (10), pp. 138.
- ⁴⁶ Krastiņš, U. Noziedzīgs nodarījums. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 2000, 88 lpp.
- ⁴⁷ Judins, A. Krimināltiesību terminu skaidrojošā vārdnīca. Rīga: Raka, 1999, 172 lpp.
- ⁴⁸ Rozenbergs, J. Vainas institūts krimināltiesībās un tā nozīmes noziedzīga nodarījuma kvalifikācijā. Promocijas darbs. Rīga: Latvijas Universitātes Juridiskā fakultāte, 2012, 27. lpp.
- ⁴⁹ Krastiņš, U. Noziedzīga nodarījuma sastāvs un nodarījuma kvalifikācija. Teorētiskie aspekti. Rīga: Tiesu nama aģentūra, 2014, 187 lpp.
- ⁵⁰ Liholaja, V. Noziedzīgu nodarījumu kvalifikācija: Likums. Teorija. Prakse. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 2007, 67. – 73. lpp.
- ⁵¹ Responding to stalking. A Guide for Advocates. SPARC. Pieejams: <https://www.stalkingawareness.org/wp-content/uploads/2018/11/Advocate-Guide.pdf> (sk. 15.12.2019.).
- ⁵² Responding to stalking. A Guide for Advocates. SPARC. Pieejams: <https://www.stalkingawareness.org/wp-content/uploads/2018/11/Advocate-Guide.pdf> (sk. 15.12.2019.).
- ⁵³ Konceptuāls ziņojums “Par Latvijas pievienošanos Eiropas Padomes Konvencijai par vardarbības pret sievietēm un vardarbības ģimenē novēršanu un apkarošanu”, 2016. Pieejams: <https://likumi.lv/ta/id/282156-par-konceptualu-zinojumu-par-latvijas-pievienosanos-eiropas-padomes-konvencijai-par-vardarbibas-pret-sievietem-un-vardarbibas-g> (sk. 30.01.2020.).

Аннотация

1 января 2018 года в Латвии вступили в силу поправки к Уголовному закону, предусматривающие уголовную ответственность за преследование лица.

Цель статьи состоит в том, чтобы, основываясь на теорию и практику уголовного права, дать характеристику элементов преследования. В ходе своего исследования автор предоставляет положения теории уголовного права и выделяет элементы преследования. Объектом исследования являются уголовно-правовые отношения, возникающие, когда одно лицо преследует другое лицо. Предметом исследования является уголовно-правовое

регулирование, которое необходимо соблюдать при установлении уголовной ответственности.

В исследовании используются следующие методы юридической интерпретации: грамматический, системный, телеологический и исторический, а также аналитический метод для анализа доктрины и практики уголовного права. В исследовании используются доктрины уголовного права, национальные нормативные акты и юридическая литература, соответствующая цели работы.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы, что преследование охватывает широкий спектр социально-психологических моделей поведения, которые проявляются в повторной виктимизации жертвы и нанесении ей определенного вреда. Преследование – это активное, незаконное, несущее угрозу действие, которое выражается в повторном или длительном преследовании лица, слежении, угрозах или нежелательном контакте с этим лицом, когда у жертвы были основания опасаться за свою безопасность или безопасность своих родственников.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преследование, действие, преступление, состав преступления.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КОМПЛАЕНС-СПЕЦИАЛИСТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИНАНСОВОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В ВОПРОСАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, И ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА

Сюзанна Калинина

Магистрант Эстонского университета прикладных наук по предпринимательству, Таллинн,
Эстонская Республика

E-mail: melikjans@gmail.com

Abstract

The relevance of the topic is confirmed by the changes taking place in the financial monitoring system: the complication of procedures aimed at countering money laundering and financing of terrorism, the creation of specialized international and European requirements and the changes of requirements for compliance specialists. Financial institutions more often face the incompetence the incompetence of these employees and their negligence. The author analysed anti money laundering and counter financing of terrorism legal acts, as well as revealed the main recommendations to financial institutions for preventing money laundering and terrorism financing. Based on scientific research, the main risk factors for using financial institutions for money laundering were identified. Based on these risks factors, the author identified the role and importance of a compliance officer in order to prevent the legalization (laundering) of criminally acquired funds and the financing of terrorism.

Key words: *anti money laundering, recommendations, countermeasures, risk assessment, risk management, compliance.*

Введение

Деятельность финансовых учреждений является одним из основных видов деятельности в мировой экономике. Будучи высокотехнологичной, она более восприимчива к внешним изменениям, т. е. наиболее подвержена рискам (репутационным, правовым, операционным и т. д.). Последствия данных рисков могут нанести вред финансовым учреждениям. Они связаны между собой и имеют финансовые последствия. Риск потери репутации может быть связан с негативной информацией о финансовом учреждении, которая может вызвать потерю доверия со стороны клиентов и как следствие отток денежных средств. Операционные риски – возможность финансовых потерь, связанных с несовершенством внутренних процессов, персоналом, информационными системами или внешними событиями. Правовые риски – судебные иски, неблагоприятные судебные решения, штрафы, санкции, которые ведут к финансовым потерям.¹

На данный момент мы живем в век международного контроля над отмыванием денежных средств и финансирования терроризма. Риск вовлечения финансовых учреждений в такого рода операции велик. За последние годы несколько банков как в Эстонии, так и в Латвии были лишены лицензии на деятельность за несоблюдение требований Закона о противодействии отмыванию денежных средств и финансировании терроризма (*Versobank AS, Danske Bank AS, Trasta Komercbanka* и т. д.). Приведенные примеры позволяют говорить о реализации риска легализации денежных средств в данных финансовых учреждениях. Значимыми субъектами в идентификации и предупреждении возникновения данного риска являются сами финансовые учреждения – в их обязанности входит выявление операций, связанных с легализацией денежных средств и оперативное уведомление об этом компетентных государственных органов. Это можно объяснить тем, что большая часть схем по легализации доходов, полученных преступным путем, проходит именно через финансовые учреждения. Автор считает, что механизмы внутреннего контроля в финансовых учреждениях

должны постоянно развиваться для того, чтобы своевременно выявить операции, связанные с легализацией преступных доходов и обеспечить экономическую безопасность тому или иному финансовому учреждению. Иными словами, важную роль в выявлении такого рода риска играет специалист (отдел) внутреннего контроля (комплаенс-контроля). Исходя из этого, необходимо определить роль и значение комплаенс-специалиста в деятельности финансового учреждения.

Для достижения установленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать нормативно-правовые акты, рекомендации, требования ФАТФ и Эстонской Финансовой инспекции в данной области;
- определить виды и факторы рисков кредитных организаций в сфере ПОД/ФТ, провести их систематизацию и классификацию; обобщить научные и нормативно-правовые представления об управлении риском легализации доходов в финансовых учреждениях;
- определить основную роль комплаенс-специалиста в системе управления риском легализации денежных средств.

Теоретической и методологической основой исследования послужили положения и выводы по решению проблем управления рисками в сфере противодействия отмыванию денежных средств и финансированию терроризма (далее ПОД/ФТ), содержащиеся в работе, С. Е. Ковалевой (2013)² и Руководстве по подготовке к сертификационному экзамену Ассоциации сертифицированных специалистов по предотвращению отмывания денег (ACAMS). Характер поставленных задач и системный подход к их решению определили использование в работе следующих методов исследования: анализ, синтез, обобщение и другие общенаучные методы. В качестве информационной базы исследования использованы источники, представленные в Интернете, нормативно-правовые акты, рекомендации, результаты исследований автора статьи.

Впервые борьбой с отмыванием денежных средств в 1986 году занялись США, где легализация преступных доходов была признана отдельным видом уголовного наказания. Позднее в 1989 была создана межправительственная организация для координации борьбы с отмыванием денежных средств на международном уровне (далее ФАТФ). По причине роста числа террористических актов данная организация разработала «40 Рекомендаций по противодействию отмыванию денег» + «9 Рекомендаций по борьбе с финансированием терроризма», на которых базируются нормативно-правовые акты различных стран по борьбе с отмыванием (легализацией) денежных средств. Рекомендации установили минимальные требования, которые необходимо реализовывать странам-участникам ФАТФ. Так риск-ориентированный подход является одной из главных рекомендаций ФАТФ. Подход основан на оценке риска легализации денежных средств в финансовом учреждении, помогает определить уровень риска клиентов, а также помогает выявлять клиентов с высоким уровнем риска отмывания денежных средств. Риск-ориентированный подход позволяет препятствовать использованию финансового учреждения в целях отмывания (легализации) денежных средств.

При его реализации зачастую возникает ряд препятствующих факторов. Так С. Е. Ковалева в своей научной работе выделяет следующие из них:³

- 1) люди: ошибки в проведении процедуры идентификации клиентов, бездействия сотрудников кредитной организации, повлекших не выявление подлежащих обязательному контролю операций и сделок, неверная классификация операций, подлежащих обязательному контролю;
- 2) бизнес-процессы: отсутствие четких документов, регламентирующих процедуры взаимодействия подразделений кредитной организации, при исполнении закона о противодействии отмыванию денежных средств и финансированию терроризма (далее ПОД/ФТ), а также отсутствие четкого регламента распределения ответственности;
- 3) технологии: отсутствие информационных систем, используемых кредитной организацией для выявления сделок, подлежащих обязательному контролю;

4) внешние факторы: санкции против того или иного государства, уголовные дела против кредитной организации, а также риск потери репутации.

Исходя из данного РОП, финансовые учреждения обязаны применять принцип «Знай своего клиента» (англ. «Know Your Customer»). Так же, исходя из рекомендаций Базельского комитета для эффективного функционирования кредитной организации характерно четкое распределение обязанностей и полномочий, включая иерархичную структуру принятия решений, четкая система взаимодействия, жесткая и независимая система внутреннего контроля⁴.

Исследуя ранее описанные факторы риска на примере одного эстонского финансового учреждения, автор пришла к выводу, что для уменьшения вероятности использования финансового учреждения в целях легализации (отмывания) денежных средств необходимо выделить основные принципы управления и создать единую систему управления рисками (опираясь на международные принципы), т. е. функциональную организационную структуру и четкие внутренние процедуры (описание бизнес-процессов). Ключевым для функционирования данной системы является независимая многоуровневая оценка риска (на основании РОП), сообщение о подозрительных сделках в государственные органы, соблюдение принципа «Знай своего клиента», постоянное обучение персонала в сфере противодействия отмыванию (легализации) денежных средств и финансирования терроризма, а так же обеспечение работников внутреннего контроля достаточным количеством финансовых, людских и технических ресурсов (с достаточными полномочиями для обеспечения своих функций).

Одним из важных моментов функционирования рассматриваемой системы может явиться наличие единоличного исполнительного органа (в лице председателя правления), на котором лежит ответственность и контроль за соблюдением действующего законодательства. Все подразделения и руководители подчинённых подразделений подчиняются непосредственно председателю правления, который определяет стратегию и цели финансового учреждения, занимается подбором персонала и контролирует их деятельность, а также обеспечивает деятельность подразделений, осуществляющих внутренний контроль. Руководитель назначает ответственного (комплаенс-специалиста) за исполнение внутренних процедур, направленных на ПОД/ФТ. Далее должна проводиться оценка специфического риска (оформление пакета документов по тому или иному клиенту, передача данного пакета в отдел, который несет ответственность за соблюдение процедур внутреннего контроля; последний осуществляет оценку риска в области противодействия отмыванию денежных средств). Кооперация сотрудников организации – выбор комплекса мер по снижению уровня риска легализации. Принцип «Знай своего клиента» – выработка эффективных мер, которые помогут правильно определить уровень риска того или иного клиента (средний, высокий или неприемлемый). Основные из перечисленных выше функций в финансовом учреждении выполняет(-ют) сотрудник(и) отдела внутреннего контроля, иными словами комплаенс-специалист(ы). Он(и) отвечает за разработку внутренних процедур, направленных на ПОД/ФТ, обучение персонала в данной сфере, а также информирует государственные органы о подозрительных сделках. Таким образом, именно комплаенс-специалист несет ответственность за соблюдение Закона о противодействии отмыванию денежных средств и финансирования терроризма, а также является контактным лицом для государственных органов. По своим функциям данный сотрудник должен подчиняться правлению учреждения (в лице председателя правления), иметь компетенцию, технический и людской ресурс, а также доступ к документации и структурным подразделениям финансового учреждения.⁵

Функции комплаенс-специалиста может выполнять как один сотрудник, так и целое подразделение. Это зависит от организационной структуры того или иного финансового учреждения. В любом случае, все комплаенс-специалисты проходят надлежащую проверку со стороны государственных органов, в Эстонии этим органом является Бюро данных об отмывании денежных средств, которое несет на себе роль подразделения финансовой разведки.

Как описывалось ранее, ключевым аспектом для функционирования системы управления риском легализации (отмывания) денежных средств, является независимая многоуровневая оценка риска. Исходя из рекомендаций Эстонской Финансовой инспекции, финансовым учреждениям необходимо построить матрицу управления риском по принципу, так называемых, трех линий защиты.⁶ Первой линией защиты является персонал фронт-подразделений; второй линией – сотрудник(и) комплаенс-подразделений и третья линия защиты – независимый внутренний аудитор.

Остановимся более подробно на функциях и роли работников второй линии защиты, т. е. комплаенс-специалистов. Работники этого уровня несут ответственность за соблюдением действующих законов в сфере ПОД/ОФ. Для реализации выполнения программы, направленной на соблюдения закона, работник комплаенс должен разрабатывать внутренние процедуры, направленные на борьбу с отмывание денежных средств, организовывать своевременное обучение персонала финансового учреждения, а также своевременно информировать о каких-либо изменения в законодательных и нормативных актах в сфере ПОД. Кроме этого, в их функции входят мониторинг и анализ сделок клиентов, а также по необходимости оповещение Государственного органа финансовой разведки о подозрительных сделках того или иного клиента, обновление листа нежелательных клиентов и юрисдикций (каждый новый клиент проходит проверку на совпадение имени или названия компании с данным листом). В некоторых финансовых учреждениях сотрудники комплаенс-подразделения проводят надлежащую проверку клиентов и присваивают им уровень риска (средний, высокий и неприемлемый). Также комплаенс-специалист должен отчитываться руководству финансовой организации в сфере ПОД/ФТ. Опираясь на исследования факторов риска легализации (отмывания) денежных средств на примере одного эстонского финансового учреждения, автор пришла к выводу, что функции комплаенс-специалиста необходимо расширить. Так, в их функции должна входить надлежащая проверка сотрудников финансового учреждения: анкетные данные сотрудников, конфликты интересов, их подверженность соучастию в легализации (отмывании) денежных средств, перечень движимого и недвижимого имущества сотрудника, а также справка о несудимости.

Основным шагом, направленным на ПОД/ФТ, является разработка политик и внутренних процедур финансового учреждения посредством изучения законов, нормативных актов и рекомендаций. Комплаенс-специалист должен обеспечить доступность внутренних политик и процедур для сотрудников всех подразделений. Так же необходимо определить риск-аппетит учреждения, иными словами, определить, какой риск является приемлемым, а какой нет. Например, оценив риск продукта клиента: является иностранным должностным лицом (*eng. PEP*) или связанным с ним лицом, есть предположение, что документы и информация, предоставленные клиентом, недостоверны и т. д.⁷

Помимо, существуют другие критерии (операции на расчетном счету клиента, страна регистрации клиента и его контрагента и т. д.), которые могут указывать на причастность клиента к отмыванию денежных средств. В случае подозрения либо подтверждения данного факта, комплаенс-специалист должен оповестить Государственный орган в течение двух рабочих дней.⁸ Данное оповещение должно содержать в себе информацию о клиенте, вид риска и описание подозрительной сделки.⁹ Комплаенс-специалисту нужно указать, какие действия будут совершены в отношении того или иного клиента (закрытие счета, либо счет не будет открыт и т. д.).

Согласно нормативно-правовым актам и рекомендациям финансовое учреждение должно иметь программу обучения персонала в целях ПОД/ФТ. Помимо своей эффективности она должна так же соответствовать требованиям внутренних процедур и политик и быть направлена на снижение риска вовлечения того или иного учреждения в отмывание денежных средств и финансирование терроризма. Таким образом, организация обучения – способ научить сотрудников действовать, когда они столкнутся с риском отмывания денежных средств, обслуживая того или иного клиента. По оценкам *PricewaterhouseCoopers*, 48 % кредитных организаций из 72 % опрошенных считают, что работник является одним из

факторов возникновения риска отмывания денежных средств в финансовом учреждении.¹⁰ За разработку эффективной программы обучения сотрудников отвечает комплаенс-специалист. Он должен определить целевую аудиторию, а именно она должна включать большую часть сотрудников, но при этом отдельно взятые подразделения должны быть обучены по темам, с которыми они непосредственно связаны.¹¹ Например, сотрудники фронт-подразделения в ходе таких обучений должны получить более глубокие знания, поскольку именно они на прямую связаны с обслуживанием клиентов. В ходе такого рода обучения сотрудник должен понимать, какие действия ему нужно предпринять, чтобы оставаться бдительным и не допускать возникновения риска отмывания денежных средств. После проведения обучения необходимо проводить их последующую аттестацию.

Заключение

Изучив нормативные акты и рекомендации, автор пришла к выводу, что роль комплаенс-специалиста в сфере ПОД/ФТ является важной и ответственной. Специалист отвечает за соблюдение финансовым учреждением Закона по борьбе с отмыванием (легализацией) денежных средств и финансирования терроризма. Несет ответственность за разработку политик и процедур в этой сфере, за своевременное обучение персонала (периодичность обучения), а также за сотрудничество с Государственными органами. По словам эксперта по борьбе с отмыванием денежных средств Тоомаса Туулинга: «Сейчас на рынке достаточно работником данной сферы. Было бы правильно, чтобы большая часть из них были бы бывшими сотрудниками фронт-подразделений, юристами, полицейскими или же аналитиками»¹². Действительно, сотрудники, имеющие вышеперечисленный опыт, могут стать достаточно компетентными комплаенс-специалистами.

Также стоит отметить, что в работе специалистов данной сферы руководство играет важную роль. Иными словами, ответственность за соблюдение финансовой организацией процедур и политик, разработанных комплаенс-специалистом, несет правление. Все подразделения и руководители подчинённых подразделений подчиняются непосредственно правлению, которое определяет стратегию и цели финансового учреждения, занимается подбором персонала и контролирует их деятельность, а также обеспечивает деятельность подразделений, осуществляющих внутренний контроль. Необходимо, чтобы высшее руководство понимало важность программы, направленной на ПОД/ФТ, а также обеспечивало комплаенс-специалистов достаточным количеством финансовых, людских и технических ресурсов (с достаточными полномочиями для обеспечения своих функций). В противном случае реализация риска отмывания денежных средств может привести к необратимым последствиям: штрафные санкции, отзыв лицензии, убытки в результате нанесенного вреда репутации, издержки, связанные с корректировкой внутренних процедур, издержки упущенных возможностей и т. д.¹³

В заключение необходимо отметить, что для уменьшения вероятности использования того или иного финансового учреждения в целях ОД/ФТ необходимо применять следующий комплекс мер:

1. Иерархичная организационная структура, одним из важных органов функционирования рассматриваемой системы является наличие единоличного исполнительного органа (в лице председателя правления), на котором лежит ответственность и контроль за соблюдением действующего закона в сфере ПОД/ФТ. Все подразделения и руководители подчинённых подразделений должны подчиняться непосредственно председателю правления, который определяет стратегию и цели кредитной организации, занимается подбором персонала и контролирует их деятельность, а также обеспечивает деятельность подразделений, осуществляющих внутренний контроль. Председатель правления должен назначить ответственного (комплаенс-специалиста) за исполнение внутренних процедур, направленных на ПОД/ФТ.

2. Четкая регламентация управления процессом: должна проводиться оценка специфического риска (оформление пакета документов по тому или иному клиенту, передача данного пакета в отдел, который несет ответственность за соблюдение процедур внутреннего контроля; последний осуществляет оценку риска в области ПОД/ФТ).
3. Корректно определенные этапы управления рисками: кооперация сотрудников организации – выбор комплекса мер по снижению уровня риска легализации.
4. Принцип «Знай своего клиента».
5. Обученный персонал: поскольку непосредственно персонал фронт-подразделений занимается обслуживанием клиентов, финансовые учреждения должны уделять много внимания компетентности персонала. Таким образом, необходимо своевременно проводить обучение сотрудников и последующую их аттестацию.
6. Надлежащая проверка сотрудников финансового учреждения. Данные функции выполняет непосредственно комплаенс-специалист (отдел внутреннего контроля).

Так, основной задачей руководства (правления) финансовой учреждения должно стать создание эффективной системы управления риском в сфере ПОД/ФТ. Данная система должна быть разработана, опираясь на нормативно-правовые акты, рекомендации руководства международных организаций и компетентных национальных органов надзора. Важную роль в системе управления риском должен выполнять комплаенс-специалист, но при этом он должен быть достаточно независимым, чтобы сократить вероятность возникновения конфликта интересов.¹⁴

Ссылки

- ¹ Association of Certified Anti-Money Laundering Specialists (ACAMS). (2012). Study Guide CAMS certification exam. P. 7–8. Прочитано по адресу: http://na-sj13.marketo.com/rs/582-QUS-045/images/5th_Edition_Study_Guide_Russian_.pdf (дата обращения 01.04.2020.).
- ² См. Ковалева, С. Е. Совершенствование управления рисками кредитных организаций в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем//ieej.lv/YqHBE (дата обращения 01.04.2020.).
- ³ Ковалева, С. Е. Совершенствование управления рисками кредитных организаций в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, С.11-12// ieej.lv/YqHBE (дата обращения 01.04.2020.).
- ⁴ Basel Committee on Banking Supervision. (2003). Consolidated KYC Risk Management// <https://www.bis.org/publ/bcbs101.pdf> (дата обращения 01.04.2020.).
- ⁵ Закон об отмывании денег и противодействии терроризму // <https://www.riigiteataja.ee/akt/RahaPTS> (дата обращения 15.04.2020.).
- ⁶ Finantsinspektsiooni juhendid. Krediidid- ja finantseerimisasutuste organisatsiooniline lahend ning ennetavad meetmed rahapesu ja terrorismi rahastamise tõkestamiseks // https://www.fi.ee/sites/default/files/2018-11/FI_AML_Soovituslik_juhend.pdf (дата обращения 01.04.2020.).
- ⁷ Finantsinspektsiooni juhendid. Lõplikud suunised, 5-16 // https://www.fi.ee/public/pp_nr_10_Guidelines_on_Risk_Factors_ET_04-01-2018.pdf (дата обращения 01.04.2020.).
- ⁸ Закон об отмывании денег и противодействии терроризму//<https://www.riigiteataja.ee/akt/RahaPTS> (дата обращения 15.04.2020.).
- ⁹ Бюро данных об отмывании денег // <https://www.politsei.ee/files/Rahapesu/juhendkahtlastetehingutetunnustekohta.pdf?222a84e8fa> (дата обращения 19.04.2020.).
- ¹⁰ PricewaterhouseCoopers. Global Economic Crime and Fraud Survey 2018. Pulling fraud out of the shadows // <https://www.pwc.com/gx/en/forensics/global-economic-crime-and-fraud-survey-2018.pdf> (дата обращения 01.04.2020.).
- ¹¹ Association of Certified Anti-Money Laundering Specialists (ACAMS). (2012). Study Guide CAMS certification exam. С. 178–179 // http://na-sj13.marketo.com/rs/582-QUS-045/images/5th_Edition_Study_Guide_Russian_.pdf (дата обращения 01.04.2020.).
- ¹² Интервью Тоомаса Туулинга, С.6//<https://arileht.delfi.ee/news/uudised/ekspert-millest-on-eeetil-rahapesu-tokestamisel-puudu-mida-huvitavat-tegi-hiljuti-leedu?id=83774109> (дата обращения 19.04.2020.).
- ¹³ Association of Certified Anti-Money Laundering Specialists (ACAMS). (2012). Study Guide CAMS certification exam. С. 178. http://na-sj13.marketo.com/rs/582-QUS-045/images/5th_Edition_Study_Guide__Russian_.pdf (дата обращения 01.04.2020.).

¹⁴ Калинина, С.С., Мелихова, А. В. Совершенствование системы управления рисками кредитной организации в сфере противодействия отмыванию (легализации) денежных средств. С.20-21.// https://nmetau.edu.ua/file/zbirnik_materialiv_2019.pdf (дата обращения 19.04.2020.).

Anotācija

Izvēlētā temata aktualitāti apliecina pastāvīgas izmaiņas finanšu monitoringa sistēmā: procedūru sarežģīšana, starptautisko un Eiropas reģionālo prasību pastāvīgas izmaiņas, kā arī prasību izmaiņas attiecībā uz kontroles (angļu val. *Compliance*) specialistu amatu. Arvien biežāk finanšu institūcijas sastopas ar minētās profesijas darbinieku nekompetenci un nolaidīgu pienākumu izpildi.

Autore analizē ar naudas līdzekļu atmazgāšanu (legalizāciju) un terorisma finansēšanu saistītos normatīvos aktus, kā arī finanšu institūcijām adresētās galvenās rekomendācijas naudas līdzekļu atmazgāšanas (legalizācijas) un terorisma finansēšanas novēršanai.

Balstoties uz zinātnieku atziņām, tika izzināti galvenie riski, kas saistīti ar finanšu organizāciju iespējamo izmantošanu, lai atmazgātu finanšu līdzekļus. Balstoties uz šiem riskiem, autore atklāj kontroles speciālista lomu nelikumīgi iegūto naudas līdzekļu legalizācijā (atmazgāšanā) un terorisma finansēšanā.

Atslēgas vārdi: pretdarbība naudas atmazgāšanai, rekomendācijas, pretdarbības pasākumi, riska novērtējums, riska pārvaldība, kontroles speciālists.

ЗАПРЕТ ПЫТОК И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ ИЛИ УНИЖАЮЩИХ ДОСТОИНСТВО ВИДОВ НАКАЗАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ЗАКРЫТОГО ТИПА

Елена Гирфанова,

Vs. iur., магистрант (2020) программы "Правоведение" Балтийской Международной академии, Латвия

E-mail: elena.girfanova@inbox.lv

Abstract

In the paper "The prohibition of torture and other cruel, inhuman or degrading punishment in closed Institutions" the author has examined the observance of persons' in detention, custody or imprisonment human rights in the European regional acts and national instruments as well as the provision of health care for detainees and convicted persons alike.

All basic human rights' documents, namely: the Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant on Civil and Political Rights, the United Nations and the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms state that "no one shall be subjected to torture or to cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, degrading his or her human dignity".

All persons who have been punished, regardless of the crimes for which they were convicted, have the right to humane treatment and respect for their personality. No actions of people, whatever they may be, justify the inhuman treatment of them or the humiliation of their personality.

Keywords: *human rights, torture, ill-treatment, health care, European Committee for the Prevention of Torture.*

Введение

Тема статьи является актуальной в связи с тем, что всем лицам, находящимся под стражей или тюремном заключении, должно быть обеспечено гуманное обращение и уважение достоинства человеческой личности. В настоящее время по-прежнему обнаруживаются нарушения прав человека в отношении пыток в закрытых учреждениях. Обращение с заключенными и лицами, находящимися под стражей, должно быть в любых случаях гуманным. Выполнение этого требования начинается с момента заключения в тюрьму и продолжается до освобождения из заключения. Условия тюремного заключения должны обеспечивать удовлетворение основных физических потребностей, таких как: медицинское обслуживание, личная гигиена, наличие одежды и постельного белья, пищи, а также возможности физических упражнений. Пыткой является любое действие, умышленно причиняющее сильную физическую или душевную боль или страдание. Никто не должен становиться объектом пыток или жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания. Из этого принципа нет исключений.

Целью написания статьи является изучение международных и национально-правовых актов, изучение эффективности борьбы против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, их применение, исследование и оказание медицинской помощи в учреждениях закрытого типа.

Поставленные цели достигаются посредством решения следующих задач:

- 1) анализ понятия пытки в международном праве;
- 2) обзор запрета пыток в законодательстве Европейского региона и Латвийской Республики и отразить проблему здравоохранения в закрытых учреждениях.

Объектом данного исследования является обеспечение гуманного обращения и уважения достоинства человеческой личности в учреждениях закрытого типа в международном и национальном праве.

Методы исследования: анализ, синтез, индукция и дедукция.

Запрет пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в учреждениях закрытого типа в Европейском регионе и Латвийской Республике

Международные и национальные нормативные акты запрещают жестокое обращение и пытки. В реальной жизни с применением этих норм чаще всего сталкиваются в учреждениях закрытого типа, где лицо имеет ограниченное право защищать себя.¹

Пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение относится к числу общемировых проблем. Пытки и другие формы бесчеловечного и унижающего достоинство обращения непростительны в любой ситуации. Исключений из этого принципа быть не может. Пыткой является любое действие, умышленно причиняющее сильную физическую или душевную боль или страдание, не связанные или не свойственные правовым санкциям.

Все должностные лица по поддержанию правопорядка должны быть полностью осведомлены о запрещении пыток. Приказы вышестоящего должностного лица не могут служить оправданием пыток. Должностные лица по поддержанию правопорядка имеют право применять силу, только тогда, когда это совершенно необходимо.²

Повсеместное нарушение прав и свобод человека в 1930-х годах, кульминацией которого стали ужасы Второй мировой войны 1939–1945 года, положили конец мнению, что каждое государство должно самостоятельно определять, как ему обращаться со своими гражданами. Подписание в июне 1945 года Устава Объединенных Наций перевело права человека в сферу международного права. Все страны-члены Организации Объединенных Наций согласились принимать меры для их защиты. Сегодня права человека и обязательства по их защите – постоянный аспект повседневной деятельности органов власти. В последние годы многие государства ратифицировали значительное число документов о правах человека. При этом, в соответствии с международным правом они принимали обязательства способствовать реализации различных прав человека и охранять их.³

На сегодняшнее время пытки запрещены конституциями и законами практически всех государств мира, в том числе и Конституцией (лат. Satversme) Латвии. Согласно статье 95 Конституции Латвии, «государство защищает честь и достоинство человека. Пытки, иное жестокое и унижающее отношение к человеку запрещены. Никто не может быть подвергнут безжалостному или унижающему достоинство человека наказанию».⁴

Главным международным актом в области борьбы с пытками стала Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Данная Конвенция была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1984 года. Документ вступил в силу 28 июня 1987 года. Латвия присоединилась к Конвенции 14 апреля 1992 года.⁵

Нормы международных документов определяют виды нарушений права на неприкосновенность. Статья 5 Всеобщей декларации прав человека, как и статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, порождает четыре степени, в которых может быть нарушена неприкосновенность личности: пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение со стороны лица или наказание.

Статья 3 Конвенции Совета Европы прав и основных свобод человека не содержит термина «жестокое обращение или наказание», но с точки зрения содержания эта статья эквивалентна статье 5 Всеобщей декларации прав человека и статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах. Эти документы не предусматривают определения пыток или других запрещенных видов поведения. Комитет ООН по правам человека указал, что способ классификации наказания зависит от характера, цели и степени строгости обращения. Более того, каждый из этих уровней поведения включает в себя не только физические, но и духовные страдания.⁶

Декларация ООН о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятая Генеральной Ассамблеей 9 декабря 1975 года⁷, как и Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, выдвигает цель повышения

эффективности борьбы против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания во всем мире. Упомянутая Конвенция предусматривает, что государства-участники должны рассматривать пытки в соответствии со своим национальным законодательством как преступления, запрещаются любые ссылки на «приказ вышестоящего начальника или государственной власти» или «на исключительные обстоятельства» для оправдания пыток. Никакие исключительные обстоятельства – состояние войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение – не могут служить оправданием пыток.

В декабре 2015 года Генеральная Ассамблея ООН приняла пересмотренные Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. Этот документ отражает новый подход к управлению тюрьмами в 21-м веке, который защищает достоинство людей, оказавшихся за решеткой. Отдавая дань уважения памяти президента Южной Африки, который в ходе долгой борьбы за права человека, равенство и демократию провел в заключении 27 лет, данные правила и были названы в его честь *Правилами Нельсона Манделы*.⁸ В пересмотренных Правилах подчеркивается принцип гуманного обращения с лицами, лишенными свободы, а также содержится абсолютный запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные и унижающие достоинство виды обращения. Часть положений касается порядка медицинского осмотра, трудовой деятельности, сроков содержания в изоляции от других заключенных. Согласно Правилам, лица, лишенные свободы, имеют полное право на такие же стандарты в сфере оказания медицинской помощи, как и их сограждане на свободе. Отмечается и право заключенных с вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) иметь доступ к антиретровирусным препаратам, и необходимость предоставлять осужденным лечение от туберкулеза и наркотической зависимости. Также Правила запрещают проводить принудительные медицинские эксперименты в тюрьмах, в целом гарантируют право заключенных на правовую помощь.

Комитет министров Совета Европы принял Европейскую конвенцию о предупреждении пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания только в июне 1987 года, но сама Конвенция вступила в силу 1 февраля 1989 года. Был создан Комитет по предупреждению пыток для контроля за осуществлением Конвенции (англ. *Committee for the Prevention of Torture, CPT*). Первые члены Комитета по предупреждению пыток были избраны в сентябре 1989 года, а в мае 1990 года Комитет отправился в Австрию для первой проверки. 1 июля 1999 года Конвенция была ратифицирована 40 государствами-членами Совета Европы, и Комитет провел 88 визитов в 39 стран.⁹ 10 февраля 1998 года Конвенция Совета Европы о предупреждении пыток была ратифицирована в Латвии, и вступила в силу в июне этого же года.

Идея развития такой конвенции, а также визит независимых экспертов в закрытые учреждения принадлежит женевискому банкиру Жан Жаку Готье, который ушел в отставку в 1970 году, но всю оставшуюся жизнь посвятил борьбе с пытками. Он был вдохновлен работой Международного комитета Красного Креста. В 1977 году Жан Жак Готье основал Швейцарский комитет против пыток (нынешняя Ассоциация по предотвращению пыток). Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее ЕКПП) имеет 49 членов (по одному от каждого государства-члена Совета Европы), обладает чрезвычайными полномочиями, и его представители имеют право посещать все закрытые органы в государствах-участниках. Посещения происходят с периодичностью раз в несколько лет. Латвию представители ЕКПП посетили в 1999, 2002, 2004, 2007, 2009, 2011, 2013, 2016 году.¹⁰

При посещении тюрьмы представители ЕКПП обращают внимание на повседневную жизнь, трудовые отношения заключенных и тюрем, предлагаемую деятельность администрации тюрьмы для заключенных (образование, работа, спорт и досуг и т. д. Для программ социальной реабилитации и коррекции социальной адаптации), медицинскую помощь и предоставление прав заключенных.¹¹

После каждого посещения ЕКПП составляется доклад, в котором обобщает свои выводы и включает при необходимости рекомендации и другие предложения, на основе которых развивается диалог с вовлеченной Стороной. Доклад ЕКПП по результатам посещения является, в принципе, конфиденциальным, однако почти все Стороны предпочли отказаться от конфиденциальности и публикуют доклад.¹²

В 2011 году ЕКПП выразил обеспокоенность тем, что был достигнут лишь незначительный прогресс или вообще не было достигнуто прогресса в выполнении некоторых ключевых рекомендаций Комитета, в частности в отношении условий в местах содержания под стражей в полиции, в местах пожизненного заключения, требований к тюремному персоналу. Однако во время своего визита в 2013 году ЕКПП отметил ряд позитивных тенденций в некоторых областях, таких как режим пожизненного заключения для заключенных, приговоренных к среднему сроку, и некоторые аспекты тюремного здравоохранения. Делегация совершила целенаправленные посещения в места лишения свободы – в Даугавгривскую и Елгавскую тюрьмы. В последнем случае делегация также оценила медицинское обслуживание осужденных. Посещение Рижской центральной тюрьмы также было целенаправленным, в нем основное внимание уделялось режиму, применяемому к лицам, находящимся в предварительном заключении, и вопросам здравоохранения. Делегация также с коротким визитом посетила тюремную больницу в Олайне.¹³

Охрана здоровья заключенных под стражу и осужденных

Состояние физического и психического здоровья любого человека определяет то, как он живет, работает и ведет себя. Это в полной мере относится к тюремному персоналу и заключенным. Заключенные и все лица, лишены свободы, имеют право на полное сохранение физического и психического здоровья. Хорошее здоровье важно для каждого. Оно оказывает влияние на поведение людей и на их способность функционировать в качестве членов сообщества. Особое значение оно приобретает в замкнутом тюремном сообществе. По самой своей природе условия заключения могут оказывать разрушающее влияние на физическое и психическое состояние заключенных. Поэтому администрация тюрем отвечает не только за предоставление медицинской помощи, но также и за создание условий, которые способствуют благополучию как заключенных, так и персонала. Заключенные лица не должны подвергаться медицинским или научным экспериментам, которые могут причинять вред их здоровью, даже если они на это соглашаются.¹⁴

В каждой тюрьме ее администрация должна обеспечить, как минимум, следующее: первоначальное медицинское обследование и разрешение на доступ в тюрьму; регулярные консультации амбулаторных больных; оказание неотложной помощи; должным образом оборудованное помещение для оказания консультаций и лечения заключенных; адекватный запас необходимых лекарств и препаратов, поставляемых сертифицированными фармацевтами; оборудование для проведения физиотерапии и восстановления после окончания курса лечения; специальные диеты, которые могут оказаться необходимым по медицинским показаниям.¹⁵

Тюремные администрации должны обеспечить в неотложных случаях доступ к медицинскому обслуживанию в любое время и без задержки (Стандартное минимальное правило 52). Время от времени у некоторых заключенных могут возникать медицинские проблемы, требующие лечения в больнице. Существует несколько способов предоставления такой услуги. Многие тюремные администрации организовали, тюремные больницы, которые могут справляться с не очень сложными заболеваниями, требующими лечения в стационаре. В других случаях проблема обеспечения режимной безопасности решается путем организации специальных тюремных палат в рамках обычной больницы. Зачастую, однако, заключенные могут получить стационарное лечение в обычных условиях гражданской больницы. В таких случаях следует обратить внимание на организацию соответствующих мер безопасности, особенно для рожениц и неизлечимых больных.¹⁶

В условиях латвийской пенитенциарной системы, если заключенного не удовлетворяет медицинское обслуживание в тюрьме, например, врач не приходит осмотреть заключенного, не выдает лекарство, или проявлено плохое отношение со стороны медицинского персонала (врача, медсестер) и т. п., существует две возможности: 1) заключенный может подать жалобу в медицинскую часть Управления мест заключения, рассматривающую жалобу подобного содержания. Управление мест заключения может дисциплинарно наказать виновное лицо и устранить нарушение; 2) заключенное лицо может подать жалобу в Инспекцию по контролю качества медицинского обслуживания и экспертизы трудоспособности (*лат. Medicīnas aprūpes un darbspējas ekspertīzes kvalitātes kontroles inspekcija, MADEKKI*). Она может применить наказание к медикам за допущенные ими ошибки, однако не может уволить их с работы или отдавать распоряжения начальнику тюрьмы. В обоих случаях заключенный должен указывать в заявлении имя и фамилию, а также не удовлетворяющие обстоятельства. По возможности можно также указать имя и фамилию конкретного медицинского работника, действием которого заключенный был не удовлетворен.

Заключение

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Всем лицам, лишенным свободы, должно быть обеспечено гуманное обращение и уважение достоинства человеческой личности. Никто не должен становиться объектом пыток или жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания. Международные и национальные нормативные акты запрещают жестокое обращение и пытки. На сегодняшний день пытки запрещены конституциями и законами практически всех государств мира, в том числе Конституцией Латвии.
2. Основное определение понятия «пытка» содержится в Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятой в 1984 года. Согласно статье 1 данной Конвенции, «пытка» означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. Жестокое обращение, бесчеловечное или унижающие достоинство виды обращения и наказания, также означают плохое недопустимое обращение, сопровождающееся менее тяжелой степенью страдания.
3. ЕКПП посредством посещений изучает обращение с лицами, лишенными свободы, с целью усиления, если это необходимо, защиты от пыток и от бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Посещения могут быть организованы в любое место, где находятся лица, лишенные свободы. Представители ЕКПП вправе беседовать с лицами, лишенными свободы, наедине и свободно вступать в контакт с любым лицом. Результатом каждого посещения ЕКПП является доклад, в котором обобщаются выводы и включаются необходимые рекомендации. Посещения происходят с периодичностью раз в несколько лет. Последние визиты в Латвию ЕКПП были 12–17 сентября 2013 года, 12–22 апреля 2016 года.
4. Тремя основными правами против пыток и жестокого обращения с задержанными, заключенными под стражу и осужденными к лишению свободы лицами, являются:
  - 1) право информировать о факте своего задержания или заключения под стражу члена семьи или близкого человека, а также право информировать консульство страны, подданным которой лицо является;
  - 2) право оказания юридической помощи и предоставления адвоката;
  - 3) право предоставления медицинской помощи.

Эффективная реализация упомянутых прав возможна лишь при условии соблюдения представителями компетентных учреждений обязательного информирования лиц, подвергаемых ограничению свободы.

Ссылки

- ¹ Latvijas Republikas Tiesībsargs. Pilsoniskās un politiskās tiesības. Spīdzināšanas un cietsirdīgas apiešanās aizliegums. <http://www.tiesibsargs.lv/lv/pages/cilvektiesibas/pilsoniskas-un-politiskas-tiesibas/apraksts>.
- ² Управление Верховного Комиссара по правам человека ООН. Права человека и тюрьмы. Учебное пособие по правам человека для персонала пенитенциарных учреждений, ООН, Женева, 2000. С. 20. <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/training11Add3ru.pdf>.
- ³ Управление Верховного Комиссара по правам человека ООН. Права человека и тюрьмы. Учебное пособие по правам человека для персонала пенитенциарных учреждений, ООН, Женева, 2000. С. 1. <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/training11Add3ru.pdf>.
- ⁴ Latvijas Republikas Satversme: Latvijas Republikas likums. Pieņemta 15.02.1992., spēkā no 07.11.1992. Latvijas Vēstnesis Nr. 43, 01.07.1993. ar grozījumiem līdz 25.05.2017. <https://likumi.lv/ta/id/57980-latvijas-republikas-satversme>.
- ⁵ Konvencija pret spīdzināšanu un citiem nežēlīgas, necilvēcīgas vai pazemojošas izturēšanās vai sodīšanas veidiem: starptautisks dokuments. 1.1. pants. Latvijas Vēstnesis Nr. 135 (4533), 30.08.2011. <https://likumi.lv/ta/lv/starptautiskie-likumi/id/1151>.
- ⁶ ANO Cilvēktiesību komitejas Vispārējais komentārs Nr. 20//ANO dokuments A/47//40.-1992.-4.-5. / Grāmatā "Cilvēktiesības Latvijā un pasaulē". Prof. I. Ziemeles zin. redakcijā. Rīga: Latvijas Cilvēktiesību un etnisko studiju centrs, 2000. 4. lpp. <http://egramata.com>.
- ⁷ Declaration on the Protection of All Persons from Being Subjected to Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (accepted 09.12.1975.) <http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/DeclarationTorture.aspx>.
- ⁸ Правила Нельсона Манделы в ООН направленные на защиту прав и достоинства заключенных. <http://www.un.org/russian/news/ru/print.asp?newsid=26280>.
- ⁹ Eiropas spīdzināšanas novēršanas komiteja: vadlīnijas slēgta tipa iestādēm//Grāmatā "Cilvēktiesības Latvijā un pasaulē". Prof. I. Ziemeles zin. redakcijā. Rīga, Latvijas Cilvēktiesību un etnisko studiju centrs, 2000., 89. lpp. <http://egramata.com>.
- ¹⁰ Zahars, V. Īss Eiropas cilvēktiesību kurss. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2012, 28. lpp.
- ¹¹ Zahars, V. Īss Eiropas cilvēktiesību kurss. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2012, 29. lpp.
- ¹² Стандарты ЕКПП. "Существенные" разделы общих докладов ЕКПП. СРТ/Inf/E (2002) 1–Rev.2004. С. 5 / в сборнике Здоровье в исправительных учреждениях. Всемирная организация здравоохранения, 2015. <https://ieej.lv/Fsrf5>.
- ¹³ Ziņojums Latvijas Valdībai par Eiropas Komitejas spīdzināšanas un necilvēcīgas vai pazemojošas rīcības vai soda novēršanai (CPT) vizīti Latvijā no 2013. gada 12. septembra līdz 17. septembrim. <https://www.tiesibsargs.lv/uploads/media/default/0001/01/cc7f4b7c764893e42b0a6caf4631284ddf3b2183.pdf>.
- ¹⁴ Управление Верховного Комиссара по правам человека ООН. Права человека и тюрьмы. Учебное пособие по правам человека для персонала пенитенциарных учреждений, ООН, Женева, 2000. С. 45–46. <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/training11Add3ru.pdf>.
- ¹⁵ Койл, Э. Подход к управлению тюрьмой с позиций прав человека. Учебное пособие для тюремного персонала. <https://www.prisonstudies.org/sites/default/files/resources/downloads/russian.pdf>.
- ¹⁶ Управление Верховного Комиссара по правам человека ООН. Права человека и пенитенциарные учреждения. Учебное пособие по правам человека для персонала пенитенциарных учреждений, ООН, Женева, 2000. С. 51–53. <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/training11Add3ru.pdf>.

Анотācija

Raksta „Spīdzināšanas un citu nežēlīgu, necilvēcīgu vai cieņu pazemojošu sodīšanas veidu aizliegums slēgtā tipa iestādēs” autore izpēta apcietināto un notiesāto ar brīvības atņemšanu personu cilvēktiesību ievērošanu Eiropas reģionālajos un nacionāli tiesiskajos aktos, medicīnisko pakalpojumu nodrošināšanu apcietinātajām un notiesātajām personām.

Visos cilvēktiesību pamatdokumentos, konkrētāk, ANO Vispārējā Cilvēktiesību deklarācijā, ANO Starptautiskajā paktā par pilsoņu un politiskajām tiesībām un Eiropas Padomes Cilvēktiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvencijā, tiek uzsvērts, ka nevienu personu nedrīkst pakļaut spīdzināšanai vai sodīšanai vai izturēties pret viņu nežēlīgi, necilvēcīgi vai cieņu pazemojoši. Visām

personām, kas ir pakļautas sodīšanai, neatkarīgi no tā, par kādiem noziegumiem tās ir notiesātas, ir tiesības uz humānu izturēšanos un cieņu. Neviena cilvēka rīcība nevar attaisnot antihumānu izturēšanos pret viņu vai pazemošanu.

KRIMINĀLATBILDĪBA PAR TERORISMU

Angelina Else,

Baltijas Starptautiskās akadēmijas maģistra programmas “Tiesību zinātne” maģistrante (2020),
Latvija

E-pasts: angelina12@inbox.lv

Abstract

Acts of terrorism often result in fatalities, but the impact of terrorism is not limited to loss of lives. Terrorism acts can disturb or suspend the peace process; they cause, lengthen, or deepen conflicts and escalate violence. In addition, terrorism has an effect on the economy of the state, given that combatting of terrorism requires significant temporal and financial resources.

The threat posed by international terrorism not only constitutes one of the biggest challenges that the world and Europe in particular is currently facing, but also affects the security and economic interests of the Latvian nationals. In addition, terrorism-related crimes threaten the security of not only separate states, but that of the entire international community as well.

In the view of the author, the relevance of the topic is illustrated by the fact that 23 May 2018, saw the Criminal Act of Latvia being complemented by a new (IX¹) section on “Crimes Related to Terrorism”, thereby underscoring the preparedness of Latvia to adjust its legislative framework in order to avert possible threats of terrorism. The new version of the law sees terrorism, financing of terrorism, invitation to terrorism and terrorism threats, recruitment and training of persons for terrorism, travelling for terrorism purposes, and justification of terrorism classified as criminal offences.

Author has chosen the topic of terrorism with the aim of exploring the definition of terrorism and its depiction in international and Latvian law, as well as analysing the criminal liability for terrorism prescribed by the Latvian law and determining the issues associated with the classification of terrorism.

The paper consists of introduction, three chapters, and conclusion. In the first chapter, the definition of terrorism is considered. The second chapter is devoted to the analysis of criminal liability for terrorism under the Latvian law, and the third chapter – to the issues associated with the classification of terrorism. Finally, conclusions with respect to the threats posed by terrorism to the European Union and Latvia are drawn.

Keywords: *terrorism; criminality; conflict; criminal activities; violence; extremism; religion; state.*

Ievads

Apvienoto Nāciju Organizācijas (ANO) Drošības Padomes (DP) normās ir ietverts, ka terorisms visās tā iespējamās formās un izpausmēs rada vienu no nopietnākajiem draudiem starptautiskajam mieram un drošībai un jebkurš terorisma akts ir krimināls un neattaisnojams, neatkarīgi no tā izdarīšanas motivācijas.¹

Starptautiskā terorisma radītais apdraudējums ir viens no nopietnākajiem izaicinājumiem ne tikai pasaulē un Eiropā, bet ietekmē arī Latvijas valstspiederīgo drošību un ekonomiskās intereses.

Pēdējo gadu laikā Eiropā terorisma draudi ir pastāvīgi pieauguši, tādēļ arī Latvijā kompetentajām iestādēm ir jābūt gatavām reaģēt dažādās ārkārtas situācijās un tiesiskajam regulējumam ir jābūt atbilstošam, lai novērstu potenciālus terorisma draudus un uzbrukumus.²

Saskaņā ar Eiropola datiem 2017. gadā Eiropas Savienībā (ES) 33 džihādistu uzbrukumos nogalināti 62 cilvēki (2016. gadā 13 uzbrukumos nogalināti 135 cilvēki). Tikai 10 uzbrukumus, kas notika šajā laika posmā, nacionālās valdības kvalificēja kā “pabeigtus”, jo tie bija sasnieguši savus mērķus. 2017. gadā 27 uzbrukumi tika novērsti vai ir bijuši neveiksmīgi (3 novērsti 2016. gadā). Lielākais bojā gājušo skaits teroristu uzbrukumu rezultātā – 150 bija 2015. gadā (4 – 2014. gadā). 2017. gadā bija ievērojami mazāks skaits uzbrukumu, kuros nogalināti cilvēki. 10 no 33 teroristu uzbrukumiem tika kvalificēti kā pabeigti, 12 uzbrukumos mērķis netika sasniegts pilnībā,

un 11 uzbrukumi tika novērsti, lielākoties Francijā un Apvienotajā Karalistē. 62 cilvēki gāja bojā teroristu uzbrukumos: Lielbritānijā (35), Spānijā (16), Zviedrijā (5), Francijā (3), Somijā (2) un Vācijā (1). Vēl 819 cilvēki tika ievainoti. Kopumā 705 cilvēki 18 ES dalībvalstīs apcietināti uz aizdomu pamata par šo personu iesaistīšanos teroristiskās darbībās (373 apcietinājumi veikti Francijā).³

Būtiska nozīme ir sakārtotam nacionālajam tiesiskajam regulējumam, kas atbilst starptautiskajām tiesībām un regulē visu kompetento iestāžu sadarbības mehānismus un tiesības terorisma novēršanas pasākumos, kriminālprocesā, operatīvo darbību pasākumos, ārkārtas situācijās u. tml.

Raksta mērķis ir izpētīt terorisma jēdziena izpratni starptautiskajās un Latvijas tiesību normās, kā arī aplūkot kriminālatbildību par terorismu Krimināllikumā un izvērtēt ar tā kvalifikāciju saistītās problēmas.

Darbam izvirzītie uzdevumi: izanalizēt terorisma jēdzienu un kriminālatbildības par terorismu tiesisko regulējumu; noskaidrot ar terorisma kvalifikāciju saistītās problēmas.

Darba izstrādei izmantotas šādas tiesību normu interpretācijas un pētniecības metodes: loģiskā metode, sistēmiskā interpretācijas metode (lai noskaidrotu tiesību normu savstarpējo jēgu un sakarību), gramatiskā metode (lai noskaidrotu tiesību normu jēgu).

Terorisma jēdziens un būtība

Terorisms ir vardarbības forma, kas izmanto vardarbību kā mehānismu, kas rada vai veicina pārmaiņas. Teroristi izmanto slepkavības, postīšanu, cilvēku izkropļošanu vai vardarbības draudus, iebiedējot, tādējādi terorizējot individuālas personas, grupas, kopienas vai valdības, lai piespiestu minētos objektus pakļauties savām politiskajām prasībām, kuru izpildi vai respektēšanu nav iespējams panākt legītimā ceļā.⁴

Tulkojumā no latīņu valodas vārds *terror* nozīmē “bailes”, “šausmas”. Terors un terorisms ir iebiedēšanas politika vai politisko pretinieku nomākšana ar spēka metodēm. Ir jānošķir jēdzienus “terors” un “terorisms”, jo terors ir pie varas esošo privilēģija (parasti to neoficiāli, slepeni īsteno valsts). Savukārt terorisms ir nomākto, apspiesto un neapmierināto atbildes reakcija – iebiedēšanas politika un politiskās varas piespiešana uz klausīt opozīciju ar spēka metodēm.⁵

Pastāv vairāki šīs parādības skaidrojumi, kurus var sastapt gan dažādu valstu normatīvajos aktos, gan dažādās starptautiskās pretterorisma programmās un, protams, dažādu zinātnieku un speciālistu definējumos un skaidrojumos.

Terorakti vienmēr ir notikumi, kuros iesaistītas vismaz trīs puses: noziedznieki, upuri un tā sauktā mērķauditorija, kas pakļaujas psiholoģiskam spiedienam. Par mērķauditoriju teroristi parasti izvēlas valdību, kuru mēģina piespiest sadarboties. Turklāt tiek veikti pasākumi, lai ar masu mediju starpniecību iedarbotos uz sabiedrību kopumā, tādā veidā piespiežot to atbalstīt teroristus un viņu prasības.

Juridisko terminu vārdnīcā sniegts šāds terorisma skaidrojums: terorisms – spīdzināšana, dedzināšana vai citas darbības, kas vērstas uz cilvēku iznīcināšanu, miesas bojājumu vai cita kaitējuma nodarīšanu cilvēka veselībai; uzņēmumu, celtņu, naftas vai gāzes vadu, elektrolīniju, satiksmes ceļu un līdzekļu, telekomunikācijas tīklu vai citas mantas iznīcināšana vai bojāšana nolūkā kaitēt Latvijas Republikai vai tās iedzīvotājiem, kā arī šajā pašā nolūkā kaitēt Latvijas Republikai vai tās iedzīvotājiem, kā arī šajā pašā nolūkā izdarīta saindēšanās vai epidēmiju un epizootiju izplatīšana.⁶

Autores skatījumā visaptverošs un plašāks terorisma definējums ir piedāvāts 2017. gada 15. marta Eiropas Parlamenta un Padomes direktīvā 2017/541, kur noteikts, ka turpmāk minētās tīšās darbības, kas valstu tiesību aktos tiek definētas kā nodarījumi, kas pēc to rakstura vai apstākļiem var radīt smagu kaitējumu valstij vai starptautiskai organizācijai, tiek definētas kā teroristu nodarījumi, ja tās izdarītas ar vienu no mērķiem, kas uzskaitīti direktīvas 2. punktā, tostarp uzbrukumi personas dzīvībai, kas var izraisīt nāvi, personas nolaupīšana vai ķīlnieku sagrābšana, gaisa kuģa, kuģa vai cita sabiedriskā vai preču transportlīdzekļa sagrābšana, sprāgstvielu vai ieroču, tostarp ķīmisko, bioloģisko, radioloģisko vai kodolieroču ražošana, glabāšana, iegūšana, transportēšana, piegāde vai lietošana.

Terorisma novēršanas tiesiskā regulējuma problēmas

Teroristiskās vardarbības akti ir noziegumi pret sabiedrisko drošību un mieru. Saut pie atbildības par tiem var saskaņā ar vispārējo kriminālo likumdošanu par slepkavību, sprādzienu organizēšanu un citiem vardarbīgiem noziegumiem bez nepieciešamības pierādīt speciālo teroristisko nodomu – tieši iebaidīt iedzīvotājus vai ietekmēt valdību veikt vai neveikt noteiktas darbības. Vispārējās likumdošanas trūkums attiecībā uz teroristiska rakstura noziegumiem ir personu kriminālvajāšanas iespējas tikai pēc notikumiem, kuru rezultāti daudzos gadījumos ir traģiski un graužoši vai noticis nozieguma mēģinājums. Mūsdienās juridiskā zinātne izvērtē terorismu kā parādību trijos aspektos:

- 1) kā noziedzīgu nodarījumu;
- 2) kā teroristiskās organizācijas/grupas;
- 3) kā teroristiskās doktrīnas.

Pamatprasības terorisma atzīšanai par kriminālnoziegumu ietvertas ANO konvencijās, protokolos un rezolūcijās. Pēc universālo dokumentu par pret darbību terorismam ratifikācijas valstīm nepieciešams uzsākt tajos saturošo normu un prasību iekļaušanu nacionālajā regulējumā.

Jau pagājušā gadsimta piecdesmitajos gados valstis sāka apvienoties starptautiskajās kopienās. Līdz ar to radās un līdz pat šodienai saglabājas nepieciešamība tiesību harmonizācijā, lai kopīgi risinātu problēmjautājumus, kurus rada atšķirīgas tiesību sistēmas un to piemērošana. Šobrīd krimināltiesisko un kriminālprocesuālo regulējumu būtiski ietekmē Eiropas Savienības tiesību attīstība, kas ir vērsta uz tiesību harmonizāciju un pārrobežu sadarbības veicināšanu.⁷

Eiropas Savienība veic virkni mērķtiecīgu pasākumu, lai novērstu jaunus uzbrukumus: pastiprināta kontrole uz Eiropas ārējām robežām, policijas un tiesu iestāžu sadarbības uzlabošana aizdomās turamo personu meklēšanā un vainīgo personu kriminālvajāšanā un tiesāšanā, terorisma finansējuma plūsmu ierobežošana, organizētās noziedzības apkarošana, radikalizācijas un vervēšanas novēršana u. c.

2018. gada 23. maijā spēkā stājās apjomīgi grozījumi Krimināllikumā, to papildinot ar jaunu IX¹ nodaļu “Noziegumi, kas saistīti ar terorismu”. Grozījumu sagatavošanā līdzdarbojās arī Valsts Drošības dienests, un viens no grozījumu mērķiem bija visus ar terorismu saistītos noziegumus ietvert atsevišķā nodaļā, parādot, ka šie noziegumi apdraud ne tikai vienas atsevišķas valsts, bet starptautisko drošību kopumā. Vienlaikus ar šiem grozījumiem par noziedzīgām tika atzīta virkne darbību, kas iepriekš nebija sodāmas kā pabeigts noziegums. Atzīstot terorisma propagandas izplatīšanas kaitīgumu, par terorisma publisku slavināšanu vai attaisnošanu turpmāk tika noteikta kriminālatbildība. Vienlaikus ar šiem grozījumiem par noziegumu atzīta arī apmācīšanās terorismam, kā arī ceļošana terorisma nolūkā.⁸

Autore piekrit profesora U. Krastiņa viedoklim, kas izteikts Krimināllikuma komentāros, ka terorisms kā sevišķi smags noziegums apdraud Latvijas Republikas ekonomisko sistēmu un valsts vai starptautisko drošību. Tajā pašā laikā terorisms apdraud arī cilvēku dzīvību un veselību, mantiskās intereses, uzņēmumu, iestāžu un organizāciju normālu darbību, vispārējo drošību un sabiedrisko kārtību.⁹

Krimināllikuma 79.¹ pantā paredzēta kriminālatbildība par terorismu un saskaņā ar panta pirmo daļu kriminālatbildība paredzēta par spridzināšanu, dedzināšanu, kodolķīmisko, ķīmisko, bioloģisko, bakterioloģisko, toksisko vai citu masveida iznīcināšanas ieroču lietošanu, masveida saindēšanu, epidēmiju vai epizootiju izplatīšanu, personas nolaupīšanu, ķīlnieku sagrābšanu, gaisa, sauszemes vai ūdens transportlīdzekļu sagrābšanu vai citādām darbībām, ja tās veiktas nolūkā iebiedēt iedzīvotājus vai piespiest valsti, tās institūcijas vai starptautiskas organizācijas izdarīt kādu darbību vai atturēties no tās, vai kaitēt valsts, tās iedzīvotāju vai starptautiskas organizācijas interesēm (terorisms). Panta otrajā daļā paredzēta kriminālatbildība par valsts teritorijā vai kontinentālajā šelfā izvietotu fizisku objektu, automatizēto datu apstrādes sistēmu, elektronisko tīklu, kā arī citu objektu, kuru mērķis ir nodrošināt valsts drošību, iznīcināšanu vai bojāšanu, ja šādas darbības veiktas šā panta pirmajā daļā paredzētajā nolūkā. Iepriekš minētais pants jau bija Krimināllikumā un tika pārcelts uz jauno nodaļu, nemainot iepriekš noteikto.

Krimināllikuma 79.² pantā paredzēta kriminālatbildība par terorisma finansēšanu, tostarp, ja tā izdarīta lielā apmērā. Saskaņā ar likuma “Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību” 20. pantu atbildība par Krimināllikumā paredzētu noziegumu, kas izdarīts lielā apmērā, iestājas, ja nozieguma priekšmeta kopējā vērtība nodarījuma izdarīšanas brīdī nav bijusi mazāka par piecdesmit tajā laikā Latvijas Republikā noteikto minimālo mēnešalgu kopsummu. Priekšmetu vērtība nosakāma atbilstoši tirgus cenām vai tām pielīdzinātām cenām nodarījuma izdarīšanas laikā.¹⁰ Savukārt Krimināllikuma 79.³ panta “Teroristu grupa” pirmajā daļā paredzēta atbildība par teroristu grupas, tas ir, personu grupas pēc iepriekšējas vienošanās, organizēšanu nolūkā izdarīt vienu vai vairākus noziegumus, kas saistīti ar terorismu, kā arī par iesaistīšanos šādā grupā, un panta otrajā daļā par teroristu grupas vadīšanu vai piedalīšanos šādas grupas izdarītajos šā panta pirmajā daļā minētajos noziegumos.

Krimināllikuma 79.⁴ pants “Personas vervēšana, apmācīšana un apmācīšanās terorismā”, kur personas vervēšana izpaužas kā fiziskas un psihiskas iedarbības paņēmieni, tajā skaitā uzaicinājums, pierunāšana, draudi, uzpirkšana vai citāda ietekmēšana, lai panāktu, ka persona piekrīt veikt teroristiskas darbības vai iesaistīties teroristu grupā, paredz kriminālatbildību par personas vervēšanu terorismam vai iesaistīšanai teroristu grupā. Arī apmācīšana un apmācīšanās terorismam tagad ir kriminālsodāmas darbības.¹¹

Bez iepriekš minētiem pantiem Krimināllikuma IX¹ nodaļas 79.⁵ pantā ir paredzēta kriminālatbildība par ceļošanu terorisma nolūkā, tās organizēšana vai cita veida veicināšana, līdz ar to kriminālizējot ceļošanu uz ārvalstīm terorisma nolūkā (ar nolūku izdarīt vai sekmēt teroristisku noziegumu izdarīšanu, arī sniegt vai saņemt terorisma apmācību) un 79.⁶ pantā ir paredzēta kriminālatbildība par terorisma attaisnošanu, aicinājumu uz terorismu un terorisma draudiem, kriminālizējot terorisma publisku slavināšanu, noliegšanu, attaisnošanu, arī aicinājumu uz terorismu un tāda rakstura materiāla izplatīšanu, paredzot kriminālatbildību par draudiem īstenot terorismu.

Darbā “Publiskā aicinājuma uz terorismu krimināltiesiskais regulējums, un tā piemērošanas teorētiskās un praktiskās problēmas” Ē. Treļš veica pētījumu ar mērķi noskaidrot, ar kādām grūtībām saskaras tiesību piemērotājs, izmeklējot kriminālprocesus, kas tika uzsākti pēc Krimināllikuma 88.² panta (vēsturiskā likuma redakcijā līdz 2018. gada 23. maijam) “Aicinājums uz terorismu un terorisma draudi”. Autores skatījumā Ē. Treļa pētījumā rezultātā noskaidrotie apstākļi attiecināmi arī uz tām problēmām, ar kurām var saskarties tiesību normu piemērotājs, izmeklējot kriminālprocesus pēc Krimināllikuma 79.¹ panta “Terorisms”.

Krimināllikuma 79.¹ pantā ietvertais noziedzīgais nodarījums ir klasificējams kā smags noziegums. Noziedzīga nodarījuma objekts ir ar Krimināllikumu aizsargātas valsts, sabiedrības, cilvēku kolektīvu un atsevišķu indivīdu intereses, kuras apdraud noziedzīgs nodarījums, nodarot tām vai draudot nodarīt kaitējumu.

Terorisms apdraud Latvijas Republikas ekonomisko sistēmu un valsts un starptautisko drošību. Tajā pašā laikā terorisms apdraud arī cilvēka dzīvību un veselību, mantiskās intereses, uzņēmumu, iestāžu un organizāciju normālu darbību, vispārējo drošību un sabiedrisko kārtību.

Noziedzīga nodarījuma objektīvā puse ir personas uzvedības ārēja izpausme (darbība vai bezdarbība), kas rada vai var radīt kaitējumu citu personu likumiskajām tiesībām un interesēm. U. Krastiņš skaidro jēdzienu “darbība” – krimināltiesiskā nozīmē darbība ir personas aktīva, kaitīga un prettiesiska uzvedība, kas pauž šīs personas apzinātu gribu, un tā ir vērsta pret noziedzīga nodarījuma objektu, nodarot vai radot draudus nodarīt kaitējumu ar Krimināllikumu aizsargātām personu interesēm.¹²

Krimināllikuma 79.¹ panta sastāva objektīvā puse izpaužas panta pirmajā daļā norādītās darbības izdarīšanā tādā kā spridzināšana, dedzināšana, kodolķīmisko, ķīmisko, bioloģisko, bakterioloģisko, toksisko vai citu masveida iznīcināšanas ieroču lietošana, masveida saindēšana, epidēmiju vai epizootiju izplatīšana, personas nolaupīšana, ķīlnieku sagrābšana, gaisa, sauszemes vai ūdens transportlīdzekļu sagrābšana un citādu minētajā pantā darbību izdarīšana. Krimināllikuma 79.¹ panta nodarījuma objektīvā puse ir personas uzvedības ārēja izpausme (darbība vai bezdarbība), kas rada vai var radīt kaitējumu citu personu likumiskajām tiesībām un interesēm.

Pēc autores domām, interesants ir Dr. iur. J. Baumaņa piedāvātais Krimināllikuma 79.¹ panta vērtējums. Minētais autors norāda, ka, vērtējot konkrētu normu, jākonstatē, ka tajā saskatāmas visas trīs kriminālatbildības kvanta dimensijas (nedalāmo, vismazāko un neatņemamo substanci jeb kvantu):

1) minētajā normā redzama kriminālatbildības kvanta sabiedrības indivīdu dimensija, kuru atklāj vārdi "iedzīvotāju intereses", kā arī vārda "terorisms" etimoloģija; šis vārds cēlies no latīņu vārda *terror*, kas nozīme bailes, šausmas;

2) normā redzama arī kriminālatbildības kvanta nodarījumu izdarījušās personas dimensija, kas sasaistīta ar nolūku kaitēt kriminālatbildības kvanta sabiedrības indivīdu dimensijā ietilpstošajām iedzīvotāju interesēm;

3) visbeidzot apstākļi, ka Latvijā noziedzīgi nodarījumi, kuros konstatēts personas nolūks kaitēt kaut kādām iedzīvotāju interesēm un kuru daudzums, autors pieļauj, ir ļoti liels, netiek kvalificēts kā terorisms, atspoguļo kriminālatbildības kvanta krimināltiesisko normu piemērotāja dimensiju, kas saistīta ar intelektuāliem procesiem normu interpretācijā un, iespējams, arī šaubām.¹³

Terora akti ir kvalificējami kā noziegumi, un kā bruņotu uzbrukumu teroru aktu pieļaujams kvalificēt tikai tad, ja var konstatēt teroristu saikni ar kādu konkrētu valsti, kura tos atbalsta vai jebkādā veidā veicina. Lai cik sarežģīta būtu situācija, ir jāņem vērā fakts, ka džihādisma ideju iedvesmoti teroru aktu veicēji par mītnes valsti var būt izvēlējušies jebkuru draudzīgi noskaņotu valsti un šādā gadījumā ir pilnīgi nelogiski terora aktu kvalificēt kā bruņotu uzbrukumu.¹⁴

Atsevišķos gadījumos nepieciešams nošķirt terorisma sastāvu no citu noziegumu sastāviem: īpašuma iznīcināšana un bojāšana, bruņota formējuma organizācija un dalība tajā, bandītisms, gaisa kuģa aizdzīšana, diversija, pīrātisms, valsts pārstāvja dzīvības apdraudējums, uzbrukums personai vai organizācijai, kas bauda starptautisko aizsardzību, valsts varas vardarbīga sagrābšana. "Īpašais" nolūks ir galvenā pazīme, pēc kuras terorisms ir nošķirams no citiem "konkurējošiem" noziedzīgo nodarījumu sastāviem. Literatūrā šie sastāvi tiek dēvēti kā terorisma izpausmes, kaut arī tie ir pastāvīgi noziegumi ar savām specifiskām pazīmēm. ASV Centrālās Izlūkošanas pārvaldes Pretterorisma centra (ang. *CIA's Counterterrorist Center*) izpilddirektors Pols Pillars (*Paul Pillar*) formulēja četras būtiskas atšķirības starp teroristiskajām organizācijām un citiem noziedzīgiem grupējumiem: a) teroristi darbojas nevis impulsīvi, bet saskaņā ar izstrādātu plānu; b) teroristiem ir politiski, nevis kriminālie mērķi. Atšķirībā no organizētās noziedzības teroristi grib mainīt esošo kārtību sabiedrībā, nevis iegūt naudu; c) teroristu uzbrukumu objekti ir civiliedzīvotāji, nevis militārpersonas; d) teroristi darbojas starpnacionālās grupās, vairums gadījumos neievērojot valstu robežas.¹⁵

Cilvēktiesības arī terorisma noziegumu izmeklēšanas kontekstā nozīmē, ka ikviens, kas tiek apsūdzēts noziegumā, tiek uzskatīts par nevainīgu, kamēr viņa vaina netiek pierādīta saskaņā ar likumu. Cilvēktiesību ievērošanas procedūra jebkura veida pret terorismu vērstos pasākumos noteikti ietver taisnīgu apiešanos attiecībā uz personām, kuras iespējams veikušas vai atbalstījušas organizatoriski, finansiāli vai kā citādi terora aktu. Jēdziens "taisnīga apiešanās" ir ļoti plašs. ANO Konvencijas pret spīdzināšanu un citiem nežēlīgas, necilvēcīgas vai pazemojošas izturēšanās vai sodīšanas veidiem 3. pants nosaka, ka neviena dalībvalsts nedrīkst izsūtīt, nosūtīt atpakaļ vai izdot kādu personu citai valstij, jāpastāv pamatots iemesls uzskatīt, ka šai personai var draudēt spīdzināšana.¹⁶

Eiropas Padomes Ministru Komiteja 2002. gada jūlijā pieņēma Vadlīnijas cilvēktiesību ievērošanai un cīņai pret terorismu un aicināja dalībvalstis nodrošināt, lai tās būtu plaši izplatītas visu to iestāžu vidū, kuras ir atbildīgas par cīņu pret terorismu". Devītā panta 2. punktā noteikts, ka personai, kura apsūdzēta teroristiskās darbībās, piemērojama nevainīguma prezumpcija. Ikvienu apsūdzēto uzskata par nevainīgu, kamēr vaina nav pierādīta saskaņā ar likumu. Ikvienam apsūdzētajam tiek garantētas tiesības uz aizstāvību.¹⁷

Autore, apzinot aktualitātes judikatūrā, pievērsa uzmanību Tieslietu ministrijas sagatavotajam apskatam par Eiropas Cilvēktiesību Tiesas (ECT) spriedumiem. Tā, piemēram, ECT spriedumu apskatā ietvertais 2017. gada 4. aprīļa spriedums lietā *C-544/15 Sahar Fahimian pret Bundesrepublik Deutschland*¹⁸, kur ECT interpretēja Direktīvu 2004/114, nosakot dalībvalsts novērtējuma brīvības

robežas, saņemot studenta vīzas pieteikumu no trešās valsts pilsoņa, un vērtēja viņa iespējamus draudus valsts drošībai. Lietā konstatēts, ka Irānas valstspiederīgā pēc maģistra grāda iegūšanas informācijas tehnoloģijās Vācijas vēstniecībā Teherānā iesniedza vīzas pieteikumu, lai studētu doktorantūrā, veicot izpēti projektu, kura mērķis ir atrast jaunus aizsardzības mehānismus viedtālruniņiem. Vīza tika noraidīta, pamatojoties uz draudiem valsts drošībai, proti, ka zināšanas, kuras persona iegūtu, varētu tikt ļaunprātīgi izmantotas viņas izcelsmes valstī, kā arī universitāte, kuru persona absolvējusi, ir iesaistīta dažādās militārās aktivitātēs Irānā un iekļauta sarakstā ar struktūrām, kas sniedz atbalstu Irānas valdībai. ECT atgādināja ES mērķi veicināt to, lai Eiropu padarītu par studiju un profesionālās apmācības pasaules augsta līmeņa centru. Kā arī ECT norādīja, ka valsts drošības vārdā pieņemtajam pasākumam būtu jābūt pamatotam tikai ar attiecīgās personas personisko rīcību un šī rīcība radītu reālu, faktisku un pietiekami nopietnu apdraudējumu sabiedrības pamata interesēm. Proti, dalībvalstij ir jāveic katras situācijas individuāls izvērtējums, tomēr tai pastāv plaša novērtējuma brīvība pieņemt lēmumu attiecībā uz vīzas izsniegšanu, lai novērstu arī potenciālus draudus. Konkrētajā lietā ECT atteikumu personai studēt doktorantūrā atzina par pamatotu. Minētais spriedumu analizēja arī Latvijas zinātnieki un speciālisti (piemēram, V. Soņeca un E. Petrocka-Petrovska).¹⁹

Secinājumi

Ja pirms gadiem desmit varēja uzskatīt, ka terorisms ir lokāla un ar laiku izzūdoša parādība, tad mūsdienā apstākļos nākas atzīt, ko notikusi terorisma globalizācija. Vēl tikai nesen teroristisko aktivitāšu epicentrs pārvietojās no reģiona uz reģionu, ikreiz paliekot mazāk vai vairāk lokāls savā izplatībā. Šobrīd ir vieglāk nosaukt valstis, kur šī fenomena nav, nekā tās, kurās tas nav pārvērties par nopietnu problēmu.

Autore secina, ka Latvijā nav izveidojusies plaša tiesu prakse Krimināllikuma IX.¹ nodaļas normu piemērošanā, tāpēc šīs normas piemērošanas un kvalifikācijas apsvērumiem ir juridiski teorētisks raksturs. Taču, ņemot vērā terorisma globālo raksturu, svarīga ir drošības situācija Latvijas kaimiņvalstīs, kas arī var ietekmēt Latvijas valsts un iedzīvotāju drošību.

Atsauces

- ¹ Plāno kriminalizēt ar terorismu saistītus noziedzīgus nodarījumus. <https://lvportals.lv/skaidrojumi/290133-plano-kriminalizet-ar-terorismu-saistitus-noziedzigus-nodarijumus-2017> (skatīts 2019. gada 17. maijā).
- ² Plāno kriminalizēt ar terorismu saistītus noziedzīgus nodarījumus. <https://lvportals.lv/skaidrojumi/290133-plano-kriminalizet-ar-terorismu-saistitus-noziedzigus-nodarijumus-2017> (skatīts 2019. gada 18. maijā).
- ³ Terorisms Eiropas Savienībā: uzbrukumi, bojāgājušie un aresti. <http://www.europarl.europa.eu/news/lv/headlines/security/20180703STO07125/terorisms-eiropas-savieniba-uzbrukumi-bojagajusie-un-aresti> (skatīts 2019. gada 18. maijā).
- ⁴ Vēstures enciklopēdiskā vārdnīca. <http://vesture.eu/index.php/Terrorisms> (skatīts 2019. gada 10. maijā).
- ⁵ Turpat (skatīts 2019. gada 10. maijā).
- ⁶ Juridisko terminu vārdnīca (2009). Rīga: Multineo. 342. lpp.
- ⁷ Voins, V. Terorisma novēršanas un apkarošanas teorētiskās un praktiskās problēmas Latvijas Republikā un Eiropas Savienībā. https://www.rsu.lv/sites/default/files/dissertations/Valdis_Voins_kopsavilkums_rev.pdf (skatīts 2019. gada 10. maijā).
- ⁸ Valsts drošības dienesta pārskats par dienesta darbību 2018. gadā. <https://vdd.gov.lv/lv/noderigi/publikacijas/valsts-drosibas-dienests-publice-parskatu-par-dienesta-darbibu-2018.-gada.art129> (skatīts 2019. gada 17. maijā).
- ⁹ Krastiņš, U., Liholaja, V. Krimināllikuma komentāri. Otrā daļa. Rīga: Tiesu Namu aģentūra. 2018.
- ¹⁰ Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību: Latvijas Republikas likums, 1998. gada 3. decembris. Latvijas Vēstnesis, 331/332 (1392/1393), 04.11.1998.
- ¹¹ Turpat.
- ¹² Treļš, Ē. Publiskā aicinājuma uz terorismu krimināltiesiskais regulējums, un tā piemērošanas teorētiskās un praktiskās problēmas. http://www.trels.lv/publikacijas_15.html (skatīts 2019. gada 17. maijā).
- ¹³ Baumanis, J. Kriminālprocesuālā pierādīšanas standarta tiesiskie, terminoloģiskie, psiholoģiskie un filozofiskie aspekti. Jurista Vārds, 18.09.2018., Nr. 38 (1044), 28.–31. lpp.
- ¹⁴ Blese, D. Terorisms un tā kvalifikācija starptautisko tiesību aspektā. Jurista vārds. 19.01.2010. Nr. 3.
- ¹⁵ Treļš, Ē. Publiskā aicinājuma uz terorismu krimināltiesiskais regulējums, un tā piemērošanas teorētiskās un praktiskās problēmas http://www.trels.lv/publikacijas_15.html (skatīts 2019. gada 17. maijā).

- ¹⁶ Konvencija pret spīdzināšanu un citiem nežēlīgas, necilvēcīgas vai pazemojošas izturēšanas vai sodīšanas veidiem. Latvijas Vēstnesis, 135(4533), 30.08.2011.
- ¹⁷ Eiropas Savienības Pamattiesību Harta. Eiropas Savienības Oficiālais Vēstnesis, 2012/C 326/02.
- ¹⁸ 2017. gada 4. aprīļa Eiropas Cilvēktiesību tiesas spriedums lietā C-544/15 *Sahar Fahimian pret Bundesrepublik Deutschland*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/LV/TXT/?uri=CELEX%3A62015CJ0544>.
- ¹⁹ Soņeca, V., Petrocka-Petrovska, E. Eiropas Savienības Tiesa: aktualitātes judikatūrā. Jurista Vārds, 24.10.2017., Nr. 44 (998), 22.–27. lpp.

ADMINISTRATĪVO TIESĪBU APAKŠNOZARE

HONOUR* OF THE SOLDIER

Iveta Golta,

Doctoral degree candidate,

guest lecturer, lawyer, Faculty of Law, Turība University, Latvia

E-mail: igolta @ inbox.lv

Abstract

In the Republic of Latvia, a soldier performs public service in the field of national defence and his/her legal status is a right guaranteed by the state, statutory duties, restrictions, and disciplinary liability, which are currently regulated by military law, administrative law and administrative procedure law. In addition to the regulation of special and general legal norms, a soldier also has important and binding moral values, because in Latvia "honour" is a characteristic of a soldier, which is inextricably linked to the soldier's profession both historically and of military service.

Within the framework of the paper, the author has studied the concepts, essence, genesis and development of such values of a soldier as "honour" and "dignity", from the historical and modern point of view, both in civil life and military science. The author has also clarified their role in the legal status of a soldier and concluded that the existing legal status of a soldier should be elaborated and can be defined as a right guaranteed nowadays. Although not explicitly defined, it should be included in the legal status of a soldier as a military ethical requirement for his dignity and trust, integrity and duty in the performance by the state, statutory duties and restrictions, disciplinary liability and honor as a military ethical requirement.

Keywords: soldier's honour, soldier's legal status, soldier's values.

Introduction

A soldier is a defender¹ of the state, values determine his personality and motives for action, because values guide and develop people. A soldier needs values that guide his actions and life, values that are constant in the future and support the soldier's pursuit of perfection and the highest goals in life. A soldier's values are self-denial, courage, justice, dignity, trustworthiness and love, and a soldier's value, such as respect towards others forms the basis for trust among soldiers, and respect for each other means judging them fairly, regardless of status, faith, race or gender².

Military law researcher V. Lubgans (Lubgāns) points out that in Latvia a soldier, unlike other citizens, has increased legal responsibility and is subjected to extremely high demands of military service³ and, in the author's opinion, the soldier is undoubtedly an honorary man [Low German *gode lude, gude lude*], which meant a person whose honor as a citizen was not violated or undermined, and, as it is clear from ancient and medieval law, only such people were considered to be full subjects of law who, with a simple honor or oath in court, could dispel any suspicion and even offence in a crime⁴.

Foreign law researcher S. Gibson emphasizes that of all the values of the army, it is honor that embodies everything else and explains that honor is the demonstration and prevalence of the values of dignity, duty, loyalty, selfless service, integrity, and personal courage in everything a soldier does according to the army⁵.

In the Republic of Latvia, a soldier performs public service in the field of national defence and its legal status is a right guaranteed by the state, the duties, restrictions, and disciplinary liability⁶ determined by law and today a soldier's disciplinary liability is regulated by military law, administrative law and administrative procedure. In addition to the regulation of special and general

---

* British spelling of the term "honour" has been used in the paper (editor's note).

legal norms, the soldier also has important and binding moral values, and this is confirmed by the motto of the National Armed Forces "Honour to serve Latvia!", which protects families, the nation and state from aggression⁷, therefore, in the author's opinion, it is important to study the concept, essence, genesis and development of values of a soldier, such as "honour" and "dignity", from the historical and modern point of view, in civilian life and military science, ascertaining their role in the legal status of a soldier.

The theme is topical because the theoretical and legal aspects of military law, including moral values have not been studied in Latvian legal science since the restoration and development of the National Armed Forces (NAF). Regarding the soldier's disciplinary liability, its specifics and impact on the soldier's legal status, it must be acknowledged that it has not been practically in the scope of research of Latvia's legal scholars and, therefore the paper can be considered as an in-depth continuation of the research process already undertaken by the author within the framework of her doctoral thesis "Soldier's disciplinary liability", and also the Swedish war papers researching the concept and essence of a soldier and his legal status and the specifics of proceedings of a soldier's military discipline violation or military service investigation in theory and practice as well.

As in Latvia nowadays, in addition to special and general legal regulations, the moral values are important and binding upon a soldier, the aim of the paper is to find a meaningful understanding of the concept of a soldier's values such as "honour" and "dignity" in civilian life and military science based on theoretical and legal analysis, both from a historical and modern point of view and at the same time clarify their role in the legal status of a soldier, on the basis of which the author could then develop scientifically based proposals for the improvement of the legal regulation of military disciplinary liability in Latvia.

In order to achieve the goal, the author will carry out the following tasks: study the value, essence, genesis and historical development of the value of a soldier, such as "honour" and "dignity", as well as their interrelationship, analyse Latvian and foreign research sources and regulatory norms, ascertaining the role of values in the legal status of a soldier, will draw conclusions.

The following research methods will be applied in the paper: *analytical research method*, to ascertain the content of the findings expressed in research sources and legal norms, including explanations and interrelations of the concepts of "honour" and "dignity", as well as their role in the legal status of a soldier; *historical research method* – to study the essence, genesis and historical development of the concepts of "dignity" and "honour", which will enable the author to both understand the content of regulations and provide descriptions of concepts in the modern context and the *comparative legal research method* to clarify specifics of regulations and the content of the findings expressed in the scientific literature both in Latvia and abroad.

1. The concept and its understanding in civil life

Nowadays, according to the Latvian legal scholar J. Neimanis (Neimanis) morality or moral norms determine the duties of human conscience and emphasizes that the observance of moral and ethical norms is of great importance in the process of creating legal norms.⁸ J. Neimanis also points out that moral norms are often included in legal norms in order to strengthen their binding nature and strengthen certain moral values at the highest level or to help the law enforcer to resolve complex ambiguous cases, observing not only technical solutions but also moral categories⁹.

One of the foreign military law researchers, D. Luban¹⁰ pointed to two approaches to military law, one represented by military lawyers and the other by civilian lawyers. He argued that military lawyers were convinced that the legal framework related to military law should be based solely on military necessity, whereas civil lawyers, in turn, believed that the key word in military law was human dignity and human rights.

The author, agreeing with D. Luban's understanding of the essential role of human dignity and human rights in military law, also in the Latvian context, focuses on the substantive explanation of soldier values such as "honour" and "dignity". The author, starting her research, bases her study on the findings of the Russian lawyer V. Kostyuk (Костюк) that in a broader sense these concepts should be understood as the state-guaranteed right to decent living conditions, decent pay for work done, as

well as the state's concern for human health and clarifying V. Kostyuk's stance emphasizes that, by guaranteeing these rights, the state promotes the free and progressive development of the individual¹¹.

"Honour", as well as "dignity", as the concept of morality, have its origins in philosophy, where the ancient Greek scientist, philosopher and one of the most influential thinkers in Western culture, Plato¹² said that death in defence of a country is not a calamity, but happiness and honour¹³.

The ancient Greek scholar and philosopher Aristotle¹⁴, who was a student of Plato, explained the concept of "honour" as an integral feature of a virtuous person and acknowledged that a person's self-consciousness is a sign of self-esteem, and honour is the greatest of external benefits and a person's self-conscious attitude towards honour is as it should be, because self-consciousness is directly expressed in a sense of honour and self-esteem, as honour and dignity are values that are vital for a person to be considered happy¹⁵.

The concept of "honour" has also been explained by the 18th century Italian lawyer C. Beccaria, saying that the honour belongs to the set of words that have served as the basis for brilliant discussions, but which unfortunately did not give a clear understanding of the subject¹⁶, and he also acknowledged that, unfortunately, less socially important notions of distant celestial bodies were more important than the most important moral concepts, such as honour.¹⁷ C. Beccaria admitted that "honour" consists of a large number of elements that interact in a way similar to algebraic formulas, but all were based on each individual's personality in the context of public opinion in their respective societies¹⁸.

The 18th century philosopher and thinker I. Kant¹⁹ believed that all things have either a price or dignity and explains that dignity always applies only to individuals, and never to things. Dignity was considered an intrinsic value by I. Kant, pointing out that only morality and humanity have dignity and in Kant's view moral law demands dignity²⁰, but dignity is a tribute [*Tribut*] that cannot be denied merit whether a person wants it or not and in the expression of dignity a person may be outwardly restrained, but internally he irresistibly feels it²¹.

The 18th century German philosopher A. Schopenhauer believed that honour is the view of the community of the value of the human virtue and the person felt awe when faced with such opinion. Schopenhauer acknowledged that the honour is a virtue that everyone aspires and described honour as a public assessment because it depends on the standards of society about what is or is not good, and moreover honour as a virtue has to be constantly maintained; it is granted as a merit, and it is very important not to lose it²².

The 19th century German professor J. Ekstein assigned the term "honour" two basic characteristics: an extrinsic honour or a person's recognition, respect, and the intrinsic honour as realization of honour. In addition, intrinsic honour is fully isolated from the extrinsic honour, because it absolutely not dependent on the public opinion²³.

Several theories have also been developed to understand the concepts of "honour" and "dignity" in the 19th century and the Russian law scholar and professor N. Rozin (Розин)²⁴ of Tomsk University comparing them, pointed out that Walter's theory emphasizes that honour is a state of inviolable legal dignity²⁵, but in Buri's theory, honour consists of the degree of inner dignity that society demands from the individual²⁶.

In the twentieth century, the connection between "honour" and "dignity" is pointed out by the Russian criminal law and criminology scholar, professor, Dr. iur. J. Noi (Ной), who believed that the concept of morality includes an assessment of human action, from which it follows that honour should be understood as a person's dignity determined by society depending on how a person fulfils the moral norms binding on him and how the individual harmonizes his behaviour with these²⁷ and it is J. Noi's explanation of the concept of Honour, which is according to the author the most accurate and comprehensive definition of the concept of honour in the context of military disciplinary liability in Latvia today. Moreover, it is fully consistent with the findings from a historical point of view, when Lieutenant Colonel Linde once explained that it is morality that regulates a person's inner life, determining his behavioural motives and influencing a person's external behaviour only to the extent permitted by one's inner life, and moral authority is internal, because people are forced by their own conscience and conviction to fulfil moral norms²⁸.

The notion that “honour” as a public assessment of a person is also prevalent in the modern doctrine of Latvian law. Professor of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, University of Latvia Dr. iur. V. Liholaja²⁹ defines honour as the society’s assessment of a personality, the measure of which is the individual's own behaviour, as well as his or her attitude towards social and spiritual values, society and fellow human beings. Associate professor of the Baltic International Academy Dr. iur. D. Mezulis (Mežulis) emphasizes that honour presupposes the external recognition and assessment of an individual and differentiates a person according to his merits and social status, and honour is related to the results and success of human effort as well³⁰.

Regarding the clarification of the concept “honour” in the modern-day context, it should be acknowledged that the understanding is not as unambiguous as well. For example, the Russian lawyer S. Lipatova (Липатова) points out that the human right to dignity is the goal of all other fundamental human rights and therefore the source of all rights and freedoms³¹, whereas Dr. iur. Professor D. Mezulis defines dignity as the moral equality of all people and as the highest recognition of a person’s moral virtue³².

Today, the honour and dignity of the person are constitutionally protected rights and Dr. iur. Professor S. Osipova, analysing the principle of human dignity in the context of bioethics, which is also the protection of the quality of human life, points to the finding of the Constitutional Court³³ that human dignity and the value of each individual are the essence of human rights and therefore in a democratic state governed by the rule of law both the legislator, when adopting legal norms, and the law enforcer when applying the legal norms, must respect human dignity; moreover, human dignity is the highest virtue of a democratic state governed by the rule of law³⁴. S. Osipova also admits that the essence of human being in all its nuances is legally protected by the concept of human dignity³⁵.

Honour is crucial to the success of any organization and is an important component of enhancing the implementation of its mission. When you come to work, by focusing on the key goals and increasing the well-being of all the people you work with and serve, you are showing honour and setting an example, and it is important that people show honour by doing the honourable thing, even when no one is present and watching. Moreover, always strive to act properly as doing so creates a good reputation that allows people around you to trust you³⁶ and the author fully agrees to the mentioned above.

2. The concept and its understanding in military science

The concept of "honour" in military science needs special analysis because, as Hobbes once wrote, peace and security, which civil society considers to be of paramount benefit, requires military personnel which is only possible based on the willingness to sacrifice oneself for the safety of others and essentially with regard to the armed forces, moral autonomy in modern ideology and human economic views has not diminished³⁷.

Command Sergeant. Major Keith West, command sergeant major of Yuma Proving Ground (YPG) said that every day he wakes up, whether in uniform or civilian clothes, his actions and the way in which he behaves himself in military or civil society are always oriented towards and focused on his duty and obligation to respect the military profession³⁸.

The author, studying the findings in foreign literature on the concept of honour and its significance in the military profession, agrees that if a person is considered honourable, people trust the information they provide and their actions, and honour helps to determine who you are and at the same time also serves as a roadmap for both human development and character. Minerva Peters, chief, Continuous Process Improvement at YPG has remarked that honour determines the virtue of each person to others. In her opinion, honour is also a commitment or the undertaking to defend what a person says and does, and it is simply the necessity of doing the right thing without waiting for reward or praise³⁹.

The concept of honour is impressive. It is one of the most complex terms in English, which includes several levels of meaning, rich in moral connotations and emotional adjuncts, and honour in its various forms is the core essence of soldiers. The "honour" cited in Westpoint's motto "Duty,

Honour, Country" requires a high standard of internal conduct, and is a facet of personal and ethical honour, which means honesty and courage in a military environment⁴⁰.

The author, in her search for the understanding and role of military honour in antiquity, shows that the opinion that courage needs reward was mainly found among the Romans. While the Greeks mainly debated the ideal depth of their phalanxes, the Romans turned to the question of what makes men fight, and they not only saw something noble in the desire for honour and fame that never dies, but also gave it an important function in war. The Romans thought that no one would risk their lives or give up their interests for a higher cause unless they could gain honour. This view encountered not only in the works of Roman historians, but also in the works of Roman philosophers, such as Marcus Tullius Cicero, the best-known and most sophisticated representative of the honorary ethics of Rome.⁴¹

Aristotle defined courage as the right attitude in relation to conviction and fear in pursuit of a morally justified goal. Aristotle's view is still relevant today, because the military depends on the willingness to sacrifice and accept losses for morally justified causes, such as defending one's country⁴².

In 1789–1815 in France in addition to the transition to the *esprit de corps* or the spirit of pride and mutual loyalty shared by the members of a group to gain success⁴³, the Honour in the Army required placing more emphasis on the personal interests of both officers and soldiers, in any case, personal interests are considered to be a permanent factor of survival, but here it meant the desire to gain benefits and status. The grant of honour and military awards, which is necessary for this, involves a complex appeal to personal interests through a system of regulatory compliance and is in some respects not just personal as in order for an individual to appreciate them, they must belong to a specific community and share common values⁴⁴.

On March 16, 1802, the U.S. Congress passed an act establishing the Westpoint Military Academy⁴⁵, whose credo was "Duty, Honour, Country," and its Code of Honour defines that a cadet will not lie, cheat, steal, or tolerate those who do. At Westpoint, honour is synonymous with integrity and the cadet abides by the code because he accepts it and not because he is worried about what others might think of him if he violates it.⁴⁶

The author points out that the dictionary now defines a code of honour as "general rules recognized by a particular profession" and that in the military profession these rules are of particular importance in terms of courage and trust. In addition, the honour of a soldier also includes the qualities required of any honourable person, and these additional qualities include dignity and integrity⁴⁷. Honour is a characteristic of a soldier, and in general, his overall reaction to the demands of duty and honour can be considered as the sum of the soldier's courage, trust, dignity and integrity, given that honour is an internal flame that nourishes and maintains the soldier's external behaviour and attitude, allowing him to act boldly when courage is needed, and always to show his best readiness and determination⁴⁸.

But what if this ideal of sacrificing for abstract goals such as freedom and human rights proves excessive? Although traditional military ethics emphasize the importance of courage, some authors point out that in the Western world, the sense of community has diminished and the willingness to sacrifice is relatively low (MacIntyre, 1981)⁴⁹.

According to the author, this finding is exactly in line with modern ideals and their interaction with disciplinary practice, where the German Federal Administrative Court ruled in the case of a naval officer no. BVerwG 2 WD 14.02. that the higher the officer's position, the higher the moral standards required for his dignity and trust, integrity and duty, while also pointing out the problems identified in the case, respectively, that lower officers do not take the initiative to inform the management of violations by senior officers because they are afraid of possible consequences, and it is not always possible to gather sufficient or irrefutable evidence of violations⁵⁰.

Going back in history, it can be seen that human rights have often depended on belonging to a particular stratum, class or order, and, for example, in the context of disciplinary liability, it can be seen that according to the "Provisional Regulations on Latvian Military Courts" Russian military laws, as they were in force, were adopted in Latvia until February 1, 1917, and on the basis of the

regulations, the XXIII edition "Disciplinary Regulations" of collection of Russian military laws were also in force, where some of the provisions of the current disciplinary rules existed only formally because they were not in line with our military system at the time⁵¹, moreover, the author states that the existence of special norms such as the protection of honour and dignity already existed in the 1903 Penal Law⁵².

Later, on March 16, 1931, the "Law on the Officer's Honour Courts"⁵³ was proclaimed (the honour court was a public institution established in a collective of a militarized formation to which, after the decision of the commander or chief on its formation, a disciplinary violation or an offense committed by a member of this collective that violates the honour of a military formation may be referred to so as to influence collectively⁵⁴). The Article 1 provided that honorary courts exist to protect the dignity and honour of officers, and the stipulations of Article 2 regulated the jurisdiction of the honorary court in a manner that it did not hear cases for disciplinary offenses and offenses covered by the Penal Code, except where the charge against an officer indicated his conduct which was incompatible with the honour and dignity of officers from a military ethical point of view. Article 7 provided that the courts of honour shall be divided into: the lower court of honour for officers up to and including the rank of captain, and for colonels and lieutenant colonels who have not been granted the authority of a commander of a separate unit and the higher court of honour for colonels and lieutenant colonels with the rights of the commander of a separate unit, generals, and admirals. Under Article 19, a charge statement had to be made before the case was heard by an honorary court, requesting explanations from the accused and Article 22 stipulated that after reviewing the statement, the person in charge of the court of honour had to decide whether the perpetrator should be transferred to the court of honour or not and in case of the transfer of jurisdiction the case was referred to the chairperson of the court of honour for further action. If someone was handed over to the court of honour, the person was shown the charge statement and the person had the right to request the Chairperson of the Court to call upon new witnesses, request documents and gather testimonials and if the honour court found the request to be significant, it granted the request, but otherwise drew up a decision stating the reasons for the rejection in accordance with Article 24. Article 28 provided that the activities of the court of honour shall include the examination of all information gathered in the case, the summoning of the accused himself to the court, the hearing of his explanations, the examination of witnesses and the examination of other evidence provided by the accused. The accused, on the basis of Article 30, could ask the court to dismiss one of the members of the court, clearly stating the grounds for the rejection, submitting or presenting evidence to support such a request. Similarly judges could also request that they be excused from hearing the case. The judgment of the Honour Court made in accordance with Article 36 and signed by its Chairperson and members, was to be immediately pronounced to the accused and, on the same day, all annexes and a report signed by the Chairperson should be handed over to the officer who had ordered the court to be convened. The officers who have been sentenced to dismissal or transfer to another part of the army shall have the right, within three days from the date of pronouncement of the judgment to file a complaint with the Officer under whose jurisdiction the Honour Court was established, regarding a violation of court rules, as provided for in Article 37 and, and, in accordance with Article 39, when appealing on the merits of a judgment of the lower court of honour (Article 34), the convicted person had to appeal within three days of the judgment to the Officer to whom the court of honour was subordinated who, in turn, immediately had to submit a complaint to the Minister of War for transfer to a higher court of honour, whose decision was final, and could be revoked only in the cases referred to in Article 37 by the Minister of War. If the judgment on the dismissal of the guilty officer had come into force, the superior in charge of the court of honour shall propose to the offender that he or she resign, in accordance with Article 40. The "Law on the Officer's Honour Courts" was repealed as of 16th March 1931 from the Chapter XIV of 23rd edition of the Collection of Russian military laws.

Continuing the historical deviation in the Latvian context, the author also found out that on October 16, 1921, a new commission of fifteen people was established to draft a new Penal Law of the Republic of Latvia. The composition of the commission changed several times with only P. Jacob

and Professor P. Mincs (1868–1941) working without interruption⁵⁵, and the draft was examined several times. This law entered into force on 1 August 1933⁵⁶ at the same time as the Disciplinary Penalty Act, which applied to persons in the service of the state, state autonomous enterprises and local governments, who committed service violations within the country or abroad⁵⁷, which contained a total of 28 articles, from which it followed that the substantive part of that law was to be regarded as a continuation of the Penal Code, since the two codes had been harmonized, and therefore, in cases involving service violations, the court could, if necessary, switch from criminal to disciplinary rules⁵⁸. Prosecutor T. Udris (Ūdris) also commented on the Penal Law at the time, pointing out that Latvia's first national penal law, being in many ways a peculiar fruit of labour of Latvian legislation borrowed the articles of its first chapter on "the limits of application of the Penal Law" (Articles 4-12) largely in a unchanged form from the former Russian Penal Law of 1903, which had been in force for the whole of Latvia from December 6, 1918 until August 1, 1933. T. Udris pointed out that the most important norm in this principal sense is Article 4 of the law, which determined that the sanction of the Latvian Penal Law is equally applicable to all criminal offenses committed in the territory of Latvia, from which it stemmed that the penal law was based on the territorial principle of punishment⁵⁹.

In 1934, the Penal Law was issued with detailed comments and motives of the legislation, stating that Articles 508–518 of Chapter Thirty-Two of the Penal Law⁶⁰ regulated "Defamation" (defamation is the humiliation of a person's honour and self-esteem by treating him or her inappropriately, despising his or her feelings of self-esteem, which may be expressed orally, in writing or by actions⁶¹), which, as Professor P. Mincs, acknowledged, is the most abstract of the violations of individual rights, because the benefit against which it is directed is abstract and the object of the criminal offense here is usually called "honour"⁶², which is a virtue in the eyes of others («*der Verkehrskurs des Menschen*», «*Verkehrswert*»)⁶³, moreover, Article 54 of the Penal Law determined the necessity to determine guilt, for example, minors between the ages of twelve and eighteen who were found guilty of a criminal offense⁶⁴ were subject to special rules, such as being reprimanded by issuing a warning instead of arrest or a fine; or being placed in an institution of upbringing or correction instead of all other sentences of imprisonment.

The Article 3 of the Council of Europe Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 4 November 1950⁶⁵ provided that no person shall be subjected to torture or to cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, and Article 10 provides for the individual's right to freedom of expression with the restriction of this right to protect the dignity of other individuals.

Other international instruments, such as Article 12 of the Universal Declaration of Human Rights, adopted by the UN General Assembly on 10 December 1948, included a prohibition on endangering human dignity and reputation.⁶⁶, and Article 17 of the International Covenant on Civil and Political Rights⁶⁷, adopted by the UN General Assembly on 16 December 1966, provided that no one shall be subjected to arbitrary or unlawful interference with his privacy, family, home or correspondence, nor to attacks upon his honour and reputation.

Article 95 of the Constitution of the Republic⁶⁸ stipulates that the state protects human honour and dignity, but the introduction to its comments indicates both that a person's normal existence cannot take place without respect for his or her personality or with unworthy treatment and that Article 95 declares the state's determination to protect a person's honour and dignity⁶⁹, and that in Latvian case law, honour is understood as the public evaluation of a person that has developed as a result of a person's activities, and dignity - the reflection of a person's public evaluation in his or her own consciousness, i.e. self-assessment⁷⁰, which implies that the notion of "honour" rather than "dignity", should be the component element of a soldier's legal status thereby elaborating it.

Conclusions

1. In Latvia, "honour" is a characteristic of a soldier - it is inextricably linked to the profession of a soldier and both historically and nowadays, although not directly defined, "honour" is

included in the legal status of a soldier as a military ethical requirement for his dignity and trust, integrity and a sense of duty in military service.

2. The legal status of a soldier may be defined as a right guaranteed by the state, statutory duties and restrictions, disciplinary liability and honour, as a military ethical requirement.

References

- ¹ Militārā dienesta likums. Pieņemts 30.05.2002. Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 91, 18.06.2002. Pēdējie grozījumi 03.10.2019., 12. panta pirmā daļa.
- ² Karavīra vērtības un standarti. Skatīts 19.01.2021.: <https://www.mil.lv/lv/aktivais-dienests/dienesta-gaita/karavira-vertibas-un-standarti>.
- ³ Lubgāns, V. (2003). Militāro tiesību jēdziens un tiesību avoti. *Jurista Vārds*, Nr. 24 (282), 1., 4.–5. lpp.
- ⁴ *Valsts un tiesību vēsture jēdzienos un terminos*. (2001). Valters, P. (sast.). 2. papildin. izd. Rīga: Divergens, 6. lpp.
- ⁵ Gibson, S. (2013). The code of honor; know it, embrace it. Viewer 15.05.2020.: https://www.army.mil/article/98038/the_code_of_honor_know_it_embrace_it
- ⁶ Golta, I. (2016). Karavīra un tā tiesiskā statusa jēdziens un būtība. *Biznesa augstskolas Turība rakstu krājums. XVII starptautiskā zinātniskā konference „Konkurētspējīgi uzņēmumi konkurētspējīgā valstī”*, 71.–80. lpp.
- ⁷ Nacionālie Bruņotie spēki. Sastāvs. Skatīts 10.04.2020.: <https://www.mil.lv/lv/par-mums/par-nbs/sastavs>.
- ⁸ Neimanis, J. (2004). *Ievads tiesībās*. Rīga, 42.–43. lpp.
- ⁹ Turpat, 44. lpp.
- ¹⁰ Luban, D. (2013). Military necessity and the cultures of military law armed forces. *Leiden Journal of International Law*, pp. 315–349. DOI:10.1017/S092215651300006X.
- ¹¹ Костюк, В. (2002). *Нематериальные блага. Защита чести достоинства и деловой репутации*. Москва: Лекс-Книга, С. 296.
- ¹² Rotkale, L. (2020). *Platons*. Skatīts 25.10.2020.: <https://enciklopedija.lv/skirklis/38225-Platons>.
- ¹³ *Valsts. Platons* (1982). Rīga: Zvaigzne, 71. lpp.
- ¹⁴ Rotkale, L. (2020). *Aristotelis*. Skatīts 25.10.2020.: <https://enciklopedija.lv/skirklis/36361-Aristotelis>.
- ¹⁵ Aristotelis (1985). *Nikomaha Ētika*. Rīga: Zvaigzne, 87.-89. lpp.
- ¹⁶ Беккария, Ч. (2000). *О преступлениях и наказаниях*. Москва: Международные отношения, С. 61.
- ¹⁷ Turpat, 61. lpp.
- ¹⁸ Turpat, 62. lpp.
- ¹⁹ Kants, I. Skatīts 07.03.2020.: http://vesture.eu/Kants_Imanuels.
- ²⁰ Kants, I. (1988). *Praktiskā prāta kritika*. Rīga: Zvaigzne, 102. lpp.
- ²¹ Turpat, 103. lpp.
- ²² Šopenhauers, A. (2006). *Cēlinieks. Aforismi*. Rīga: Zvaigzne ABC, 8. lpp.
- ²³ Экштейн, И. (2016). *Честь в философии и в праве*. Москва: Ленанд, С. 9–23.
- ²⁴ Коллектив авторов (2009). *Правовая наука и юридическая идеология России*. Сырых, В. М. (Отв. ред.). Москва: РАП, С. 617.
- ²⁵ Розин, Н. И. (1910). *Оглавление книги: Об оскорблении чести: Уголовно-юридическое исследование. Общая часть. Оспорение*. 2-е изд., Томск: Т-во "Печатня С. П. Яковлева", С. 21.
- ²⁶ Turpat.
- ²⁷ Ной, И. С. (1959). *Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве*. Саратов: Издательство Саратовского университета, С. 5.
- ²⁸ Linde, A. (1926). *Kaŗa sodu un kaŗa tiesu likumi*. Rīga: Armijas spiestuve, 112. lpp.
- ²⁹ Liholaja, V. (1999). *Krimināllikuma komentāri. Sevišķā daļa*. 4. grāmata. Rīga: AFS, 100. lpp.
- ³⁰ Mežulis, D. (2001). *Personas krimināltiesiskā aizsardzība: slepkavība, izvarošana, draudi un citi noziegumi pret personu*. Rīga: Zvaigzne ABC, 298. lpp.
- ³¹ Липатова, С. Понятие чести и достоинства в Российском праве. Skatīts 10.12.2019.: <https://www.dissercat.com/content/zashchita-konstitutsionnykh-prav-cheloveka-na-chest-i-dostoinstvo-ot-posyagatelstv-v-kompyut>
- ³² Mežulis, D. (2001). *Personas krimināltiesiskā aizsardzība: slepkavība, izvarošana, draudi un citi noziegumi pret personu*. Rīga: Zvaigzne ABC, 298. lpp.
- ³³ Latvijas Republikas Satversmes tiesa, 2017-02-03, 2017, 19.1. punkts.
- ³⁴ Latvijas Republikas Satversmes tiesa, 2017-02-03, 2017, 19.3. punkts.
- ³⁵ Osipova, S. (2019). Bioētikas diskurss Latvijas Republikas Satversmes tiesas judikatūrā. *Jurista Vārds*, Nr. 32 (1090), 11. lpp.
- ³⁶ Gibson, S. (2013). The code of honor; know it, embrace it. Viewer 15.05.2020.: https://www.army.mil/article/98038/the_code_of_honor_know_it_embrace_it.
- ³⁷ Olsthoorn, P. (2005). Honor as a Motive for Making Sacrifices. *Journal of Military Ethics*, 4(3), p. 190.

- ³⁸ Gibson, S. (2013). The code of honor; know it, embrace it. Viewer 15.05.2020.: https://www.army.mil/article/98038/the_code_of_honor_know_it_embrace_it.
- ³⁹ Turpat.
- ⁴⁰ Lynn, J. A. (1989). Toward an Army of Honor: The Moral Evolution of the French Army, 1789–1815. *French Historical Studies*, 16(1), p. 153.
- ⁴¹ Olsthoorn, P. (2005). Honor as a Motive for Making Sacrifices. *Journal of Military Ethics*, 4(3), p. 185.
- ⁴² Turpat, p. 183.
- ⁴³ Esprit de corps. Skatīts 19.05.2020.: <https://www.vocabulary.com/dictionary/esprit%20de%20corps>.
- ⁴⁴ Lynn, J. A. (1989). Toward an Army of Honor: The Moral Evolution of the French Army, 1789–1815. *French Historical Studies*, 16(1), p. 166.
- ⁴⁵ Krops, J. (2015). Vestpointas militārās akadēmijas izveide. Skatīts 19.05.2020.: <https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/sii-dienavesture/16.-marts.-vestpointas-militaras-akademijas-izveide.a49490/>.
- ⁴⁶ Olsthoorn, P. (2005). Honor as a Motive for Making Sacrifices. *Journal of Military Ethics*, 4(3), p. 184.
- ⁴⁷ Department of the Army, U. S. (1963). *A soldier's honor*, 200th-214th ed., Vol. 355., p.2.
- ⁴⁸ Turpat, p. 5.
- ⁴⁹ Olsthoorn, P. (2005). Honor as a Motive for Making Sacrifices. *Journal of Military Ethics*, 4(3), p. 183.
- ⁵⁰ Vācijas Federālās administratīvās tiesas BVerwG 2 WD 14.02.2002. spriedums.
- ⁵¹ Linde, A. (1922). *Disciplinārais reglaments*. Rīga: E. Pīpiņa, J. Upmaņa drukātava, 2. lpp.
- ⁵² Hamkova, D. (2003). Kā sargāt valsts amatpersonu godu un cieņu. *Jurista Vārds*, Nr. 6 (264), 6.–7. lpp.
- ⁵³ Likums par virsnieka goda tiesām. Pieņemts 1931. gada 6. martā. Publicēts: Valdības Vēstnesis. 16.03.1931. Nr. 60.
- ⁵⁴ Dubure, V., Fogels, A., Fridrihsons, I., Indulēns, G., Krastiņš, I. u. c. (1998). *Juridisko terminu vārdnīca*. Rīga: Nordik, 76. lpp.
- ⁵⁵ *Tieslietu ministrijas un tiesu vēsture. 1918–1938* (1939). Tieslietu ministrijas izdevums. Veitmanis, K., Meņģelsons, A. (sast.). Rīgā: Valsts Dzelzceļu Tipogrāfija, 39. lpp.
- ⁵⁶ *Sodu likums ar likumdošanas motīviem un sīkiem komentāriem, kā arī alfabētisko un citiem rādītājiem* (1934). Mincs, P., Ehlerss, H., Jakobi, P., Lauva, J. (sast.). Neoficiāls izdevums. 220. lpp.
- ⁵⁷ Turpat, 215. lpp.
- ⁵⁸ *Sodu likums ar likumdošanas motīviem un sīkiem komentāriem, kā arī alfabētisko un citiem rādītājiem* (1934). Mincs, P., Ehlerss, H., Jakobi, P., Lauva, J. (sast.). Neoficiāls izdevums. 219. lpp.
- ⁵⁹ Ūdris, T. (1920). *Tvaikoņa "Margarete" lieta. Latvijas 1933. gada sodu likumos ietvertie sodu iedarbības principi*. Tieslietu ministrijas Vēstnesis. 1939. Tieslietu ministrijas izdevums. Rīga: A. Gulbja grāmatu spiestuve, 1154.–1155. lpp.
- ⁶⁰ Turpat, 156.–159. lpp.
- ⁶¹ Dubure, V., Fogels, A., Fridrihsons, I., Indulēns, G., Krastiņš, I. u. c. (1998). *Juridisko terminu vārdnīca*. Rīga: Nordik, 76. lpp.
- ⁶² Mincs, P. (1939). *Krimināltiesības. Sevišķā daļa*. Otrs pārstrādāts un papildināts iespiedums. Rīga: Latvijas Universitāte, 286. lpp.
- ⁶³ Turpat, 287.–288. lpp.
- ⁶⁴ *Sodu likums ar likumdošanas motīviem un sīkiem komentāriem, kā arī alfabētisko un citiem rādītājiem* (1934). Mincs, P., Ehlerss, H., Jakobi, P., Lauva, J. (sast.). Neoficiāls izdevums. 54. pants, 26. lpp.
- ⁶⁵ Cilvēktiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvencija. Parakstīta Romā 04.11.1950. Latvija pievienojusies ar 04.06.1997. likumu „Par 1950. gada 4. novembra Eiropas Cilvēka tiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvenciju un tās 1., 2., 4., 7. un 11. protokolu”. Publicēts: *Latvijas Vēstnesis*, 143/144, 13.06.1997.
- ⁶⁶ ANO Vispārējā cilvēktiesību deklarācija. Skatīts 28.04.2020.: <http://www.tiesibsargs.lv/lv/pages/tiesibu-akti/ano-dokumenti/ano-vispareja-cilvektiesibu-deklaracija>.
- ⁶⁷ ANO Starptautiskais pakts par pilsoniskajām un politiskajām tiesībām ar fakultatīvo protokolu. Skatīts: 28.04.2020.: <http://www.tiesibsargs.lv/lv/pages/tiesibu-akti/ano-dokumenti/ano-starptautiskais-pakts-par-pilsoniskajam-un-politiskajam-tiesibam-ar-fakultativo-protokolu-pienem>.
- ⁶⁸ Latvijas Republikas Satversme. Pieņemts 15.02.1922. Publicēts: *Latvijas Vēstnesis*, 43, 01.07.1993. Pēdējie grozījumi 04.10.2018., 95. pants.
- ⁶⁹ Autoru kolektīvs (2011). *Latvijas Republikas Satversmes komentāri. VIII nodaļa. Cilvēka pamattiesības*. Rīga: Latvijas Vēstnesis, 206. lpp.
- ⁷⁰ Turpat, 207. lpp.

Anotācija

Latvijas Republikā karavīrs pilda pienākumus valsts dienestā valsts aizsardzības jomā, un tā tiesiskais statuss ir tiesības, ko garantē valsts, likumā noteiktie pienākumi, ierobežojumi un disciplinārbildība, ko mūsdienās regulē gan militāro, gan administratīvo, gan administratīvā procesa tiesību normas. Turklāt bez speciālo un vispārējo tiesību normu regulējuma karavīram būtiskas un

saistošas ir arī morālās vērtības, jo Latvijā „gods” ir karavīra pazīme – tas ir neatraujami saistīts ar karavīra profesiju un gan vēsturiskā aspektā, gan mūsdienās, lai arī tieši nav definēts, gods ir iekļaujams karavīra tiesiskajā statusā kā militāri ētiska prasība, kas tiek izvirzīta viņa cieņai un uzticībai, godprātībai un pienākuma apziņai, pildot militāro dienestu.

Autore raksta ietvaros izpētīja tādu karavīra vērtību kā „gods” un “cieņa” jēdzienus, būtību, ģenēzi un attīstību gan no vēsturiskā, gan mūsdienu skatupunkta, gan civilajā dzīvē, gan militārajā zinātnē, noskaidroja arī to vietu karavīra tiesiskajā statusā un secināja, ka esošais karavīra tiesiskais statuss ir paplašināms un to var definēt, nosakot, ka tās ir tiesības, ko garantē valsts, likumā noteiktie pienākumi un ierobežojumi, disciplinārbildība un gods kā militāri ētiska prasība.

СОСТАВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО КВАЛИФИКАЦИИ

Зыкина Елена

кандидат юридических наук, доцент кафедры Конституционного и административного права Юридического факультета Псковского Государственного университета, Псков, Россия

E-mail: chernosliv60@mail.ru

Abstract

The administrative-legal science pays a great attention to the study of administrative offences' qualification. When analyzing any part of an administrative offence, the issues of qualification always take the lead. This paper focuses on the most controversial and at the same time practically important issues. The composition of an administrative offence is a legal basis for the qualification of an administrative offence in accordance with a specific article of the law establishing administrative responsibility.

The structure of an administrative offence is a combination of four elements: the object, the objective side, the subjective side and the subject, the presence of which is necessary and sufficient for the recognition of a socially harmful act as an administrative offence. These elements are called necessary because they must be present in any case when deciding whether to bring to administrative responsibility. In the absence of at least one of these elements, a person cannot be held administratively liable.

In this paper, the composition of an administrative offence is considered as the basis for the qualification of administrative offences. In connection with the mentioned above, the problems' study of administrative offences' qualification, necessitates the further theoretical study of issues related to its concept, purpose, and implementation.

Keywords: *qualification of an administrative offence, the principles of qualification, the composition of the administrative offence, the accuracy and completeness of the administrative offences' qualification.*

Введение

Тема статьи является актуальной, так как квалификация административного правонарушения – это административно-правовая оценка конкретного общественно вредного деяния, устанавливающая соответствие признаков совершенного деяния признакам состава административного правонарушения, предусмотренного конкретной статьей Кодекса Российской Федерации (далее – РФ) об административных правонарушениях¹ (далее – КоАП РФ) или закона субъекта РФ. Когда такое соответствие будет установлено, можно говорить о наличии административного правонарушения и о статье Особенной части КоАП РФ или закона субъекта РФ, к которой она относится. В этом и состоит цель квалификации.

Термин «квалификация» (от лат. *qualitas* – качество и *facio* – делаю) означает оценку деятельности людей в соответствии с заранее определенными критериями (с точки зрения морали, нравственности, уровня подготовленности к выполнению определенной задачи). Наиболее широкое применение этот термин получил в праве, причем в таких отраслях, как гражданское и (особенно) трудовое право, где его чаще употребляют в позитивном смысле, например, квалификация работы, под которой понимается характеристика определенного вида деятельности по ее сложности, точности, ответственности.

Квалификация работника – это степень и вид профессиональной обученности, имеющие значение для качества выполнения конкретного вида деятельности. В административном, уголовном и смежных с ними отраслях права криминального цикла (уголовном процессе, криминалистике, криминологии) термин «квалификация» применяется не просто к социальным явлениям, а к тем из них, которые в соответствии с законом могут быть отнесены к правонарушениям. Он определяет не позитивные качества человека, а вид и тяжесть

противоправного деяния, совершенного им, а значит, и уровень его общественной вредности и другие признаки, позволяющие дать юридическую оценку действий субъекта.

Цель статьи состоит в проведении исследования процесса квалификации административных правонарушений.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в связи с процессом квалификации административных правонарушений.

Предметом исследования являются некоторые актуальные проблемы квалификации административных правонарушений.

В ходе работы были применены общенаучные методы научного познания, такие как: анализ и синтез, обобщение, дедукция и индукция, а также анализ документов, законодательных и иных нормативных правовых актов, непосредственно относящихся к теме исследования.

В основе квалификации правонарушений лежат философские категории единичного конкретного и абстрактного, особенного и всеобщего, абсолютной и относительной истины. Единичное, особенное и всеобщее, как философские категории, выражают объективные связи мира и ступени их познания. В повседневной практической деятельности человека любой объект, с которым он соприкасается, выступает перед ним как единичное. Затем обнаруживается, что ряд объектов имеет повторяющиеся признаки, что позволяет их объединить в определенные классы или группы, которые по отношению к каждому из единичных объектов выступают как особенное. Другие же объекты обнаруживают черты, присущие им всем без исключения, – это всеобщее.

В этом смысле философской категории единичного отвечает понятие конкретного правонарушения. Как и всякое единичное административное правонарушение характеризуется совокупностью присущих ему признаков. В административно-юрисдикционной деятельности для исследования правонарушения из всего этого множества признаков выбираются только те, на которые прямо указывает закон.

В соответствии со ст. 26.1. КоАП РФ, по делу у об административном правонарушении выяснению подлежат:

- 1) наличие события административного правонарушения;
- 2) лицо, совершившее противоправные действия (бездействие), за которые КоАП РФ или законом субъекта РФ предусмотрена административная ответственность;
- 3) виновность лица в совершении административного правонарушения;
- 4) обстоятельства, смягчающие административную ответственность, и обстоятельства, отягчающие административную ответственность;
- 5) характер и размер ущерба, причиненного административным правонарушением;
- 6) обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении;
- 7) иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, а также причины и условия совершения административного правонарушения.²

Очевидно, что ряд обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому делу об административном правонарушении, так или иначе имеют отношение к квалификации административного правонарушения, образуя для нее фактическую основу.

Состав административного правонарушения – это совокупность предусмотренных КоАП РФ, или законами субъектов – РФ об административных правонарушениях объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно вредное деяние как административное правонарушение.³ К указанным признакам (элементам) относятся: объект и объективная сторона, субъект и субъективная сторона административного правонарушения.

Таким образом, состав – это определенная система признаков административного правонарушения. Он отражает характерные внутренние связи образующих его элементов. Особенность состава административного правонарушения заключается в том, что два абсолютно одинаковых состава существовать не могут, составы всех без исключения

административных правонарушений различаются между собой хотя бы по одному признаку, который позволяет отделить данный вид проступка от других видов либо отграничить от иных правонарушений, в том числе от преступлений. Эта юридическая конструкция имеет базовое значение для квалификации административных правонарушений, иначе говоря, является ее юридическим основанием.

Теория состава административного правонарушения позволяет определить принципы квалификации, т. е. основополагающие общие правила, которым должна быть подчинена эта деятельность каждого правоприменителя и по каждому делу об административном правонарушении независимо от его особенностей, в том числе и в первую очередь требование точности и полноты квалификации.

Точность квалификации административного правонарушения означает, что ее результаты должны быть отражены в соответствующем процессуальном документе в виде ссылки не только на статью Особенной части КоАП РФ, посвященную соответствующему виду правонарушений, но и на соответствующую ее часть, а если в этой части имеются пункты и подпункты, то и на них.

Полнота квалификации означает, что юридической оценке с позиций норм КоАП РФ подлежат:

- все без исключения деяния, совершенные физическими или юридическими лицами в их совокупности;
- если деяние содержит несколько квалифицирующих признаков, в процессуальном документе должны быть ссылки на все нормы, в которых упомянут каждый из признаков;
- если правонарушение повлекло различные вредоносные последствия и каждое из них имеет правовое значение, каждое из последствий должно быть определено, обозначено и оценено с позиции КоАП РФ или закона субъекта РФ об административных правонарушениях.

Так, например, если вмешательство в осуществление избирательной комиссией, комиссией референдума полномочий, установленных законодательством о выборах и референдумах, повлекло нарушение установленного законодательством о выборах и референдумах порядка работы избирательной комиссии, либо создание помех участию избирателей, участников референдума в голосовании, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, в формулировке квалификации данного правонарушения в обязательном порядке должны быть указаны эти последствия.

Основы квалификации административных правонарушений включают комплекс вопросов, ответы на которые призваны обеспечить юриста – правоприменителя исходными знаниями, методологией применения административного права к каждому конкретному случаю виновного совершения лицом общественно вредного и административно наказуемого деяния – административного правонарушения.

Основанием административной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава административного правонарушения, предусмотренного кодексом КоАП РФ об административных правонарушениях или законом субъекта РФ об административных правонарушениях. Для того, чтобы привлечь виновного к административной ответственности и определить меру справедливого наказания, необходимо точно установить и указать, какой административно-правовой запрет нарушен и состав какого административного правонарушения это нарушение содержит. Такая цель достигается посредством квалификации административных правонарушений.

В широком содержании данного понятия квалифицировать – означает определить, к какому типу, виду, разряду, категории принадлежит (относится) данное явление по своим качественным признакам; подвести единичное под особенное. В сфере правоотношений квалифицировать означает выбрать определенную правовую норму, закрепленную в законе правило, которое данный случай предусматривает; иначе говоря, определить, под какое правило данный случай подпадает.

Квалифицировать административное правонарушение – значит решить, под какую из числа действующих административно-правовых норм подпадает деяние, по поводу которого возбуждено дело об административном правонарушении и ведется производство, дать ему юридическую оценку с позиций КоАП РФ или закона субъекта РФ об административных правонарушениях и максимально точно указать в соответствующем процессуальном документе (протоколе об административном правонарушении, постановлении по делу об административном правонарушении и др.), где именно, в какой статье, части статьи, пункте и подпункте, если таковые в данной статье имеются, данная норма закреплена.⁴

Последствия неправильной квалификации административного правонарушения на разных стадиях производства по делу определяются по-разному. На это, в частности, указывал Пленум ВАС РФ в Постановлении от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» (п. п. 8–9).⁵

Так, в случае если заявление административного органа о привлечении к административной ответственности или протокол об административном правонарушении содержат неправильную квалификацию совершенного правонарушения, суд вправе принять решение о привлечении к административной ответственности в соответствии с надлежащей квалификацией. При этом, указанное в протоколе событие правонарушения и представленные доказательства должны быть достаточными для определения иной квалификации противоправного деяния.

Официальный характер имеет также квалификация деяния, которую, защищая и отстаивая свои законные интересы в административном судопроизводстве, высказывают стороны. Важное значение имеет легальная квалификация административных правонарушений, которая дается высшим судебным органом страны – Верховным Судом РФ, в решениях по административным делам, рассмотренным в кассационном и надзорном порядке, с опубликованием своей позиции в официальном издании – Бюллетене Верховного Суда РФ. Не будучи источником прецедентного права, которого в России нет, и не имея характера обязательного предписания нижестоящим судам, такие публикации имеют огромное значение для правильного и единообразного применения законодательства об административных правонарушениях в наиболее сложных случаях.⁶

Квалификация административных правонарушений, которая предлагается в научной и учебной литературе специалистами в области административного права как учеными-теоретиками, так и практиками, называется доктринальной. Юридического значения по конкретному делу она не имеет.

В тех случаях, когда на практике возникают затруднения при квалификации административных правонарушений, нередко необходимы познания в области не только собственно административного права, но и, например, финансового, предпринимательского, экологического права. В этой связи стороны могут воспользоваться результатами исследований ученых – юристов в той или иной области знаний. Однако, следует отметить, что мнения ученых, как правило, не могут иметь юридического значения.

Интеллектуальная логическая деятельность должностного лица, осуществляющего квалификацию административного правонарушения представляет собой несколько этапов (стадий), которые в своей совокупности называются процессом квалификации.⁷

Начальная стадия (этап) в этом процессе выражается в вычленении из всего множества фактических обстоятельств, установленных по делу об административном правонарушении, тех, которые имеют правовое значение, и их систематизации. Процессуальные документы, оформленные в процессе производства по делу об административном правонарушении, содержат информацию, непосредственно отражающую не только признаки состава административного правонарушения, но и доказательства, при помощи которых установлены эти признаки, – обстоятельства, а также путь, который прошло производство по делу, прежде чем в конечном счете удалось достоверно установить данные обстоятельства, входящие в предмет доказывания по каждому делу об административном правонарушении.

Степень сложности правоприменительной оценочной деятельности на этом этапе зависит от того, кто ее осуществляет, в чьем производстве находилось дело об административном правонарушении, когда производились собирание и проверка доказательств (например, должностное лицо перед тем, как вынести постановление о передаче дела об административном правонарушении по подведомственности), или мировой судья, для которого материалы дела являются новыми.

Должностное лицо, которое собрало достаточные данные для промежуточного или итогового процессуального акта, требующего квалификации административного правонарушения, уже ориентируется в том, какие фактические обстоятельства имеют процессуальное значение, так как он сам обнаружил эти обстоятельства в процессе доказывания.

В относительно выигрышном положении находится должностное лицо или судья, которые получили дело об административном правонарушении с уже составленным протоколом, или вынесенным ранее постановлением по делу об административном правонарушении, например, при рассмотрении в апелляционной или кассационной инстанции), т. е. с итоговыми административно-процессуальными актами, в которых уже содержится и систематизация юридически значимых фактов, и анализ доказательств, с помощью которых они установлены, и, что самое главное, квалификация административных правонарушений, вменяемых в вину обвиняемому физическому или юридическому лицу. Лицо, осуществляющее административно-юрисдикционную деятельность обязано дать правовую оценку деятельности должностного лица, составившего протокол с точки зрения материального и процессуального административного права.

Второй этап процесса квалификации административного правонарушения заключается в определении всех возможных конструкций составов, которые можно сопоставить с фактическими обстоятельствами дела, установленным на данный момент производства по нему. В результате этой деятельности круг правовых норм сужается, по крайней мере в пределах раздела, главы КоАП РФ или закона субъекта РФ, отражающих родовой или видовой объекты административного правонарушения.

Третья стадия (этап) квалификации административного правонарушения связан с необходимостью выявления однородных (близких) составов, которые могут «конкурировать» с рассматриваемым и иметь отношение к данному случаю.

Так, если в результате нарушения водителем транспортного средства Правил дорожного движения и наезда автомашиной пострадал человек, который признан потерпевшим, то тот, в чьем производстве находится дело об административном правонарушении, может в зависимости от степени вреда здоровью потерпевшего, квалифицировать деяние как административное правонарушение, в случае причинения легкого или средней тяжести вреда здоровью. В случае же причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего или наступления смерти, необходимо решать вопрос о передаче дела в органы предварительного следствия для возбуждения уголовного дела.

Четвертая стадия (этап) квалификации административного правонарушения – установление того состава, который полностью соответствует фактическим основаниям по всем объективным и субъективным признакам. Всю полноту ответственности за легальную квалификацию административного правонарушения, также, как и за решение иных вопросов по делу об административном правонарушении, единолично несет тот, в чьем производстве в данный момент находится дело.

Квалификация административного правонарушения по конкретному делу имеет принципиальное значение для решения этого дела по существу. От нее зависит выбор меры наказания в отношении лица, привлекаемого к ответственности, возможность освобождения от административной ответственности. Таким образом, ошибка в квалификации административного правонарушения влечет вынесение ошибочного постановления по делу об административном правонарушении. Обнаруженная вышестоящим судом такая ошибка влечет изменение или отмену постановления.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что под квалификацией административного правонарушения следует понимать определение его юридической сущности, т. е. его оценку с точки зрения закона, соотносимое с КоАП РФ, или законом субъекта РФ об административных правонарушениях, суждение об определенных фактах объективной действительности.

Квалификация административного правонарушения должностным лицом органа исполнительной власти, иным субъектом административной юрисдикции или судом, в производстве которых находится дело, а равно должностным лицом, которому, согласно закону, принадлежат надзорные или контрольные функции за производством по данному делу об административном правонарушении, называется легальной, или официальной. Она имеет юридическое значение, от нее во многом зависит движение и судьба дела об административном правонарушении.

С позиции учения о составе административного правонарушения, квалификация противоправного деяния есть не что иное, как сопоставление законодательных признаков (особенностей), характеризующих каждую из элементов состава (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) с признаками (особенностями) конкретного общественно вредного деяния в том виде, в котором они установлены в процессе административно-юрисдикционной деятельности.

Постоянное усиление административной ответственности не исключает пробелы административного законодательства, которые не позволяют в полном объеме реализовать принцип неотвратимости наказания. Это обстоятельство, в свою очередь, способствует распространению безнаказанности среди нарушителей. Обеспечение реализации принципа неотвратимости наказания невозможно без правильной квалификации содеянного.

К сожалению, законодательство об административной ответственности содержит ряд проблемных аспектов, требующих более детального рассмотрения. Так, при квалификации административных правонарушений оказывается, что какое-либо деяние подпадает одновременно под признаки нескольких административно-правовых норм.

При этом может сложиться ситуация, когда одна из норм противоречит другой, иногда нормы не находятся в противоречии, но охватывают одно и то же деяние в большем или меньшем объеме, возникает так называемая конкуренция административно-правовых норм. Для правильной правовой оценки деяния, в таких ситуациях, необходимо выбрать одну из норм.

К примеру, анализ практики выявил конкуренцию и вместе с этим возникающие проблемы при квалификации деяния, подпадающего под признаки части 3 статьи 12.23 (Нарушение требований к перевозке детей, установленных Правилами дорожного движения) и статьи 12.6 КоАП РФ (Нарушение правил применения ремней безопасности или мотошлемов). В данной ситуации возникает конкуренция общей и специальной нормы. Этот вид конкуренции встречается в тех случаях, когда одна правовая норма излагается в нескольких статьях.

Ответственность за нарушение правил перевозки людей предусмотрена частью 1 статьи 12.23 КоАП РФ. Данная норма при нарушении правил перевозки детей, установленных пунктом 22.9 Правил дорожного движения, является специальной по отношению к статье 12.6 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за управление транспортным средством водителем, не пристегнутым ремнем безопасности, перевозку пассажиров, не пристегнутых ремнями безопасности, если конструкцией транспортного средства предусмотрены ремни безопасности.

На основании вышеизложенного, по мнению автора, необходимо ввести в Общую часть КоАП РФ норму, разъясняющую порядок применения общих и специальных норм Особенной части.

В заключение необходимо отметить, что правильная квалификация административных правонарушений воспитывает у граждан уважение к закону, деятельности

правоприменительных органов и способствует формированию надлежащего уровня правосознания и правовой культуры.

Ссылки

- ¹ Кодекс РФ об административных правонарушениях: федеральный закон РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ; в ред. от 01.07.2021 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 29.05.2019.
- ² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ (2014) / утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.12.2014 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3., март, 2015.
- ³ Канунникова, Н. Г. Теоретические аспекты определения понятия состава административного правонарушения / Н. Г. Канунникова // Административное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 910.
- ⁴ Тихомирова, Л. А. Особенности реализации отдельных положений КоАП РФ и некоторые проблемы правоприменения. Москва, 2018. С. 36.
- ⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 (ред. от 21.12.2017.) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. № 8. 2004.
- ⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. 2018; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.11.2017 № 46 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судьями дел о привлечении к административной ответственности по статье 19.29 Кодекса РФ об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. 2018.
- ⁷ Савельева, В. С. Основы квалификации преступлений: Учебное пособие. Москва, 2020. С. 14.

Anotācija

Raksts ir veltīts administratīvo pārkāpumu izpratnei un tā kvalifikācijas problemātikai, balstoties uz Krievijas Federācijas (turpmāk KF) administratīvās jomas tiesisko regulējumu, analizēti KF Administratīvo pārkāpumu kodeksa piemēri. Tiek uzsvērta normu konkurences problēma, minēti konkrēti ceļu satiksmi regulējošo normu piemēri.

Rakstā uzsvērts, ka administratīvā pārkāpuma sastāvs ir četru elementu apvienojums: priekšmets, objektīvā puse, subjektīvā puse un subjekts, kuru esamības konstatēšana ir nepieciešama un pietiekama, lai sociāli kaitīgu darbību atzītu par administratīvu pārkāpumu. Parasti šos elementus apzīmē par obligātiem, jo tiem jebkurā gadījumā jāpastāv, lemjot par saukšanu pie administratīvās atbildības. Ja trūkst vismaz viena no šiem elementiem, personu nevar saukt pie administratīvās atbildības. Administratīvā pārkāpuma sastāvs ir tiesisks pamats, lai kvalificētu administratīvo pārkāpumu saskaņā ar konkrētu likuma pantu, ar kuru nosaka administratīvo atbildību.

Autoresprāt, analizējot jebkuru administratīvā pārkāpuma deliktu, kvalifikācijas jautājumi vienmēr ieņem galveno vietu. Sakarā ar administratīvo pārkāpumu kvalifikācijas problēmu nepieciešams tālāk pētīt teorētiskos jautājumus, kas saistīti ar administratīvā pārkāpuma jēdzienu un mērķi.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДОСТАВЛЕНИЯ И ЗАДЕРЖАНИЯ*

Башлыков Максим,

студент 3-го курса Юридического факультета

Псковского государственного университета (2020), Россия

E-mail: max.212@yandex.ru

Abstract

The purpose of this work is to study the problems of legal regulation of administrative delivery and detention in Russian administrative law and the study of possible ways to solve them. This problem is due to the fact that the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The delivery time is not specified as a measure to secure proceedings on cases of administrative offenses, which is a flaw in administrative legislation and may violate the rights and freedoms of a person and citizen. And the law does not establish the duration of a person's time in office space and his waiting for the start of legal proceedings which is a serious legislative gap.

The novelty of this work lies in the formulation by Autor's of modern and effective proposals for the revision of individual issues related to measures of administrative proceedings and the reality of solving these problems. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation must be modified accordingly in order to clearly regulate or establish specific time limits for the delivery in police office and the time to wait for the commencement of proceedings. In this paper, the above problems and progressive solutions are discussed in detail.

Keywords: *administrative detention, administrative offence, delivery, Code of Administrative Offences of the Russian Federation, human and civil rights and freedoms, term of an administrative detention.*

Введение

Актуальность данной юридической проблемы обусловлена тем, что правоохранительные органы, руководствуясь законом, каждый день прибегают к такой необходимой мере обеспечения административного производства как доставление и задержание. Но из-за неограниченного срока осуществления данной меры ограничиваются права и свободы граждан.

Целью данной работы является исследование проблемы законодательно неограниченного срока доставления и правового регулирования административного задержания.

Задачами данного исследования является детальное рассмотрение таких мер административного производства как доставление и задержание; разграничение доставления и задержания; а также определение разумного срока осуществления доставления.

Объектом данного исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением доставления и задержания как мер производства по делам об административных правонарушениях.

При написании данной работы использовались такие методы исследования как анализ юридической литературы и нормативно-правовых актов, сравнение и обобщение взглядов ученых в области административного права, синтез, теоретико-правовое прогнозирование.

Доставление нарушителя – это правовая принудительная мера, предусмотренная КоАП РФ, состоящая в кратковременном ограничении свободы действий и передвижения лица и перемещении его с места совершения административного

---

* Статья для публикации в журнал подана в 2020 году, в связи с чем в статье отражена редакция КоАП РФ на 2020 год. Для сравнения: в Законе административной ответственности Латвии доставление как процессуальное действие или мера процессуального принуждения не предусмотрено, см. <https://likumi.lv/ta/id/303007-administrativas-atbildibas-likums> (примечание редакции)

правонарушения в орган внутренних дел (полицию), в служебное помещение войск национальной гвардии, пункт охраны правопорядка, орган местного самоуправления, служебное помещение государственных органов, осуществляющих контрольно-надзорные функции в пределах предоставленной им компетенции. Таким образом, доставление нарушителя по своей юридической природе выступает в качестве составной части административного задержания, однако с той особенностью, что срок административного задержания начинается только с момента доставления правонарушителя в орган, полномочный рассмотреть дело об административном правонарушении и принять по нему то или иное решение¹. Доставление тесно связано с такой мерой обеспечения производства по делам об административных нарушениях как административное задержание.

Множество ученых рассматривали проблематику таких мер обеспечения производства как доставление и административное задержание, но единства мнений по данной проблематике не наблюдается. Так, некоторые ученые (например, А. И. Дворяк) считают, что доставление – это самостоятельная административно-обеспечительная мера. Другие ученые (например, В. К. Гижевский) считают, что доставление необходимо включить в состав административного задержания,

Необходимо отметить, что законодатель намерено выделяет доставление в отдельную меру обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Так, согласно статье 27.2 Кодекса административных правонарушений Российской Федерации (далее КоАП РФ), доставлением является принудительное препровождение физического лица с целью составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным.² Напротив, согласно статье 27.3 КоАП РФ, административное задержание – кратковременное ограничение свободы физического лица, оно может быть применено в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении.

Таким образом, объективное выражение таких мер как доставление и административное задержание различно по основаниям и целям. Необходимо подчеркнуть, что административное задержание возможно лишь после окончания применения доставления. Поскольку срок административного задержания лица исчисляется с момента его доставления, за исключением случая, если лицо находится в состоянии алкогольного опьянения, в этом случае срок задержания исчисляется с момента вытрезвления лица, данное правило момента исчисления срока задержания закреплено статьей 27.5 КоАП РФ. Таким образом, мы пришли к выводу, что доставление является отдельной и самостоятельной мерой обеспечения административного производства.

Множество вопросов вызывает отсутствие законодательно закрепленного срока доставления. Осуществление доставления обеспечивается применением психического воздействия, заключающегося в устном указании следовать к месту проведения процессуальных действий. Согласно статье 27.2 КоАП РФ, доставление должно быть осуществлено в возможно короткий срок. Данная законодательная формулировка такого важного вопроса как срок доставления является неточной и абстрактной. На наш взгляд, это недопустимо, поскольку Россия – правовое государство, в котором права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. Соответственно, абстрактных формулировок в законе быть не должно, все должно быть четко регламентировано, особенно вопросы, связанные с ограничением прав и свобод человека и гражданина. Так, В. А. Тюрин небезосновательно полагает, что «с позиции защиты прав и законных интересов личности в Кодексе важно закрепить хотя бы примерный срок доставления, поскольку доставление имеет самостоятельный процессуальный статус».⁴

Необходимо подчеркнуть, что отсутствие фиксированного срока доставления существенно затрудняет реализацию как доставления, так и административного задержания. Например, отсутствие разграничения срока, в течение которого возможно нахождение

доставленного гражданина в помещении отдела внутренних дел (далее – ОВД) и срока административного задержания, является весьма серьезным пробелом законодательства. Срок доставления складывается из времени принудительного препровождения правонарушителя в помещение ОВД, времени, необходимого для установления личности правонарушителя и выполнения соответствующих процессуальных действий в порядке ст. 27.2 КоАП РФ. Доставление может применяться для составления протокола об административном правонарушении, при этом не берется в расчет, что помимо данного протокола имеется еще ряд процессуальных документов, необходимость составления которых может возникнуть в ходе производства по делу об административном правонарушении (например, протокол доставления, административного задержания), при этом срок должен быть возможно коротким.³

Рассматривая сроки задержания, необходимо отметить, что, согласно части 1 статьи 27.5 КоАП РФ, срок административного задержания не должен превышать три часа, за исключением определенных случаев. Максимальный срок административного задержания в определенных случаях не может превышать 48 часов с момента доставления. Как уже отмечалось, доставление в этот срок не входит.

При решении данной проблемы необходимо учитывать территориальные особенности России, а именно ее территории и особенности рельефа, климата, техническое состояние транспортных средств, используемых сотрудниками правоохранительных органов и т. д. Соответственно единый срок доставления может быть не обосновано коротким или наоборот чрезмерным, в силу территориальных и иных особенностей, которые зависят от каждого конкретного случая. К примеру, срок доставления правонарушителя в городских условиях будет отличаться от времени применения аналогичной меры обеспечения производства в сельской местности, поскольку в городской черте доставление может быть гораздо быстрее чем в сельской, здесь определяющим фактором будет расстояние, которое необходимо преодолеть сотрудникам правоохранительных органов и, соответственно, затраченное время. Но и в городе доставление может затянуться на большой срок, что связано с особенностями городского трафика, а именно – автомобильными пробками. Таким образом, правовой нормой невозможно предусмотреть и учесть в каждом отдельном случае конкретные обстоятельства, поскольку жизненные обстоятельства и события могут быть различными. Исследованию данного вопроса посвящены труды многих ученых. Так, по мнению Г. Т. Агеенковой и В. А. Тюрина, срок доставления необходимо засчитывать в срок административного задержания⁴. В научной литературе в целях эффективной защиты прав и интересов личности и устранения умышленного «затягивания» доставления предлагается установить предельный срок его применения в пределах одного часа.⁵ Например, более длительные сроки будут при доставлении лиц по делам об административных правонарушениях, совершенных во внутренних морских водах, в территориальном море, на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне РФ.⁶

На наш взгляд, срок доставления лица, совершившего административное правонарушение, должен быть более определенным, но установление временных рамок затруднит правоприменителю процедуру осуществления доставления и может стать причиной нарушения норм административного производства, что может повлечь за собой негативные последствия для сотрудников правоохранительных органов, так как они могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности. Во многих случаях, зависящих от конкретных обстоятельств дела, предельный часовой срок будет явно недостаточен для осуществления доставления.

Очень сложно разработать и закрепить универсальный срок доставления по вышеуказанным причинам. Но на наш взгляд, срок доставления необходимо включить в срок административного задержания, при этом увеличив максимальный срок задержания по общему правилу до 24 часов. Четко ограничить срок осуществления доставления возможно, например, до 6 часов, но если должностное лицо, доставляющее гражданина, не успевает доставить гражданина в указанный период, то этот факт указывается в протоколе

доставления лица с объяснением причин нарушения срока, если же они обоснованы, то необходимо продлить срок доставки на определенный срок с согласия руководителя подразделения, например, до 10 часов. Но возможен и другой вариант, оставить срок доставки без изменения, а именно, в возможно короткий срок, но при этом осуществлять контроль за данной мерой административного производства посредством применения средств видеofиксации на время периода доставки лица с целью недопущения безосновательного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а также с целью формирования доказательной базы в случае нарушения срока со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Также в более точной регламентации нуждаются вопросы, связанные с доставкой и административным задержанием. К примеру, в КоАП РФ отсутствует указание и закрепление максимально возможного срока нахождения доставленного гражданина в помещении ОВД, в течение которого необходимо произвести процессуальные действия.⁷

Срок административного задержания исчисляется с момента доставки, однако административное задержание должно применяться лишь в исключительных случаях. Таким образом, если административное задержание не применяется, срок нахождения доставленного лица в служебном помещении абсолютно не урегулирован, и ожидание лица может длиться часами. Часто срок нахождения граждан в помещении полиции превышает установленный ст. 27.5 КоАП РФ срок административного задержания (3 часа), при этом лицо в специальное помещение не препровождается, его свобода формально не ограничивается, соответственно, лицо статус задержанного не приобретает, а находится в положении доставленного, и фактически срок его содержания в помещении ОВД ничем не ограничен (за исключением содержания доставленного лица, находящегося в состоянии опьянения)⁸. Его юридический статус, даже после прибытия в здание правоохранительных органов, остается как «доставляемый». При этом сотрудники правоохранительных органов знают, что фактически они не нарушают закон, заставляя лицо ожидать огромное количество времени, поскольку в законе написано, что лицо должно быть доставлено в возможно короткий срок. Необходимо учитывать, что длительное содержание доставленного лица не всегда оправдано объективными причинами, однако, часто это объясняется загруженностью должностного лица ОВД, но многие сотрудники попросту злоупотребляют данным законодательным пробелом.

Таким образом, для укрепления гарантий прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, а также предоставления сотрудникам полиции достаточного времени для осуществления необходимых действий, будет целесообразным ограничить продолжительность срока нахождения лица в служебном помещении и его ожидание начала процессуальных действий двумя часами. При этом он должен быть обязательно включен в срок административного задержания. На наш взгляд, 2 часа вполне достаточно, чтобы составить протокол задержания или провести иные процессуальные действия.

Обобщение

Таким образом, автором рассмотрены актуальные проблемы правового регулирования административного доставки и задержания. По результатам данного исследования можно сделать вывод, что в российском административном праве существует немало законодательных пробелов в области таких мер административного производства как доставка и задержание, которые необходимо решать, дабы не допустить нарушений и необоснованных ограничений прав и свобод человека, и гражданина.

На основании данного исследования можно сделать вывод, что необходимо пересмотреть законодательно закрепленный неограниченный срок доставки или порядок его применения, а также закрепить и урегулировать время ожидания начала процессуальных действий и составления документов, лицом, совершившим административное правонарушение.

А именно, можно выбрать один из предложенных вариантов ограничения срока доставления. Первый вариант заключается в том, чтобы срок доставление включить в срок административного задержания, при этом увеличив максимальный срок задержания по общему правилу до 24 часов. Второй вариант заключается в четком ограничении срока осуществления доставления, например, до 6 часов, но с определенными исключениями. Например, если должностное лицо, доставляющее гражданина, не успевает доставить гражданина в указанный период, то этот факт указывается в протоколе доставления лица с объяснением причин нарушения срока, если же они обоснованы, то необходимо продлить срок доставления на определенный срок с согласия руководителя подразделения, например, до 10 часов.

Третий вариант направлен на совершенствование не законодательства и практики его применения, т. е. оставить срок доставления – в *возможно короткий срок* без изменения. При этом осуществлять контроль данной меры административного производства посредством применения средств видеofиксации на время периода доставления лица с целью недопущения безосновательного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а также с целью формирования доказательной базы в случае нарушения срока со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Также для укрепления гарантий прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, а также предоставления сотрудникам полиции достаточного времени для осуществления необходимых действий, будет целесообразным ограничить продолжительность срока двумя часами нахождения лица в служебном помещении и его ожидание начала процессуальных действий. При этом он должен быть обязательно включен в срок административного задержания. Таким образом, мы предлагаем рассмотреть вопрос о внесении соответствующих изменений в КоАП РФ с целью устранения имеющихся законодательных пробелов.

Ссылки

- ¹ Братановский, С. Н. Административное право: Учебник. Особенная часть. Москва: Директ-Медиа, 2013. 502 с.
- ² Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) от 30.12.2001. № 195-ФЗ // Российская газета, № 256, 31 декабря 2001 года.
- ³ Пивоваров, Д. В. Доставление как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемая сотрудниками полиции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016, № 1 (60). С. 24–28.
- ⁴ Тюрин, В. А. О понятии мер пресечения в административном законодательстве // Государство и право. 2002, № 7. С. 26.
- ⁵ Соколов, А. Ю. О проблемах применения доставления в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник ВГУ № 2. 2011, С. 310–315.
- ⁶ Соколов, А. Ю. О проблемах применения доставления в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник ВГУ № 2. 2011, С. 310–315.
- ⁷ Пивоваров, Д. В. Доставление как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемая сотрудниками полиции // Научный вестник Омской академии МВД России № 1 (60), 2016, С. 24–28.
- ⁸ Пивоваров, Д. В. Доставление как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемая сотрудниками полиции // Научный вестник Омской академии МВД России № 1 (60), 2016, С. 24–28.

Anotācija

Raksta mērķis ir personas aizturēšanas un administratīvās nogādāšanas iestādē tiesiskā regulējuma problēmas izpēte Krievijas administratīvajās tiesībās un iespējamie problēmas risinājumi.

Minētā problemātika ir saistīta ar to, ka Krievijas Federācijas Administratīvo pārkāpumu kodeksā (tālāk KF APK) nav noteikts konkrēts personas nogādāšanas policijas nodaļā laiks, kas autora skatījumā var būt par administratīvo pārkāpumu lietu izskatīšanas nodrošināšanas līdzekli.

Minētais apstāklis ir administratīvā regulējuma trūkums un var būt par riska elementu personu un pilsoņu tiesību un brīvību pārkāpumos, kā arī likumā precīzi nav noteikts personas atrašanas dienesta telpā ilgums, gaidot procesuālo darbību sākumu, kas ir nopietns robs tiesiskajā regulējumā.

Raksta novitāti nosaka mūsdienīgu un efektīvu priekšlikumu, kas saistīti ar administratīvās lietvedības pasākumu atsevišķu jautājumu pārskatīšanu un problēmu reālo risinājumu, formulējums.

KF APK nepieciešams ieviest attiecīgus grozījumus, kas precīzi reglamentētu vai noteiktu personas nogādāšanas un atrašanās iestādes dienesta telpā termiņus, procesuālo darbību sākuma gaidīšanas laiku. Rakstā aplūkotas šīs problēmas, kā arī inovatīvi to risinājumu veidi.

CIVILTIESĪBU APAKŠNOZARE

LEGAL STATUS OF THE DIGITAL PROFILE OF THE CIVIL LEGAL RELATIONS' SUBJECTS

Anna Rozhkova,

Candidate of Economical Sciences,

Federal state budgetary institution of higher education "Pskov State University",

Associate Professor of the Pskov State University, Pskov, Russia

E-mail: annroz80@yandex.ru

Inna Andreyanova,

PhD in Law, docent, the Head of the Competence Development Department at Novgorod State University Named after Yaroslav the Wise, the Director of the Pskov Branch of the Russia's Society "Knowledge", the Public Chamber's Deputy Chairman of the Pskov Region, Russia

E-mail: jurist-i@mail.ru

Abstract

The aim of the work is a legal risk assessment to identify subjects of civil relations in order to implement commercial transactions safely using a digital profile. The paper attempts to assess the digital transformation of civil relations and the implementation of legal regulators for the protection and security of the subjects' digital profile of. The aspects of "digital profile's" definition interpretation as well the legal status separate signs for citizens and business entities of the notification procedure, differentiation of both rights to dispose and to use are reflected. The law enforcement practice of civil transactions in the course of digital resources' turnover, as well as the attraction and imposition of administrative penalties are proposed, and a number of conflicts is identified due to the latency of illegal actions, the lack of digital competent human rights bodies and digital investigative tools.

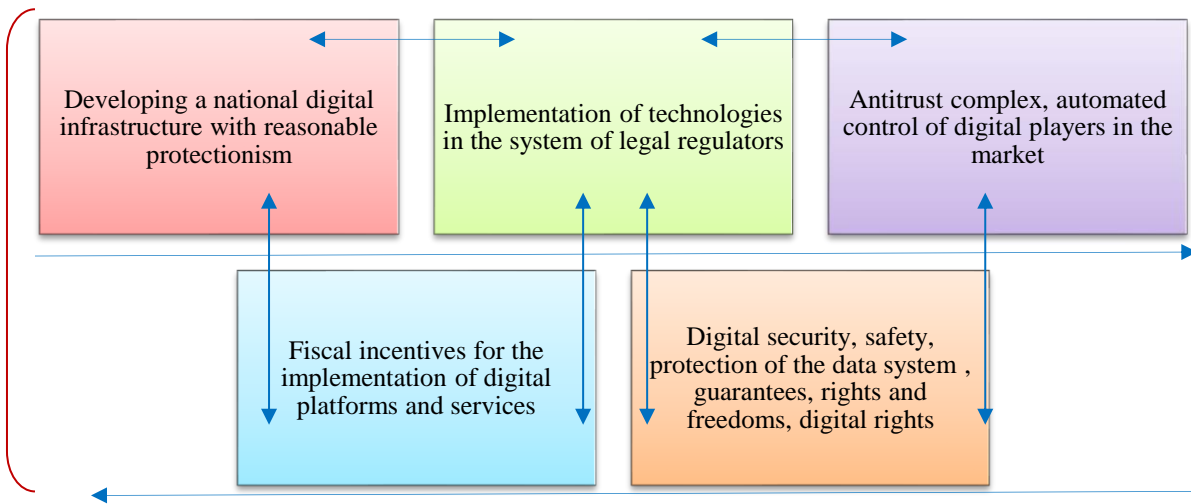
Keywords: *subject of civil legal relations, digital profile, disposal and use of digital profile, right of possession and right of use, notification procedure, digital security.*

Introduction

In terms of digital transformation of the economics and reforming the legal regulators, it is necessary to review the status of civil legal relations' subjects in terms of interpretation *the legal status of a digital profile, disposal and use of profile data* to implement the digital transactions and to ensure the digital security of the state authorities.

Digital transformation of civil legal relations is caused by *advantages and risks* in the conditions of technological infrastructure formation in access to professional integration platforms, software products, cloud solutions (for example, such as Counterparty of mining transactions; Counterwallet of transaction protocol, smart contracts, crowdfunding; Ethereum contracts, deposits, financial derivatives, and others). The advantage of a digital profile and its data for subjects of civil legal relations is a reduction in transaction costs for finding customers and partners for implementing digital transactions using platform constructors on the example of the "one electronic window" mode. However, access to digital resources is also considered as a technological risk in significant resource costs for acquisition, maintenance, consumption, and security. According to M. V. Starichkov, the cost growth up to \$6 billion is due to the introduction of rules to limit the volume of data in industries such as banking, financial services, and insurance (BFSI)¹, as well as bans and restrictions to ensure public safety.

Fig. 1 Strategic directions of legal regulation on digital technology implementation

Digital transformation of business-processes is synchronized with the corporatization of legal relations due to the accumulation of the software products, digital resources, Big Data, and personal data's markets by leading companies, thereby creating risks of a dominant position that contradicts the law provision². In addition, legal risks arise for business entities in the absence of their legal guarantees, protection, and security due to the *redirection of digital competencies in favour of IT* companies. In this regard, for the purpose of legal protection of competition in the digital market, legal guarantees of digital security, legal regulators determine the procedure for implementing digital automated systems (EGISSO) in the exercise of authority by the state authorities (see Fig.1) in the development of a centralized national digital infrastructure.

In connection on trends, the subject of the study is the legal risks associated with the legal nature's transformation of the digital transactions' status of subjects; the object of the search is the legal understanding of the digital profile as a tool for protecting the data of the civil relations' subject.

Body

Let's define several legal regulators for establishing the legal status of the individuals and business entities' digital profile, some of which shall enter into legal force in 2020-2021.

According to the Decree of the Russian Federation Government dated 29.10.2019 N 1382 in terms of *security standards* of the digital economy, the imperative of *identifying* a digital profile is established. In accordance with the Order of the RF Ministry of labor dated 28.05.2019 N 362, in order to establish the *identification procedure* the following is provided:

- transfer of legal information to subjects of legal relations on the principle of access, completeness and reliability on digital state platforms;
- unified monitoring and control of accounts by a centralized system;
- notifiable and verifiable database order.

In accordance with the RF Government Resolution N 1311 dated 11.10.2019 on personification, identification of physical persons and means of business entities' individualization, in order *to control* the exchange of traffic and legitimate details, the registry is fixed by the legislator in parts: the ID, the point of traffic exchange DataLine-IX (Internet Exchange Point, IX) peering, IP - address of the subject.

Separately for individuals, according to Ablameyko M. S.³, personal data of the digital profile includes "physiological and biological features of a person for identification and data processing with the written consent of the subject", including the provision of personal ID cards while initiating the Belarusian integrated service and accounting system (BISRS).

In Russia in the draft Law N 750699-7 – FZ dated 16.10.2019 it is planned to secure *legal status* of personal data composition *digital profile* by using biometric data of the unified system, for the

purpose of digital legal competence and capacity to execute transactions with the use of a reinforced qualified signature, protection of rights and guarantees of contractual relations' the parties. The digital profile includes personification, identification, and double authentication, as well as an automated system for verifying the information of the legal entity.

According to the draft Federal law N 747513-7: "A digital profile is a collection of information about citizens and legal entities that are located in various state information systems." However, in ensuring the legality and criteria for access to "special data", we assume the need to establish a conciliation and notification procedure. This procedure shall create conditions for personal security of legal entities, protection of private integrity, commercial and banking secrets of business entities. Therefore, it is proposed to clarify the definition: "*A digital profile is a collection of personal information that is located in various state information systems while ensuring compliance with the notification and conciliation procedure.*".

For the purpose of interpreting the legal nature, let's consider the definition of "digital profile" from the point of view of private and public laws, in order to distinguish the rights to a digital profile. From the point of private law's view in the context of non-property rights, the digital profile is the subject of copyright ownership and disposal in accordance with article 1229 of the RF Civil Code. Thus, part 1 of article 1229 of the RF Civil Code states: "a citizen or legal entity that has an exclusive right ... on the means of individualization, shall use ... at own discretion in any way not contrary to the law."

In accordance with the regulation of article 3 of Law N 152-FZ⁴, the subject of public law is the procedure for establishing, processing and controlling the personal data of a digital profile as well as the procedure for using and guaranteeing security in order to ensure the actions' legality of digital profile's administrators and users. It is obvious that the administrator is a subject of legal relations as a bearer of digital profile data, and the user is the counterparty of the digital transaction, as well as government agencies, including operators.

It should be noted that in accordance with Chapter 3 of Law N 152-FZ, the rights of a personal data subject to access to data, automated processing and rights to promote transactions are secured. However, this interpretation⁵ does not allow to disclose the private and public rights of a subject of civil legal relations of a digital profile. In this case, the legal nature of the digital profile's intersectoral nature allows to establish special private rights and public entitlements of subjects. In this regard, the author's wording on the definition of subjects of the digital profile is proposed: "*Administrators are the right holders of the digital profile who have the right of personal data disposal and, or by means of individualization in accordance with the law. Users are entities that have obtained access to the digital profile and use the data in a notification and conciliation manner by the copyright holder, which does not contradict the law, for the purpose of monitoring and guaranteeing security*". The proposed recommendations may supplement the provisions of articles 6 and 10 of Law N 149-FZ⁶.

Let's return to the definition of the digital profile "set of data"⁷. Because of the classification information of the subject; the special characteristics of the legal status of physical entity and economic entity; a conciliation and notification order to the digital profile applicability; the special rights and powers of entities to manage and use digital profile, it is proposed to identify the separate formulations of a digital profile of physical entity and economic entity.

According to the RF Civil Code's § 4 of chapter 76, the means of individualization refer to business activity, which also applies to an individual entrepreneur who has an intersectoral legal status in the availability of civil and business rights. Therefore, for such citizens – individual entrepreneurs, personal data will also be included in the means of individualization. Due to these features, it is proposed to supplement the norm of part 1 of article 1229 of the RF Civil Code as follows: "1. A citizen or a legal person having the exclusive right to means of individualization of *a digital profile*, may use *a digital profile*, at its discretion, not any illegal. The copyright holder may, at own discretion, allow or prohibit the others using *the digital profile* individualization tool." This wording it is not contrary to article 12 of the RF Civil Code, paragraph 10 of the RF Supreme Court's⁸ Resolution of Plenum ("According to the meaning of the RF Civil Code's articles 1 and 14 the self-defense of civil rights may be expressed, including the person impact on property both of his own and in his lawful

possession") and part 2–4 of article 1 of the Federal law "On amendments to certain legislative acts (regarding procedures for identification and authentication) on the granting of digital rights and measures of identification and authentication" draft.

In general, taking into account the identified special legal features, the author's understanding of the digital profile of subjects is offered. For individuals: *"A digital profile is a set of personal and biometric data of an individual that is located in various state information systems, which are the subject of copyright ownership and disposal based on the principles of legality, reliability, availability, authentication, completeness, while ensuring compliance with the notification and conciliation procedure in order to protect the rights of holders and users of a digital profile."* For business entities: *"A digital profile is a set of digital means of individualization of a person that are located in various state information systems, which are the subject of copyright ownership and professional disposal in order to ensure the legal capacity to perform digital transactions based on the principles of legality, reliability, availability, and double authentication."* At the same time, passwords and logins of a digital profile, acting as means of belonging to a specific user, allow to grant him digital access rights and security. These features of the *digital profile* correlate with the obligations of network (digital) operators of digital platforms not to disclose confidential content to third parties, including corporate digital profiles without notification and conciliation.

The legal status of the digital profile is determined by tracking the digital footprint: when confirming the consent of the reinforced digital signature in the implementation of electronic transactions with real estate, the implementation of small civil transactions with quick payment operations using a QR-code⁹, the use of a corporate e-wallet (Federal law dated 03.07.2019 N 173-FZ). For example, in order to account the digital footprint while reducing the cost of "working with a single biometric system" (ESIA)¹⁰, remote Digital client paths are provided without the personal presence of the borrower subject in the conditions of multi-modality "voice and face" of "a person alive" and detection of fakes. When performing digital transactions using decentralized solutions (Blockchain, Sidechains, Treechains) regarding property relations to Smart property, Transferable virtual property, data accumulation is provided. Therefore, in accordance with the Order of the RF Government dated 28.08.2019 N 1911-r, the following organizational and legal means are significant:

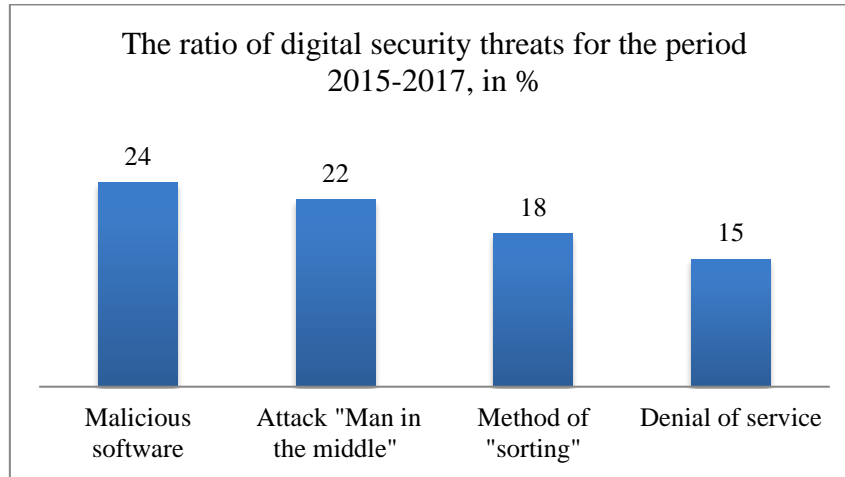
- agency with standalone programs - Distributed markets;
- implementation of the state information system (GIS);
- service model of a cloud platform for providing state and municipal services¹¹ to ensure the rights to security and access to reliable complete information for subjects.

According to the draft Federal law N 747528-7, the legal status of the subjects' digital profile of in the implementation of digital transactions is provided with security in the form of double authentication for individuals and a qualified certificate in the use of electronic signatures by legal entities.

The digital rights of a profile are protected by a guaranteed measure of live signature by a written statement. Thus, according to the draft Federal law "On amendments to the Federal law "On personal data"" dated 18.09.2019, there shall be one written consent of a person to use personal data related to actions for different purposes. However, this circumstance is contradictory due to the "difference of purposes" of actions, which requires the establishment of actions based on one purpose in order to avoid violations of rights. generic characteristics of Thus, the Resolution of the Ninth arbitration court of appeal N 09AP-30182/2016-AK dated 16.08.2016, concerning the case N A40-17595/16 has installed: "Skartel, Ltd., providing transmission of employees' personal data to third parties, uses standard written form of consent to the processing of personal data of the employee for the multiple purposes of personal data processing that violates the requirements of paragraph 4 of part 4 of article 9 of the Federal law dated 27.07.2006 N 152-FZ "On personal data".

A simple violation, as improper data security provision by Decree N 4A-363/2019 4A-383/2019 dated April 24, 2019, concerning the case N 4A-363/2019 is proved in terms of leaving applications with personal data in public access to visitors, was the basis for bringing FSUE "Russian Post" to administrative responsibility in the amount of 25,000 rubles.

In general, the dynamics of situations¹² related to illegal actions, voice imitation, demonstrates the main types of threats to digital profile data leakage in Fig. 2, where there shown a 1,215-fold excess of malicious software tools relative to other types. The "man in the middle" attack (MitM attacks)¹³ poses a threat in terms of simulating an interlocutor between the computer and the router during initialization, and there are leakage risks when transmitting confidential data from the IP-address. The "sorting" method and denial of service account for 42 % of the hazard level.

Fig. 2 The main types of digital security threats

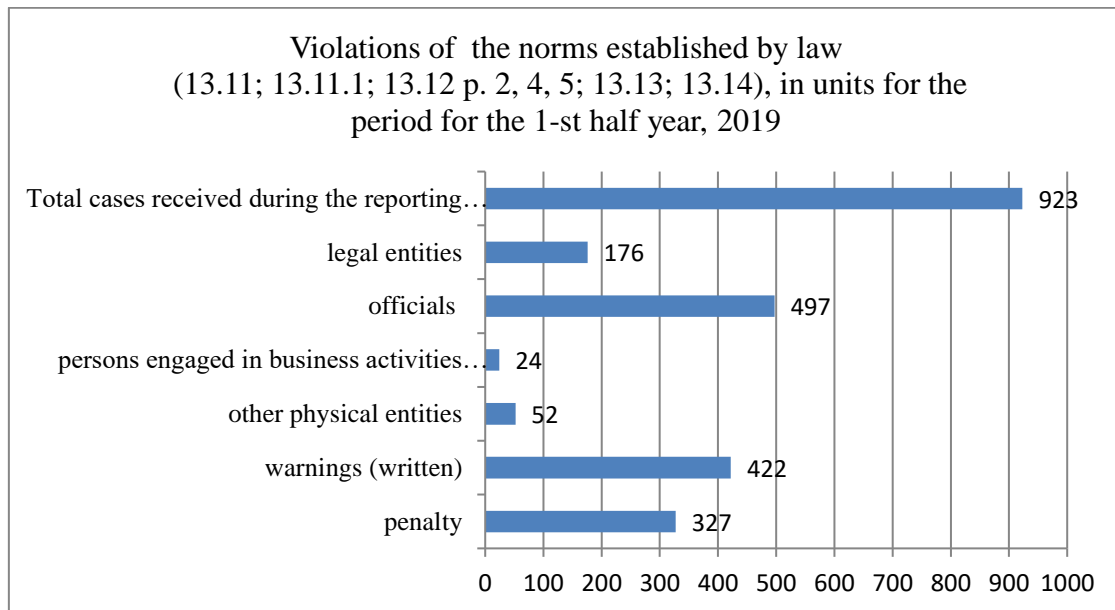
According to the regulation of article 13.11 of the RF Code of Administrative Offences, administrative responsibility for illegal actions has a negligible level of punishability in the form of administrative fines. So, in terms of improper security¹⁴- these are only a warning or a fine, which collectively amounts to an average of 11,500 rubles for officials and business entities, which devalues the guarantees of the legal status of the security of the digital profile. Therefore, in accordance with the draft Federal law N 729516-7, for improper provision, including in accordance with the regulation of article 19.7 of the RF Code of Administrative Offences - failure of information provision or violation of deadlines, provides for amendments to the legislation to increase penalties for business entities and officials in the following positions:

- from 200 thousand to 500 thousand rubles for officials (for repeated violations – from 500 thousand to 1 million rubles);
- from 2 million to 6 million rubles for legal entities (for repeated violations – from 6 million to 18 million rubles).

In general, according to article 13 of the RF Code of Administrative Offences, for the reporting period of the first half of 2019 (see Fig.3) the main share is accounted for illegal actions committed by officials (66,36 %) and (23,5 %) – by economic entities. At the same time, the data in Fig. 3 shows that warnings exceed fines by 12,68 %, which indicates the need to increase the level of punishability of perpetrators.

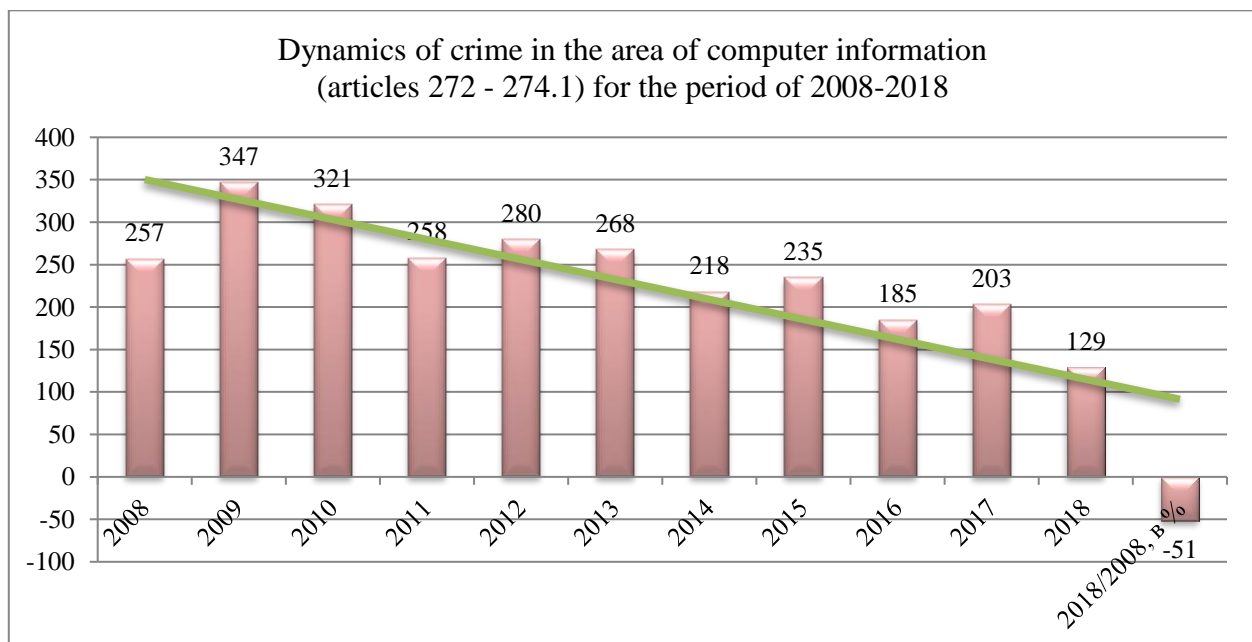
According to the Federal law dated 02.12.2019 N 405-FZ to the regulation of article 13.11 of the RF Code of Administrative Offences – for failure to "ensure recording, systematization, accumulation, storage, refinement or extraction of personal data", the administrative punishment is reinforced: "for citizens in the amount from 50 thousand to 100 thousand rubles; for officials – from 500 thousand to 800 thousand rubles; for legal entities – from 6 million to 18 million rubles". At the same time, we normally observe an inaccuracy that "storage" can be interpreted as data accumulation. Therefore, we suggest a clarification: in the norm 13.11 to add duties for the operators of the information sphere in terms of protective actions for the security of digital profile data.

Fig. 3 Overview of the number of persons brought to administrative justice

In accordance with the regulation of the RF Code of Administrative Offences', article 3.11 a more stringent measure is provided – such as disqualification of officials for up to three years, and the RF Code of Administrative Offences' articles 3.8 and 13.12, 13.13 – deprivation the special rights for legal entities "not less than one month and more than three years." But article 273 of the RF Criminal Code reads: for spreading malicious programs by a person "using own official position" includes "disqualification to hold certain posts or practice certain activities for a term up to three years." However, there is a conflict under article 311 of the RF Code of Administrative Offences and RF Criminal Code of equal appointments article 273 for the terms of preventive measures on both administrative and criminal penalties – which suggests increasing the time up to the establishment of a total ban to hold office and to carry out certain activities, according to the article 273 of the RF Criminal Code.

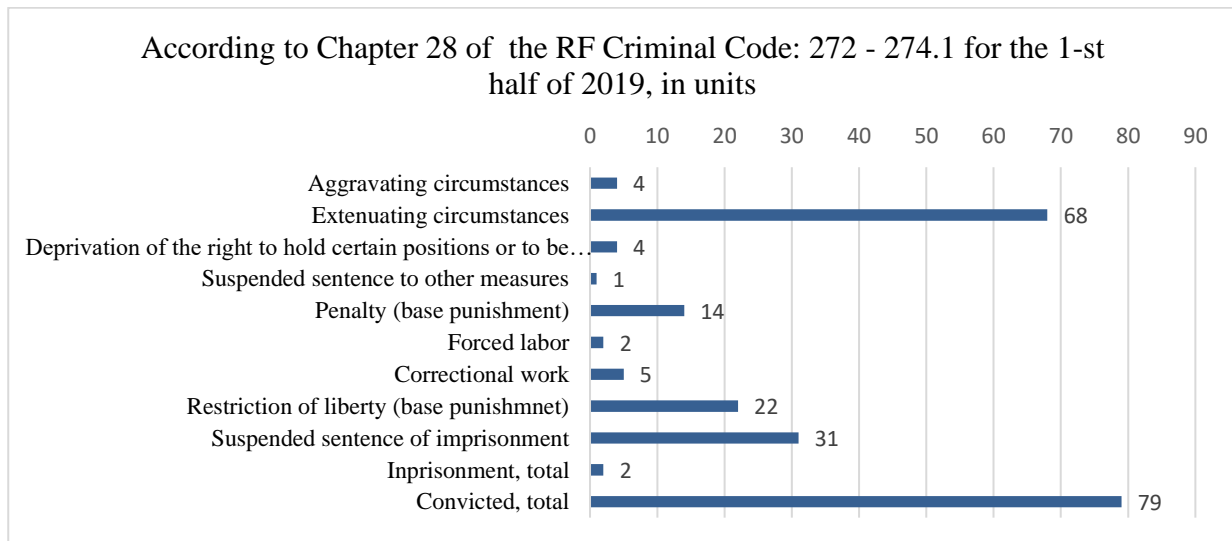

Fig. 4 Decreasing trend of computer crimes

In turn, article 272 of the RF Criminal Code for unlawful access to computer information, namely illegal access to personal, biometric data, as part of a digital profile¹⁵, incriminates up to two

years in prison, with serious consequences – up to 7 years. However, the dynamics of crimes under article 272 of the RF Criminal Code for the period 2008-2018 (see Fig. 4)¹⁶ has a declining trend of up to 51 % of the base period – which indicates, on the one hand, a positive fact, and on the other hand, a likely latency of crimes due to the lack of competence of regulators regarding the procedure for ensuring digital security.

For the period of the 1st half of 2019, data from the judicial department¹⁷ (see Fig.5) demonstrate: the main penalty in the form of a fine is 18 %, in the form of liberty restriction – 28 %; a suspended sentence of imprisonment is 41 % due to extenuating circumstances established by the court (86 %) – which indicates a humane approach to the proceedings and is rather preventive in nature of punishments.

Fig. 5 The ratio of criminal punishment types to the circumstances

Unfortunately, in practice, civil legal relations of subjects are associated with the implementation of illegal commercial transactions, in which the copyright of the software copyright holders may be affected. Thus, by Resolution N 1-313 / 2019 dated 30.05.2019, a fine was imposed in case N 1-313/2019. For the illegal selling and delivery of commercial software services without permission (i.e., without a franchise), as well as for introduction of the malicious "hacking" programme "ArchiCAD.exe", taking into account extenuating circumstances, the defendant was charged with a criminal penalty of moderate severity, in the form of a fine of 20 thousand rubles for violating the copyright protection of the software product's "ArchiCAD 12" copyright holder. At the same time, the fact of penetration into the digital profile of the copyright holder was the downloading of a software product without observing the notification and conciliation procedure. In this case, we assume that the solution to the problem of such actions as to purchase a product from the copyright holder is appropriate to introduce a digital offer for the conclusion of a franchise. As we can see, the regulator's establishment of a digital contractual relationship procedure will ensure the protection of the digital profile and the digital rights of the parties, instead of simply prohibiting access to the profile.

When assessing the corpus delicti, a fact was revealed demonstrating competence of law enforcement authorities' lack of regarding digital illegal manipulation of software products. So, Resolution N 1-99/2019 dated 24.05.2019 concerning the case N 1-99/2019 has identified the absence of a crime under the RF Criminal Code's paragraphs "b" part 3 article 146, part 1 of article 273, part 1 of article 272. At the same time, operational commissioners conducted investigative actions extracting the evidence for counterfeit products¹⁸ for the purpose of illegal sale and making a profit by the defendant. The court received storage devices of computer information on licensing products for their further illegal installation (without the agreement with the right holder)¹⁹, the video and information about using the software unauthorized hacking (without activation or purchase of the certificate)²⁰. However, during the "Verification purchase" and the buyer's testimony, the evidence

obtained was not confirmed, and the state prosecutor found that there was no evidence of a crime, which was the reason for the termination of criminal proceedings for lack of the crime proof. This fact shows that digital crimes can be solved by legally granting additional digital powers, using digital search tools to obtain digital evidence.

Conclusions

In conclusion, we note the summary and results.

1. The relevance of the advantages and risks of civil legal relations' digital transformation is indicated.
2. Novelties of legislation in the implementation of digital technologies to determine the legal status of the digital profile, identification and authentication, regulation of digital rights and guarantees of subjects in the implementation of secure digital transactions are presented.
3. Clarifications are given on the interpretation of the "digital profile's" definition, specifying special features – which allow to disclose the legal status separately for individuals and legal entities of civil relations under the imperative of the conciliation and notification procedure.
4. The peculiarities of the digital profile' legal nature of a concerning copyright holding and its disposal are specified, in which the clarification of the rules of the RF Civil Code's part 1, article 1229 concerning the use of exclusive rights to digital profile is proposed.
5. The rights to the digital profile for administrators and separately for users are clarified, that allows to distinguish between private and public rights and establish special private rights and public right powers of subjects. In this context, the author's understanding interpretation of who the administrators and users of the digital profile are, is proposed.
6. Due to the different legal nature of information about citizens and business entities, clarifications to the regulation of the RF Civil Code's art. 1229 in the understanding of the digital profile's copyright holding are proposed, which will ensure digital rights of access and self-defense for subjects of civil relations in the implementation of digital transactions. Hence, the legal interpretation of the individuals and separately for economic entities' digital profile is given. In addition, the digital profile has the property of modification due to the accumulation of digital traces, which in turn depend on the situation and demands of civil relations' subjects.
7. Based on static analysis, the number of low levels of punishability problems was identified, limited to warnings and penalties, especially for officials responsible for public safety and carrying the administrative and competent resources. 8. Based on the judicial analysis, the positive dynamics of reducing computer crime and the use of preventive measures were revealed. However, it was found that because of unlawful actions' latency in digital format, the implementation of digital tools and digital competences for the fulfilment of search actions is required, as well as barring the access to establishment the order of digital contractual relationship by the controller. In general, the presented conclusions and proposals, in our opinion, will allow us to objectively interpret the understanding of digital processes and effectively apply the rules for the digital profile's security of civil legal relations' subjects.

References

-
- ¹ Forecasts for the development of the cybersecurity market // URL: <https://iot.ru/bezopasnost/prognozy-po-razvitiyu-rynka-kiberbezopasnosti> (accessed 14.12.2019).
  - ² Part 1 of article 5; part 9 of article 10 of Federal law "On protection of competition" dated 26.07.2006, N 135-FZ.
  - ³ Ablameyko M. S. Legal regulation of personal data with the introduction of id - cards and biometric passports // Constitutional law and administrative law. 2018. No. 1, PP. 14–20.
  - ⁴ Federal law dated 27.07.2006 N 152-FZ (as amended on 31.12.2017) "On personal data".
  - ⁵ Articles 14–16 of Law N 152 – FZ.
  - ⁶ Federal law dated 27.07.2006 N 149-FZ "On information, information technologies and information protection".

⁷ Draft Federal law N 747513-7.

⁸ The Resolution of Plenum of the Supreme Court dated 23.06.2015 N 25 "About application by courts of certain provisions of section I of the RF Civil Code".

⁹ Bank of Russia's Instruction dated 16.07.2019 N 5209-U.

¹⁰ On the unified biometric system of PJSC "Rostelecom" / <https://bio.rt.ru/about/> (accessed 20.12.2019).

¹¹ Resolution of the RF PF Board dated 18.06.2019, N 350 P.

¹² Forecasts for the development of the cybersecurity market: "device manipulation, data and identity theft, data falsification, IP theft and network manipulation for hackers" // URL: <https://iot.ru/bezopasnost/prognozy-po-razvitiyu-rynka-kiberbezopasnosti> (accessed 21.12.2019). Hackers faked the voice and extorted more than \$200,000 from a British firm // URL: <https://tech.informator.ua/2019/09/03/hakery-poddelali-golos-i-vymanili-bolee-200-000-u-britanskoj-firmy/> (accessed 14.12.2019).

¹³ Rusakov, A. O., Chaly, R. A. Methods of protection from "Man in the middle" attack in Wi-Fi networks // Actual problems of aviation and cosmonautics. 2016. #12. PP. 767–769.

¹⁴ Part 3 of article 13.11 of the RF Code of Administrative Offences.

¹⁵ Starichkov, M. V. The concept of "Computer information" in Russian criminal law // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal affairs of Russia. 2014. № 1. PP. 16–20.

¹⁶ Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. The data of judicial statistics. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (accessed 14.12.2019).

¹⁷ Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. The data of judicial statistics. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5081> (accessed 14.12.2019).

¹⁸ Article 271 of the RF Criminal Code.

¹⁹ Article 273 of the RF Criminal Code.

²⁰ Article 272 of the RF Criminal Code.

Anotācija

Darba mērķis ir juridiska riska novērtēšana, lai identificētu civilo attiecību subjektus, droši veiktu komercdarījumus, izmantojot digitālo profilu.

Rakstā mēģināts novērtēt civilo attiecību digitālo pārveidi un juridisko regulatoru ieviešanu subjektu digitālā profila aizsardzībai un drošībai. Tiek atspoguļoti "digitālā profila" definīcijas interpretācijas aspekti, kā arī atsevišķas juridiskā statusa zīmes pilsoņiem un uzņēmējdarbības subjektiem paziņošanas procedūrā, atšķirības starp tiesībām rīkoties un izmantot.

Tiek izteikti priekšlikumi pilnveidot tiesībaizsardzības praksi attiecībā uz civiltiesiskiem darījumiem digitālo resursu apgrozījuma laikā, kā arī administratīvo sodu piesaiste un uzlikšana. Vēl rakstā identificēti vairāki konflikti nelikumīgu darbību kavēšanai kompetenta digitālā personāla trūkuma dēļ, kā arī digitālie izmeklēšanas rīki.

Atslēgas vārdi: civiltiesisko attiecību priekšmets, digitālais profils, digitālā profila atsavināšana un izmantošana, valdījuma un lietošanas tiesības, paziņošanas procedūra, digitālā drošība.

TIESĪBU TEORIJAS, FILOZOFIJAS UN VĒSTURES APAKŠNOZARE

ПРАВО КАК ЦЕННОСТЬ, ЦЕННОСТИ В ПРАВЕ (ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

Александр Байков,

Dr. iur., доцент Резекненская Технологическая академия, Латвия

E-mail: alesandrs.baikovs@rta.lv

*От человеческих ценностей зависит само наше существование.
Альберт Эйнштейн*

Abstract

The paper deals with the category of "values", the Rights as a value, and fundamental values of law; including freedom, justice, and equality have been analyzed.

The relevance of the research is determined not only by the apparent lack of exploration of the problem but also by the fact that the value of rights and legal values determine direction and meaning, as well as the content of the rules of law, which is their normative expression, and, ultimately, appearing as a kind of basis for the legal culture, the source of the formation of the legal consciousness and establishing legal order, ensuring the efficiency of legal regulation due to the using the embodiment in reality of freedom, justice, equality.

Legal norms themselves acquire the importance of values and become the subject of evaluation. Among values themselves, which act as an ideal justification of law rules, the law rules themselves and assessments, on the one hand, there are not only close ties but also mutual transitions. Therefore, both their interrelated explanations and differentiation are necessary.

Keywords: *value, types of values, value relations, value assessments, evaluative relations, value orientations, axiology of law, the value of right, legal values, freedom, justice, equality.*

Свобода как ценность. Право как форма свободы

Длительная история исследований, посвященных свободе и порабощению, праву как свободе, знает множество подходов к решению этой проблемы. Свобода при всей кажущейся простоте и легкости восприятия — предмет сложный и для понимания и тем более для воплощения в формах, нормах, институтах, процедуре и отношениях людей. Не в последнюю очередь это связано с многозначностью этого понятия. Э. Кассирер рассматривал это слово как одно из двусмысленных, туманных не только в философии, но и в политике¹. По существу того же мнения В. С. Нерсесянц «...свобода, при всей кажущейся простоте, - предмет сложный и для понимания и тем более для практического воплощения в формах, нормах, институтах, процедурах и отношениях общественной жизни»². Ш. Монтескье в «трактате «О духе законов» отмечал различные трактовки слова «свобода»: «Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы, как слово «свобода». Одни называют свободой легкую возможность низлагать того, кого они наделили тиранической властью; другие – право избирать того, кому они должны повиноваться, третьи – право носить оружие и совершать насилие; четвертые видят ее в привилегии состоять под управлением человека своей национальности или подчиняться своим собственным законам. Некий народ долгое время принимал свободу за обычай носить длинную бороду. Иные соединяют это название с известной формой правления, исключая все прочие. Люди, вкусившие блага республиканского правления, отождествляют понятие свободы с этим правлением, а люди, пользовавшиеся благами монархического правления, отождествляют понятие свободы с монархией. Наконец, каждый именовал свободой то правление, которое наиболее отвечало его обычаям или склонностям»³. Учитывая

невозможность однозначного определения этих склонностей, Ш. Монтескье предлагает формальное решение этой проблемы. В его интерпретации «...свобода есть право делать все, что дозволено законами»⁴.

Свобода представлялась ценностью для людей в разные эпохи и в разных формах. Она не связана исключительно с какой-либо одной формой социального устройства.

Идея свободы многозначна, она порождает сплетение множества недоразумений. Поэтому нужно сначала оговорить, в каком смысле можно понимать это слово, начиная с самых простых и доступных для познания значений. Во-первых, прежде всего, целесообразно отделять «юридическую» свободу от «фактической» свободы, во-вторых, учитывать условный характер деления на «внутреннюю» и «внешнюю» свободу, в-третьих, выделять два типа свободы: «свободу от» (негативную свободу) и «свободу для» (позитивную свободу).

Правовая свобода есть разрешение совершать определенные действия, не заботясь о том, соответствует ли это разрешение действительной возможности, то есть юридическое определение остается формальным, абстрагируясь от реальных условий ее осуществления. Фактическая свобода сводится к возможности делать и выбирать то, что хочешь. Это определение подразумевает рассмотрение средств, необходимых для реализации воли и, в частности, свободу пользования нашим телом и вещами, находящимися в нашей власти.

Юридическая свобода имеет в своей основе свободу выбора. При этом свободой называется, во-первых, сам факт выбора и, во-вторых, непредсказуемость того, что именно он выберет. И чем больше он имеет выбора, тем больше он имеет свободы. Однако феномен свободы не может быть сведен к свободе выбора. Русский философ Николай Бердяев писал: «Определение свободы как выбора есть еще формальное определение свободы. Это лишь один из моментов свободы». Настоящая свобода обнаруживается не тогда, когда человек должен выбирать, а тогда, когда он сделал выбор. Тут мы приходим к новому определению свободы, свободы реальной. Свобода есть внутренняя творческая энергия человека. Через свободу человек может творить совершенно новые формы жизни, новую жизнь общества и мира». Поэтому в структуру свободы личности выбор входит как момент и элемент, наряду с «внутренней свободой» и волей, включающих в себя два основных компонента: чувственный и рациональный. Однако сама ситуация выбора – это не свобода, а лишь предпосылка свободного действия.

Необходимо отметить, что внутренняя свобода – это не скрытая, не подпольная свобода (ни в социальном смысле, ни в смысле душевного подполья). Это реально явленная свобода в смысле освобождения человека внутри себя от оков собственных предубеждений, представлений и образов. Сегодня особенно нужны люди, способные на полностью открытое публичное, а не подпольно-культурное существование, открыто практикующие свой образ жизни и мысли, благодаря которым могут родиться какие-то новые возможности для развития человека и общества в будущем.

Для права важно, чтобы человек отчетливо представлял ту меру свободы, которая не несет в себе заряд разрушения, зла и несправедливости. В свою очередь гражданское общество и государство используют правовые средства как страховые средства, обозначающие границы и пределы, за которые внешняя свобода социальных субъектов не должна распространяться. Внешняя свобода предполагает поиск органичных средств, способов и форм ограничений. Таковыми могут выступать не только юридические законы запретительного характера (как часть культуры), но и сам факт сосуществования множества индивидов с их общественными правами и свободами. По мнению Г.В.Ф. Гегеля, ни один человек не обладает идеей о собственной свободе, если он не обладает идеей о свободе других и о социальной связи между собой и другими. Ни один человек, не имея четкой идеи о своей свободе, не имеет и четкой идеи о свободе других и связи между этими свободами.

В-третьих, важно выделить два типа свободы: «свободу от» (негативную свободу) и «свободу для» (позитивную свободу). Первая из них выступает в мире, в котором индивид имеет определенную зону выбора идей и действий без возможности натолкнуться на ограничения и репрессии. «Свобода от» не самоцель, а условие саморазвития. Самое главное

не уходить из мира в себя, не отстраняться, а творить из себя, самопорождая новые формы, которые сами себя выражают.

«Свобода для», или позитивная свобода, делает возможным действие в соответствии с собственной системой ценностей и собственными целями. Вторая свобода более жизненна и более полная. В определенных исторических условиях, в которых люди имеют значительную степень «свободы от», они, так или иначе, отказываются от нее в пользу авторитарной власти для того, чтобы увеличить возможность достижения собственных целей. Это разновидность замены теоретически возможного практически осуществимым.

Поскольку положительная свобода имеет первоочередное значение, такая замена кажется разумной. Реальные формы бегства от свободы встречаются достаточно редко. Более того, иногда возникают сомнения относительно принципиальной возможности называть подобные формы поведения бегством, другими словами, разновидностью страха свободы. Бегство от свободы часто имеет кажущийся характер, во многих случаях оно является разновидностью гибкого маневра и напоминает компромисс.

В самом общем виде свобода – это право человека быть самим собой, действовать с учетом и в меру имеющихся у него возможностей, способностей. В.А. Лекторский подчеркивал, что свобода «...как неотъемлемая характеристика гуманистического идеала мыслится не как овладение и контроль, а как установление равноправно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными процессами, с другим человеком, с ценностями иной культуры, с социальными процессами, даже с не рефлекслируемыми и «непрозрачными» процессами моей собственной психики. В этом случае свобода понимается не как выражение проективно- конструктивного отношения к миру, не как создание такого предметного мира, который контролируется и управляется, а как такое отношение, когда я принимаю другого, а другой принимает меня»⁵.

Свобода проявляется во всех аспектах жизнедеятельности людей, общества, но проявляется и реализуется по-разному. Во многом она зависит от других людей и общества в целом. Как отмечает известный американский экономист М. Фридман свобода «...есть ценность лишь в отношениях между людьми: для Робинзона Крузо, сидящего на пустынном острове..., она лишена всякого смысла. На своем острове Робинзон Крузо испытывает «ущемления», «власть» его ограничена, как ограничен круг имеющихся у него альтернатив, однако в том смысле, в котором она берется в нашем рассмотрении, проблема свободы перед ним не стоит. Точно также в применении к обществу принцип свободы ничего не говорит о том, как именно индивид должен пользоваться предоставленной ему свободой...» По-настоящему» важные этические проблемы – это те, что стоят перед индивидом в свободном обществе: что делать ему со своей свободой?»⁶.

Полностью свободная воля может опознать себя в тех образах, в которых собственная индивидуальность обретает уникальное значение, когда частность инстинктов и желаний, очищенных от своей необузданности благодаря рефлексии разума, становится счастьем или безмятежностью. Но, скорее всего, она познает свое творение в праве — реакции разума на зов свободы. Право фиксирует объективно результативным и общепризнанным образом, что волен делать человек, то есть совокупность общественных и частных свобод. Именно рассмотрение права в данном обществе наиболее четко показывает, до какой степени самосозидания дошла свобода.

Правовая свобода – это юридически формальное дозволение действовать определенным образом независимо от фактической возможности совершения соответствующих действий. В основе правовой свободы лежит свобода выбора. При этом значение приобретает не только сам факт выбора, но и его непредсказуемость. Для права существенно осознание субъектом меры свободы далекой от несправедливости, злоупотребления правом, посягательств на свободу иных лиц. Средством обозначения пределов, за которые не должна «выходить» правовая свобода субъектов, обозначаются с помощью норм права. Средством ограничения правовой свободы является также факт наличия иных субъектов. Как отмечал Г.В.Ф. Гегель,

ни один человек не обладает идеей о собственной свободе, если он не обладает идеей о свободе других лиц и о социальной связи с ними⁷.

Право является основным фактором, определяющим практические возможности реализации свободы в обществе. С точки зрения Б. Н. Чичерина «...полным выражением юридических начал, без всякой посторонней примеси, является право частное, или гражданское. Здесь человек представляется как свободное, самостоятельное лицо, которому присваивается известная область материальных отношений, и которое состоит в определенных юридических отношениях, к другим, таковым же лицам. По самой природе этих отношений в этой сфере господствует индивидуализм, здесь находится главный центр человеческой свободы. Из взаимодействия свободных волей возникает целый мир бесконечно переплетающихся отношений, в определении которых выражается вся тонкость юридического ума. В этом деле ... римские юристы были величайшие мастера, вследствие чего римское право сделалось как нормою для гражданского права всех новых народов»⁸.

Рассмотрим, как понималась свобода в разные эпохи, в разных системах права. В античной философии (у Сократа и Платона) речь идет, прежде всего, о свободе и судьбе, затем о свободе от политического деспотизма (у Аристотеля и Эпикура) и свободе как драме человеческого существования (у эпикурейцев, стоиков и неоплатоников). Античное право, признавая противоположность свободного человека и раба, было озадачено тем, чтобы придать свободе реальный статус, делая из рабства одних условия действительной свободы других. Но в то же время античное право показывает, что свобода, будучи реальной, остается лишь привилегией. Античное право продемонстрировало ограниченное, но конкретное и реальное осознание свободы, тогда как современное право, определяя свободу как универсальную ценность, непосредственно включает в это определение ограничение свободы. Согласно распространенному определению, право — «...это совокупность условий, при котором произвол одного лица совместим с произволом другого лица с точки зрения всеобщего закона свободы».

В Средние века христианская теология связывает со свободой движение Духа. Дух есть движение, но как спонтанность и порыв. В рамках христианского учения со стороны Бога высшая природа человека показывается Иисусом Христом, Богом, принявшим человеческий облик; со стороны человека — его «творчеством из себя», созданием «нового, не бывшего еще». Христианское учение содержит в себе позитивную концепцию свободы. Если бы не было этого Божественного дара (свободы) у человека, не было бы тогда и грехопадения в истории человечества.

В эпоху Возрождения и последующий период под свободой понимали беспрепятственное раскрытие способностей личности.

В естественно-правовых концепциях Нового времени и эпоху Просвещения свобода трактовалась как абсолютная ценность, как основание познания и права, как исходная предпосылка всех естественных прав человека. Подчеркивался ее неотчуждаемый характер, ее свойство, изначально и безусловно принадлежащее личности.

В классической европейской философии акцентировалось внимание на двух главных пунктах такого рода определений: (1) понимание свободы как познанной необходимости, как основания мышления и познания, возможностей человека во что-то верить и быть; (2) определение свободы как живого дыхания (пульсации) саморазвития человека в истории, которое выступает как процесс модификации свободы. Философы (Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель) выводили понятие свободы на фоне различия внутреннего и внешнего. Явление, которое называется свободным, содержит основание самого себя (то есть является самопричинным явлением). А нечто, что имеет основание вне себя — не свободно, поскольку оно состоит в причинной цепи, то есть имеет причинные обоснования и причины объяснения.

Именно в этом смысле великие философы говорили, что свобода имеет причиной самое себя и не имеет причины вне себя. В дальнейшем такой подход к свободе находит свое развитие, прежде всего, в философии И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля и их последователей. Они определяли право через свободу, изначально предполагая, что человеческая свобода в

принципе не может быть безграничной и нуждается в правовых формах ее реализации. Согласно этому подходу, право цивилизованного государства не посягает на первоначальное право, оно лишь очерчивает внешние границы пространства социальной свободы.

Суть природного предназначения свободы состоит в том, что свобода не просто некое благо вообще, не один лишь простор для самоудовлетворения, а пространство активности, развертывание новых возможностей человека с целью самосозидания себя в истории с помощью средств, не данных природой, в том числе и права. То есть люди свободны в меру их бытийного равенства и равны в меру их свободы.

По мнению великих философов, миссия права «по определению» и «сохранению» свободы не сводится к одному только установлению для нее ограничений — она состоит в том, что должны быть, наличествовать надлежащие правовые формы и способы, правовое устройство (позитивное право), определяющие и обеспечивающие свободу. Таким образом, право должно существовать как «вторая природа» и в таком качестве, наряду со всеми другими, направлять игру свободы человека. По Г.В.Ф. Гегелю свобода и право имеют одну и ту же природу. Отсюда вытекает одно из теоретических положений, имеющих решающее, первостепенное значение для понимания правовых вопросов, возможно, одно из наиболее существенных в философии права. Именно право по своей исходной сути есть форма, созданная людьми, которая логически и исторически предназначена быть институтом, призванным упорядочивать свободу, придать ей определенность и обеспеченность, а отсюда и человеческое содержание, истинно человеческую ценность.

Право не просто всеобщий масштаб или равная мера свободы индивидов. Свободные индивиды – суть и смысл права. Там, где отрицается свободная индивидуальность, личность, правовое значение физического лица, там нет и не может быть права (и правового принципа формального равенства), там не может быть и каких-то действительно индивидуальных правовых и иных (групповых, коллективных, институциональных и т.д.) субъектов права, действительно правовых законов и правовых отношений как в обществе в целом, так и в конкретных различных сферах общественной и политической жизни.

Значит, право имеет столь же фундаментальный, основополагающий для общества характер, как и свобода, которая принимает различные формы, как в индивидуальном сознании, так и в истории общества.

Во вне человеческая свобода выражается через его волю, неслучайно поэтому социальная свобода человека нередко отождествляется со свободой воли. Как пишет С. Н. Егоров без ответа на этот вопрос – «...обладает ли человек свободой воли – не может быть построена теория права. Более того, она не может быть построена без положительного ответа на этот вопрос. В самом деле, цель любой правовой системы заключается в ограничении произвола в поведении людей. Но всякое такое ограничение обращено всегда к сознанию человека, к его сознательной воле. Однако, если причина поступков человека лежит не в нем самом, если у него нет свободы воли, если каждый его поступок кем-то (чем-то) предопределен, тогда никакие требования, обращенные к человеку, к его сознанию, к его разуму, не могут влиять на его поведение и, следовательно, любая правовая система становится бессмысленной... И тот, кто взялся за какую-нибудь деятельность в области права и не хочет заранее признать эту деятельность бессмысленной, просто обязан признать наличие у человека свободы воли»⁹.

Справедливость как основная правовая ценность

Слово «справедливость» произошло от слова «право» (правый, правда), а в латинском языке означает «*justitia*» (справедливость) — от *jus* (право). Начиная еще с Вед и Упанишад, с Гесиода и Гомера, справедливость трактовалась как «сущий миропорядок», духовная основа истории. Заметим, что в данном случае справедливость истолковывалась как некая матрица природных процессов и человеческих свершений. С распадом родового строя в результате возникновения частной собственности и классов, представления о справедливости стали выражать соразмерность человеческих поступков, их отношение к порядку во Вселенной и в

обществе. Б. Рассел, отмечая возрастающую значимость понятия «справедливость», подчеркивал, что «...имеется некоторого рода необходимость или естественный закон, который постоянно восстанавливает равновесие. Это понятие справедливости – не переступать установленных от века границ – было одним из самых глубоких греческих убеждений»¹⁰.

В понятии справедливости, взятой в ее мировоззренческом отношении, как бы заключен вопрос: могут ли мир и общество быть совершенными, возможны ли в них надлежащая пропорция, соразмерность и упорядоченность? Справедливость в глазах древних выступала как мера, закон и принцип. Богиня Дике полагается, как начало и носитель права, правды и справедливости.

Согласно Платону к выяснению сущности справедливости нужно подходить с учетом социальных условий существования людей, так как, хотя бог и природа имеют определяющее значение для происхождения справедливости ее реализация на земле немислима без соответствующих социальных порядков, главная роль в поддержании которых принадлежит государству. «Испытывая нужду во многом, утверждает он, - многие люди собираются воедино, чтобы найти, сообщая и оказывая друг другу помощь: такое совместное поселение и получает от нас название государства...»¹¹.

Развернутую концепцию социальной справедливости как важнейшего условия нормального функционирования государства, обеспечивающего достойную жизнь своих граждан, разработал Аристотель. Справедливость он считал величайшей из добродетелей, которой «...дивятся больше, чем свету вечерней и утренней звезды»¹².

Социолог Ж. Гурвич, давая определение права, неизменно подчеркивал, что «...право представляет собой попытку реализовать в данном социальном образовании идею справедливости (т. е. привести к начальному и варьирующемуся в существенных моментах сочетанию присущие данному социальному образованию противоречивые культурные ценности)»¹³.

Взаимосвязь и взаимозависимость права и справедливости подчеркивал В.Г. Графский, отмечая, что «...право и справедливость как ценности всегда тесно взаимообуславливались практически во всех системах права – от древности до современных национальных систем. Справедливость в самой структуре правового общения тесно связана, прежде всего, с достижением или обеспечением такого результата разрешения правовых конфликтов, как достижение добра, пользы»¹⁴. Очевидно, что право, не приносящее пользу, не способствующее разрешению конфликтных ситуаций и тем самым утверждению справедливости, в глазах субъектов права утрачивает свою ценность, а в итоге - выпадает из системы соционормативного регулирования, т.е. из системы функционирующих в обществе норм, включающих в себя моральные, правовые, политические, религиозные, эстетические нормы, нормы моды, этикета, нормы-обыкновения, корпоративные нормы»¹⁵. При этом справедливость, говоря словами Д. Ллойда это «...всего лишь идея рационального порядка», т. е. порядка, основанного на разумности»¹⁶.

Следует согласиться с В. В. Лапаевой, утверждающей, что «...чем полнее право соответствует принятым в обществе социальным ценностям, тем выше престиж права в обществе и тем эффективнее осуществляется правовое регулирование. В такой ситуации само право расценивается людьми в качестве одной из важнейших социальных ценностей и правомерное поведение становится внутренней потребностью большинства членов общества»¹⁷.

Попутно следует заметить, что сторонники формально-догматического подхода, по существу, выносили понятие справедливости за рамки правового дискурса. Так С. В. Пахман полагал, что понятие «справедливость» само по себе есть лишь логическая категория, лишенная всякого определенного содержания: можно говорить о справедливости и с точки зрения экономической¹⁸. В контексте методологии правового позитивизма Н. К. Ренненкампф утверждал, что юридической силой и действием не обладают самые справедливые и возвышенные указания человеческого разума и нравственности до тех пор, пока не получили

установленного признания и утверждения в обществе. Критически рассматривая метаюридические понятия и их значение в правоприменительной практике, ученый занимал позицию, в соответствии с которой «на основании справедливости судья не может ни пополнять пропуски закона, ни исключать приложение известного закона к известному случаю»¹⁹. И. А. Покровский отмечал, что «...применение одних норм вызывает удовлетворение этического чувства, чувства справедливости, меж тем, как применение других приводит к обратному – к чувству несправедливости. Вместе с тем в случаях последнего рода с психологической неизбежностью норме действующей, но несправедливой, мысленно противопоставляется другая норма – недействующая, но справедливая – та, которая должна бы действовать вместо настоящей»²⁰.

Противоположностью справедливости выступает несправедливость, разрушение порядка, деструкция существующего. Когда же справедливость выражает достигнутую для данного исторического периода гармоничность, оптимальность человеческих отношений, сознание ее не фиксирует. И в этом плане она созвучна свободе. И справедливость, и свобода, когда они налицо, становятся подобными воздуху. Жить достойно без них нельзя.

Право — это мера реализации свободы и в то же время — норма политической справедливости. Другими словами, право есть нормативно закреплённая справедливость. Право покоится на идее справедливости. Как считал Г. В. Ф. Гегель, право не есть добро без блага. Справедливо то, что выражает право, соответствует праву и следует духу права.

Со времени Аристотеля выделяют два вида справедливости: распределительную и уравнивающую. Распределительная справедливость как принцип означает деление общих благ по достоинству, соразмерно и пропорционально вкладу и взносу того или иного члена общества, здесь, возможно, как равное, так и неравное наделение соответствующими благами (властью, почестями, деньгами). Критерием уравнивающей справедливости является арифметическое равенство. Сфера применения этого принципа — область гражданско-правовых сделок, возмещение ущерба, наказания и т. п. Принцип справедливости гласит: не всем одно и то же, а каждому свое (по достоинству), ибо для неравных равное стало бы неравным.

Сосуществование людей на почве взаимного признания прав и свобод представляет собой такой порядок их сосуществования, который может быть назван справедливым, или «справедливостью». Именно справедливость выступает основой идеи права, выражает его сущность, а особый акт признания определяет, как справедливость, так и феномен права в целом. Справедливость выступает и мерой относительного достоинства ценностей, мерой их равновесия и субординации. Справедливость выступает особым механизмом, поддерживающим меру равновесия правовых ценностей и одновременно определяющим момент доминирования при конфликтном столкновении этих ценностей.

Современная эпоха с ее процессами глобализации особенно требует межкультурного диалога по обоснованию справедливости и, следовательно, разработке принципов универсальной справедливости. В содержание универсальной справедливости включаются: а) требование равенства («действовать одинаково в одинаковых условиях»), которое формулируется как требование непредвзятости и запрет произвола; б) идея взаимосвязи содеянного и расплаты за это, которая нашла свое воплощение в «золотом правиле»; в) требование равновесия между утратой и приобретением («справедливого обмена»), которое имеет смысл не только для хозяйственной деятельности.

Универсальную справедливость характеризует, прежде всего, признание таких правовых ценностей, как жизнь, собственность, доброе имя («честь»), которые воплощаются в признании прав человека, и главным образом, его права на свободу, которые можно найти уже в древнем уголовном праве.

Общий принцип, который можно выявить, анализируя различные воплощения идеи справедливости, состоит в том, что по отношению друг к другу люди имеют право на определенное относительное состояние равенства или неравенства, в соответствии с которым распределяются тяготы или блага. Назначением справедливости традиционно считается

поддержание и воспроизведение равновесия или равной меры. Она применима как для критической оценки поведения человека с позиции определенных правил, так и для критики самих этих правил и их применения. В этом же ключе рассуждал известный философ В. С. Соловьев, утверждавший, что право представляет собой свободу, обусловленную не только равенством всех, т. е. равным ее ограничением, а также действительными условиями самого равенства. При этом не всякое ограничение, пусть и равное, может образовать право²³. Последнее в его объективном отношении к нравственности рассматривалось цитируемым автором как «... принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла»²⁴.

Два аспекта справедливости (содержательный и формальный) отражают две стороны проблемы справедливости в праве, касающиеся критерия оценки справедливости или несправедливости закона, с одной стороны, и его применения в конкретных делах — с другой. Но независимо от того, одобряем мы или нет содержательную концепцию справедливости, на которой базируется закон, мы можем и должны рассматривать правовую систему с точки зрения формальной справедливости. Суть формальной справедливости заключается в последовательном (то есть беспристрастном, объективном) применении правил. И именно на ней, как безусловных минимальных требованиях морали по отношению к праву, делает акцент правовой позитивизм.

Общим и безусловным моментом всех современных концепций справедливости является идея прав человека, то есть признание одинакового обращения с людьми и отказ от привилегий и иммунитета, связанных с национальными и религиозными признаками.

В соответствии с двумя измерениями социального бытия — персональным и институциональным — существуют и два понятия справедливости: (а) справедливость как характерная черта личности, относящаяся к четырем главным добродетелям человека наряду с рассудительностью, мужеством и разумом (мудростью); (б) справедливость, касающаяся социальных институтов (семья, хозяйство, школа), а также политическая справедливость, которая касается права, государства и политики. Их можно также обозначить как «субъективная» и «объективная» справедливость. Без справедливости как качества личности, без соответствующих ценностных ориентаций не может функционировать и справедливая правовая система. Точно так же для поддержания этих ценностных ориентаций на справедливость правовые институты должны быть соответствующим образом организованы.

Какому же из этих компонентов справедливости следует отдать приоритет в условиях современных трансформаций? При недостаточной развитости, как соответствующих установок личности, так и недостаточной воплощенности принципов справедливости в данных институтах лишь одновременное внимание к обоим компонентам способно принести успех. В то же время существует и приоритетный момент, который заключается в выработке соответствующих критериев справедливости и их обосновании, то есть разработке теории справедливости.

Если понимать справедливость как высший принцип человеческой жизни и основу осуществления человеческой общественной сущности, то особого внимания заслуживают три элемента значения понятия «справедливость», которые были выделены О. Хёффе: (а) справедливость имеет природу моральной обязанности; (б) ближе всего она находится к обязанностям, которые признаются добровольно и стоят выше простого принуждения; (в) ее мера заключается в дистрибутивной пользе — справедливым является полезное каждому человеку.

В зависимости от принятия или непринятия этих элементов справедливости существуют теории, которые скептически относятся к идее справедливости, и теории, которые разделяют эту идею. Современные теории справедливости относятся к типу договорных теорий и ориентируются на теорию И. Канта.

Основными путями обоснования критерия справедливости являются представления о природе человека и об основной политической цели и идеале общества. Именно образ человека во многом определяет выбор концепции справедливости. Современные концепции

справедливости содержат в себе образ человека как существа одновременно способного к самосовершенствованию, то есть достойного, так и существа автономного, то есть разумного и способного к самоограничению. Поэтому наиболее подходящим будет такой принцип справедливости, который обеспечит наилучшие условия для самореализации и автономии личности, меру соотношения свободы и равенства.

Институциональная защита человека как субъекта основывается на признании человеческого достоинства, являющегося одной из общечеловеческих ценностей, и запрещает унижение достоинства как неотъемлемого права человека.

Равенство как правовая ценность

Как отмечает американский ученый Х. Лэйси (и это есть общее место всей современной социологии), «...ценности *«вплетены»* в жизнь в большей или меньшей степени так, что траектория жизни личности демонстрирует их через поведение постоянно, последовательно и выявляет при этом их обновление. *Ценность выражается в практике* в тех ее формах, развитию которых она способствует, и требует поведения, которое демонстрирует эту ценность»²⁵.

Понятие равенства, предполагающее соблюдение человеческого достоинства, означает не только гарантированную законом возможность действовать в известных пределах по своему усмотрению, но предполагает равные условия жизнедеятельности. Идея человеческого достоинства существует в правовых принципах объективно, так как в ней преломляются и получают конкретизацию экономические и политические закономерности²⁶.

Фундаментальную для права вообще и ч. п. в особенности идею равенства (в общественных отношениях) впервые высказали пифагорейцы. Одним из первых в отечественной науке истории правовых учений на это обстоятельство обратил внимание П. Г. Редкин, писавший, что «...пифагорейцы были первые философы, заговорившие о равенстве между гражданами как требуемом правдою и справедливостью, ибо она-то и уравнивает их между собою, воздавая каждому равное за равное»; и далее: «у пифагорейцев равенство впервые получает юридическое значение»²⁷. В современной науке это положение развивает В. С. Нерсесянц, увязывавший формулировку пифагорейцами идеи юридического равенства с их увлечением математикой (обусловленным представлением о числе как основе всего существующего), в которой уравнение является одним из наиболее распространенных способов записи задач; прогресс взглядов пифагорейцев по сравнению с воззрениями предшествовавших мыслителей, по мнению В. С. Нерсесянца, состоял в том, что «...они не просто говорили о справедливости как надлежащей мере, но в этом контексте выявили и выделили момент равенства, столь существенный для всей последующей эволюции этических и правовых представлений»²⁸.

Выдвинутая пифагорейцами идея правового равенства нашла свое дальнейшее развитие в учении Сократа, который, по свидетельству своего ученика Платона, подчеркивал, «...как много значит и меж богов, и меж людей ... геометрическое равенство»²⁹, под которым, по мнению В. С. Нерсесянца, Сократ имел в виду «...политическую справедливость, равенство по ценности в делах политической добродетели в отличие от простого числового, арифметического равенства»³⁰. Выделение Сократом особого вида равенства, который именно в сфере отношений по управлению делами полиса должен преобладать над равенством в его обычном понимании, обусловило, по всей видимости, дифференциацию в учениях последующих поколений древнегреческих мыслителей, как самого понятия равенства, так и соответствующих различным видам равенства сфер общественных отношений. Так, Платон, разъясняя существо противопоставления геометрического равенства арифметическому, указывал, что «...для неравных равное стало бы неравным, если бы не соблюдалась надлежащая мера»; геометрическое равенство, по Платону, — это «...самое истинное и наилучшее равенство»: «большему оно уделяет больше, меньшему — меньше, каждому дая то, что соразмерно его природе»³¹. Противопоставление Платоном геометрического равенства арифметическому интерпретируется Ф. Х. Кессиди в качестве демонстрации мыслителем

своего предпочтения распределения власти пропорционально достоинствам участников политического процесса по сравнению с участием всех граждан в управлении обществом на абсолютно равных началах³². Таким образом, Платон внес свой вклад в развитие учения о двух видах равенства (справедливости) и в этом смысле способствовал возникновению впоследствии идеи частного права.

Вместе с тем Платон никоим образом не может быть признан автором или сторонником идеи частного права как таковой. В моделях идеального государства, представленных в диалогах «Государство» и «Законы», философ не оставляет личности сколько-нибудь значительной автономии в частных делах, подвергая самые различные сферы деятельности индивида подробной регламентации. Е. Н. Трубецкой указывал, что «...основная черта идеального государства Платона заключается в совершенном подчинении личности абстрактной родовой идее», и что «...в этом государстве человек управомочен не как индивид, не как отдельная личность, а как представитель какого-либо родового, отвлеченного понятия, как член известного общественного класса»³³.

Идея «равенства возможностей» была особо актуальна в период буржуазных революций конца XVII. Вместе с тем формальное равенство свободных индивидов является наиболее абстрактным определением права. «Как и личное равенство, равенство возможностей нельзя толковать дословно. Открытые перед человеком возможности должны определяться только его способностями, а не происхождением, национальной принадлежностью, цветом кожи, полом или иными факторами»³⁴.

В заключении автор подчёркивает, что идея уважения достоинства человека составляет основу принципов равенства и справедливости.

Ссылки

- ¹ Кассирер, Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. Серия 7. Философия, 1990, № 2. С. 58–65.
- ² Нерсесянц, В. С. Философия права. Учебник для вузов. М.: Издательство НОРМА, 2000. С. 23.
- ³ Цит. по: О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли / [Рос. акад. наук, Ин-т философии; Сост. М. А. Абрамов и др.]; Отв. ред. М. А. Абрамов. М.: Наука, 1995. С. 73.
- ⁴ Цит. по: О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли / [Рос. акад. наук, Ин-т философии; Сост. М. А. Абрамов и др.]; Отв. ред. М. А. Абрамов. М.: Наука, 1995. С. 74.
- ⁵ Лекторский, В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 19.
- ⁶ Фридман, М. Взаимосвязь между экономической и политической свободами // Фридман и Хайек о свободе. Минск: Полифакт-Референдум, 1990. С. 13.
- ⁷ Гегель, Г. В. Ф. Философия права Пер. с нем.: Ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц; Авт. вступ. вст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1992. 524 с. Серия «Философское наследие».
- ⁸ Чичерин, Б. Н. Собственность и государство. Глава II. ПРАВО // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. V. Россия конец XIX–XX в. / Нац. обществ.-научн. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. С. 63–64; см. также: Чичерин, Б. Н. Собственность и государство. СПб: Издательство РХГА, 2005. 824 с. // klex.ru?jfg.
- ⁹ Егоров, С. Н. Аксиоматические основы теории права. СПб.: Лексикон, 2001. С. 39–40.
- ¹⁰ Рассел, Б. История западной философии: сокр. пер. с англ. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. С. 45.
- ¹¹ Платон. Государство. Книга вторая // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. С. 130.
- ¹² Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 147.
- ¹³ Туманов, В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М.: Наука, 1971. С. 243.
- ¹⁴ Графский, В. Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. научн. тр./ред. В. С. Нерсесянц. М.: ИГП РАН, 1996. С. 80–82.
- ¹⁵ Лапаева, В. В. Социология права. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 179.
- ¹⁶ Ллойд, Д. Идея права / Пер. с англ. М. А. Юмашева, научн. редактор Ю. М. Юмашев. Изд 3-е. М.: «Книгодел», 2006. С. 140.
- ¹⁷ Лапаева, В. В. Социология права. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 205.
- ¹⁸ Пахман, С. В. О современном движении в науке права. Речь, произнесенная в годовом собрании Юридического общества, состоящего при С.-Петербургском университете, 14 февраля 1882 года С. В. Пахманом, заслуженным профессором и почетным членом университетов: С.-Петербургского, Казанского и Харьковского. СПб: Типография Правительствующего сената. 1882 С. 22.

- ¹⁹ Ренненкампф, Н. К. Юридическая энциклопедия. Киев: товарищество печатного дела и торговли «И. Н. Кушнеров и Ко», 1889. С. 26.
- ²⁰ Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. С. 61.
- ²¹ Радбрух, Г. Философия права: Пер. с нем. М.: Международные отношения, 2004. С. 88–89.
- ²² Мальцев, Г. В. Социальная справедливость и право. М.: Мысль, 1977. С. 66.
- ²³ Соловьев, В. С. Право и нравственность. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. С. 22.
- ²⁴ Соловьев, В. С. Право и нравственность. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. С. 35.
- ²⁵ Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание. М.: Логос, 2001. С. 67.
- ²⁶ Придворов, Н. А. Достоинство личности и социалистическое право. М.: Юридическая литература, 1977. С. 51.
- ²⁷ Редкин, П. Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т.2. С.-Пб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1889. С. 101 (цит. по: Нерсисянц В. С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. С. 31, прим. 39).
- ²⁸ Нерсисянц, В. С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. С. 31.
- ²⁹ Платон. Горгий. 508 а (пер. С.П. Маркиша) // Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. I / Общ. ред. А. Ф. Лосева и др. Авт. вступит. статьи А. Ф. Лосев. Примеч. А. А. Тахо-Годи. Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1990. С. 552–553.
- ³⁰ Нерсисянц, В. С. Указ. соч. С. 134.
- ³¹ Платон. Законы. 757 а (пер. А. Е. Егунова) // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4 / Пер. с древнегреч. Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмусаб А. А. Тахо-Годи. Авт. ст. в примеч. А. Ф. Лосев. Примеч. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. С. 207.
- ³² Кессиди, Ф. Х. Изучение философии Платона в СССР // Платон и его эпоха. К 2400-летию со дня рождения / отв. ред. Ф. Х. Кессиди. М.: Издательство «Наука», 1979. С. 250–256.
- ³³ Трубецкой, Е. Н. Лекции по истории философии права // Труды по философии права. СПб., 2001. С. 74–75.
- ³⁴ Фридман, М. Капитализм и свобода // Фридман и Хайек о свободе / ред. Г.С. Лисичкин. Минск: Полифакт-Референдум, 1990. С. 81.
- ³⁵ Соловьев, В. С. Право и нравственность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. 1990. С. 99.
- ³⁶ Соловьев, В. С. Право и нравственность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли; ред. Поляков А. В.; Козлихин И. Ю. Л.: Издательство Лениздат, 1990. С. 454.
- ³⁷ Нерсисянц, В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристъ, 1996.
- ³⁸ Нерсисянц, В. С. Ценность права как триединство свободы, равенства и справедливости // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление / Отв. ред. В. С. Нерсисянц. М.: ИГП РАН, 1996. С. 6, 8.
- ³⁹ Ллойд, Д. Идея права / Пер. с англ. М. А. Юмашева, научн. редактор Ю. М. Юмашев. Изд 3-е. М.: «КНИГОДЕЛ», 2006. С. 135.
- ⁴⁰ Фридман, М. Свобода, равенство и эгалитаризм // Фридман и Хайек о свободе / Пер. с англ. Под ред. А. Бабица. SATO INSTITUTE, 1985. С. 72.
- ⁴¹ Кант, И. Из лекций по этике (1789–1782) // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения, 1988. М.: Политиздат, 1988. С. 306.
- ⁴² Соловьев, Э. Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. М.: «Наука». 1992. С. 52.
- ⁴³ Нерсисянц, В. С. Ценность права как триединство свободы, равенства и справедливости // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление / Отв. ред. В. С. Нерсисянц. М.: ИГП РАН, 1996. С. 6, 8.
- ⁴⁴ Глухарева, Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). Монография. М.: Юристъ, 2003. С. 106.

Anotācija

Raksts ir turpinājums autora rakstam, kas publicēts žurnālā “Administratīvā un Kriminālā Justīcija” 2019.gada 3/4 numurā. Tajā tiek analizētas tiesību pamatvērtības, t. sk. brīvība, taisnīgums, vienlīdzība.

Analizējot vairāku autoru viedokļus, autors secina, ka tiesību pamatvērtības nosaka tiesību virzienu un nozīmi, kā arī tiesību normu saturu, kas ir to normatīvā izpausme, pamatvērtības atspoguļojas gan juridiskajā kultūrā, gan tiesiskajā apziņā.

Autorprāt, tiesību normas iegūst vērtību nozīmi un kļūst par vērtēšanas objektu. Vērtību starpā pastāv ne tikai ciešas saites, Tāpēc ir nepieciešami gan saistīti skaidrojumi, t. sk. par atšķirībām tajos.

Raksta nobeigumā tiek uzsvēta cilvēka cieņas nozīme, t. sk. tiesību pamatvērtību, vienlīdzības un taisnīguma kontekstā.

JURIDISKĀS DOMAS ATTĪSTĪBA

NACIONĀLAIS
ATTĪSTĪBAS
PLĀNS 2020

EIROPAS SAVIENĪBA

Eiropas Reģionālās
attīstības fonds

IEGULDĪJUMS TAVĀ NĀKOTNĒ

Publicēta RTA asoc. profesora Dr. iur. Artūra Gaveikas monogrāfija „Schengen *Acquis* (Schengen Law)”

Monogrāfija „Schengen *Acquis* (Schengen Law)” izstrādāta pētījuma projekta „ES ārējo robežu drošība, Latvijas iekšējā drošība” ietvaros.

Pētījums veltīts ES ārējās robežas normatīvā regulējuma un prakses problemātikai starptautisko, ES un nacionālo tiesību jomā, Latvijas kā starptautisko tiesību subjekta drošības, suverenitātes, teritoriālās jurisdikcijas un valsts robežas kontekstā saistībā ar personu brīvas pārvietošanās īstenošanu Šengenas *Acquis* (Šengenas tiesību kopuma) darbības telpā.

Pilns monogrāfijas saturs šeit: <http://books.rta.lv/index.php/RTA/catalog/book/17>.

Starptautiskā studentu un docētāju zinātniski praktiskā konference
“INDIVĪDS. SABIEDRĪBA. VALSTS”

Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmijā, Rēzeknē, Latvijā
2022. gada 21. maijā

Organizē:

Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmijas Ekonomikas un pārvaldības fakultāte

Sadarbībā ar:

Polockas Valsts universitāti
(Baltkrievija)

Utenas Koleģiju
(Lietuva)

Kaunas Koleģiju
(Lietuva)

Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmijas Ekonomikas un pārvaldības fakultāte organizē ikgadējo starptautisko studentu un docētāju zinātniski praktisko konferenci
“Indivīds. Sabiedrība. Valsts”

Konferences mērķis ir veicināt teorētisko un praktisko viedokļu apmaiņu un diskusiju par aktuālajiem jautājumiem uzņēmējdarbībā, ekonomikā, starptautiskajā sadarbībā, tiesību zinātnē, arhīvniecībā, lietišķajā vēsturē, komunikācijas vadībā un reģionālajos pētījumos.

Iesniegtie raksti pēc konferences tiks publicēti konferences rakstu krājumā.

Konferences galvenās tēmas

- Tiesību zinātne. Publiskās un privātās tiesības
- Uzņēmējdarbība. Mārketings. Tūrisms. Vadība
- Ekonomika. Finances un grāmatvedība
- Reģionālie pētījumi
- Starptautiskā sadarbība. Robežapsardzība

Konferences dalības maksa

Dalības maksa dalībniekiem, kas nav Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmijas (RTA) studenti un docētāji, ir **20 EUR**. RTA bakalaura un maģistra programmās studējošajiem un RTA docētājiem dalība konferencē ir **bezmaksas**. Dalības maksā ietilps raksta publicēšanas izdevumi, konferences materiāli, rakstu krājums un uzkodas kafijas pauzē. Dalības maksā neietilpst ceļa izdevumi un izmitināšana viesnīcās.

Norēķinu konts ***dalības maksas
pārskaitījumam:***
RĒZEKNES TEHNOLOĢIJU
AKADĒMIJA
Reģ. Nr. 90000011588
PVN reģ. Nr. 90000011588
Atbrīvošanas aleja 115, Rēzekne
Banka: VALSTS KASE
Konts LV90TREL9150160000000

Reģistrācija konferencē

Reģistrācijas anketa: <https://ieej.lv/fResD>

Svarīgi termiņi

- 1) Reģistrācija konferencē **līdz 06.04.2022.**
- 2) Raksta iesniegšana **līdz 21.04.2022.**, nosūtot uz e-pastu: Anita.Puzule@rta.lv

Konferences zinātnisko rakstu krājumu plānots publicēt 2022.gada novembrī, ievietojot journals.rta.lv. Labākie raksti tiks publicēti žurnālā "Administratīvā un Kriminālā Justīcija": <http://journals.rta.lv/index.php/ACJ>

Izstrādājot rakstu, lūdzam ievērot raksta iesniegšanas termiņu, raksta atbilstību konferences tēmām un noformēšanas prasībām. Studentam raksta saturs obligāti jāaskaidro ar savu zinātnisko vadītāju.

Konferences darba valoda: latviešu un angļu.

Rakstus jāiesniedz: latviešu vai angļu valodā.

Konferences norises vieta: Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmijas Ekonomikas un pārvaldības fakultāte, Atbrīvošanas alejā 115, Rēzeknē.

Konferences koordinatore: Anita Puzule, e-pasts: Anita.Puzule@rta.lv

Konferences orgkomiteja:

Dr.oec. Iluta Arbidāne, Dr.iur. Ilona Bulgakova, Dr.iur. Līga Mazure, Dr.oec. Iveta Mietule, Mg.oec. Inta Kotāne, Mg. iur., Mg. soc.sc. Ilga Krampuža, Mg.oec. Anita Puzule, Mg.soc.sc. Daina Znotiņa.

International Students' and Teachers' Scientific and Practical
Conference **INDIVIDUAL. SOCIETY. STATE**

Rezekne Academy of Technologies, Rēzekne, Latvia
21th May, 2022

Is organised by:

Rezekne Academy of Technologies Faculty of Economics and Management

In collaboration with:

Polotsk State university
(Belarus)

Utenos Kolegija/University of
Applied Sciences
(Lithuania)

Kauno Kolegija/University of
Applied Sciences
(Lithuania)

Rezekne Academy of Technologies Faculty of Economics and Management annually
organises international students' and teachers' scientific and practical conference
“INDIVIDUAL. SOCIETY. STATE”

The aim is to boost theoretical and practical exchange of views on topical issues
related to entrepreneurship, economics, international co-operation, law, archival science,
applied history, communications management and regional studies. Scientific articles
are published in the conference proceedings.

Main conference themes

- Law. Public and Private Law
- Entrepreneurship. Marketing. Tourism. Management science
- Economics. Finance and accounting
- Regional studies
- International co-operation. Border security

Conference participation fee

Conference participation fee is **20 EUR** with publication of the article, **7 EUR** for participants without publication of the article. For bachelor and master students of the higher education institution, organising the conference, participation in the conference is free of charge. It includes all expenses concerning the paper evaluation, publishing, conference participant materials, conference proceedings and a coffee break.

Participation fee does not include travel and accommodation expenses.

Beneficiary's account EUR

Rezekne Academy of Technologies
Reg.No.90000011588
VAT Reg.No. 90000011588
Atbrīvošanas aleja 115, Rēzekne
Bank: VALSTS KASE
S.W.I.T. code TREL LV22
Account LV90TREL9150160000000

Conference registration

Registration form: <https://ieej.lv/wC8gh>

Important deadlines

- 1) Registration is open till **April 6, 2022**
- 2) Submission of full scientific papers before **April 21, 2022** sending via email to Anita.Puzule@rta.lv

The proceedings of the conference will be published on November 2022 and will be available on journals.rta.lv.

We kindly request the authors to adhere to the deadline submitting scientific papers, conference theme and formatting requirements. Students should obligatory consult the text of the paper with their scientific supervisors.

Conference working languages: Latvian and English.

Articles can be submitted in the Latvian and English languages.

Conference venue: Rezekne Academy of Technologies, Faculty of Economics and Management Atbrīvošanas aleja 115, Rēzekne, Latvia

Conference coordinator: Anita Puzule, e-mail: Anita.Puzule@rta.lv

Conference Organising Committee: Dr.oec. Iluta Arbidāne, Dr.iur. Ilona Bulgakova, Dr.iur. Līga Mazure, Dr.oec. Iveta Mietule, Mg.oec. Inta Kotāne, Mg. iur., Mg. soc.sc. Ilga Krampuža, Mg.oec. Anita Puzule, Mg.soc.sc. Daina Znotiņa.

Piesakies studijām JANVĀRĪ!
Sāc studēt
RĒZEKNES TEHNOLOĢIJU AKADĒMIJĀ!

Informāciju par valsts finansētajām budžeta vietām pilna laika studiju programmās meklē **www.rta.lv**

Ieskaties RTA sociālajos tīklos

@Rezeknes.Tehnologiju.akademija
@RezekneAcademyofTechnologies

@RezTehAkademija

@rezeknestehnologijuakademija

Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija –
Tavs sta**RTA** punkts **RĒZEKNĒ!**

www.rta.lv